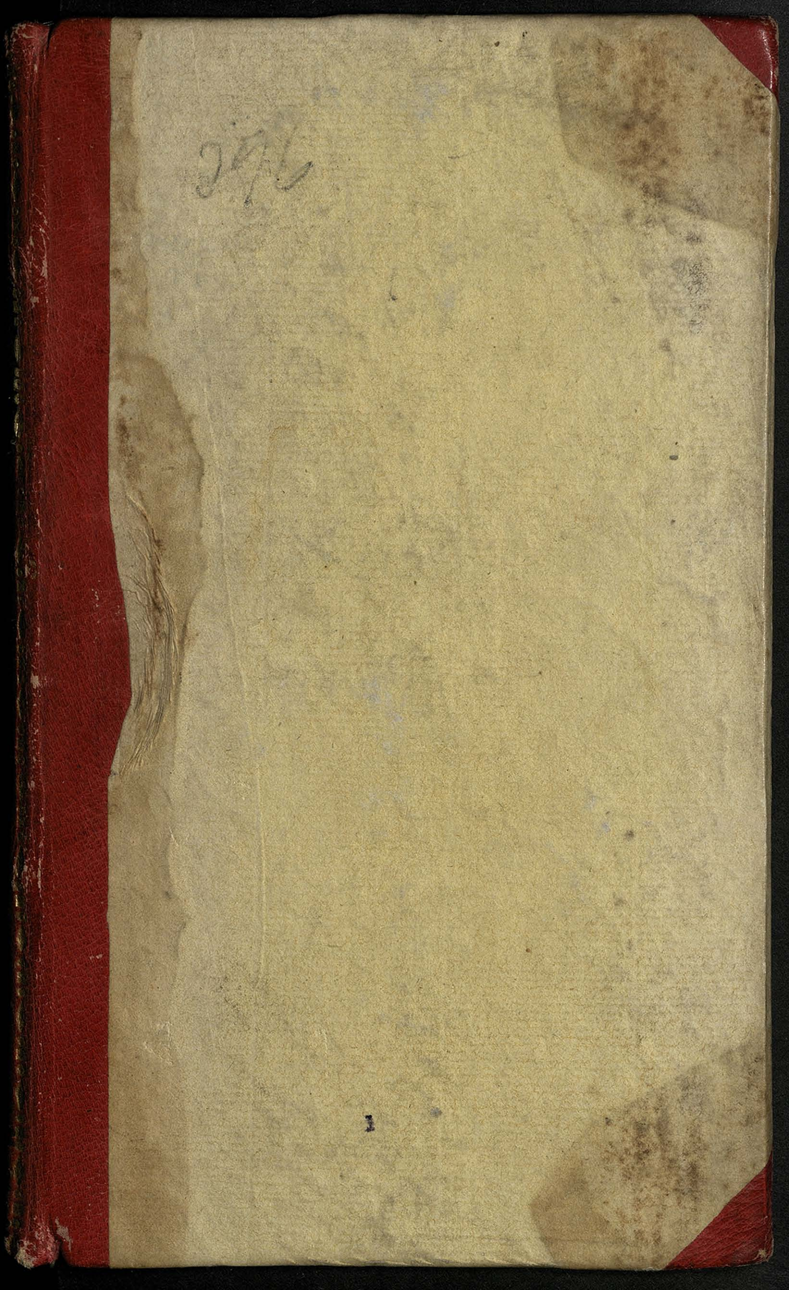

АГАТОНЪ,

ИЛИ

КАРТИНА ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ

Нравовъ и обычаевъ Греческихъ.

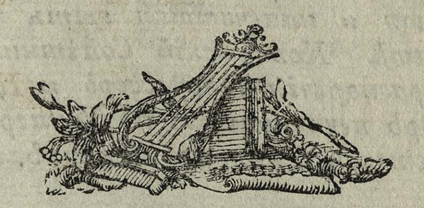
Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

Quid virtus et quid sapientia possit. т. е.

Что могутъ добродѣтель и премудрость.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Агатонъ, или картина Философическая, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатаны быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третіей части.

КНИГА ОСЬМАЯ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

)(оча-

АГАТОНЪ.

Продолженіе осьмой книги.

Глава пятая.

Слабость Агатона. Нечаянный случай, постановленія его опредѣляющій.

Мы возвращаемся къ нашему Агатону, оставленному нами при концѣ четвертой главы на пути къ пристани Смирнской.

Не можно было предпріимчивѣе его быть. На первый корабль, готовый къ выходу, хотѣлъ онъ сѣсть и ѣхать на ономъ къ Антиподамъ (противоножнымъ жителямъ). Но — столь велика сла-

бость человѣческаго сердца! — какъ Агатонъ достигнулъ пристани и узрѣлъ предъ глазами премножество кораблей, ожидающихъ только знака къ поднятiю якоря; то немного недоставало къ обратному его возвращенiю, чтобы, вмѣсто убѣганiя отъ прекрасной Данаи, прелетѣть къ ней въ объятiя со всею горячностiю разпаленнаго любовника.

Но мы желаемъ быть справедливыми. Данае довольно заслуживала, чтобы ему предпрiятiе ее оставить больше вѣтренаго вздоха стояло; и естественно, что онъ, въ намѣренiи произвести свое добродѣтельное предпрiятiе въ дѣйство, бросилъ взоръ на прошедшее, и представилъ себѣ живѣе имъ вкушаемыя блаженства, отъ коихъ онъ добровольно отказывался; а для чего? — чтобы снова, какъ скитающiйся

въ

вѣ океанѣ свѣта бѣглецѣ, подвергнуться случаямѣ безызвѣстной будущности. Сія послѣдняя мысль привела его вѣ изумленіе; но скоро онѣ былѣ пораженѣ другими представленіями, тронувшими преизполненное чувствительностію сердце его гораздо сильнѣе, нежели все касающееся до него единственно и непосредственно. Онѣ поставилѣ себя на мѣстѣ Данаи. Онѣ предначерталѣ ея соболѣзнованіе, раздирающее ея нѣжное сердце, когда она при своемѣ возвращеніи узнаетѣ о его побѣгѣ. Столь нѣжно она его любила! Всякое зло, насказанное о ней ему Гиппіасомѣ, все имѣ самимѣ кѣ тому придуманное не могло вѣ сію минуту заглушить гласа чувствованія, его убѣждающаго, что онѣ истинно былѣ любимѣ. Естьли болѣзнь о потеряніи возлюбленнаго соразмѣрна величинѣ любви, то коль нещастна

на

на долженствовала быть Данае! Сострадание, возродившее въ немъ сие представление, сдѣлало ее паки выгоднымъ предметомъ для его сердца. Образъ ея представился ему опять со всѣми прелестями, коихъ волшебную силу онъ столь часто испытывалъ. Какия возпоминания! Онъ не могъ защититься, чтобы не отдаться имъ на нѣсколько минутъ, и при каждой ощущалъ онъ менѣе силы отъ оныхъ паки избавиться. Полупобѣжденная уже душа его сопротивлялась еще, но всегда слабѣе. Купидонъ, чтобъ тѣмъ извѣстнѣе побѣдить, сокрылся подъ трогательный видъ сострадания, великодушия, благодарности. — Какъ! На столь горячую любовь отвѣтствовалъ онъ столь мерзскою неблагодарностию? Въ ту минуту, когда любовница, нѣкогда столь нѣжно любимая, думаетъ повергнуться въ вѣрныя объятия друга,

га, въ ту, говорю, минуту, когда влекома будучи его нѣжностію спѣшитъ прижать перси свои къ персямъ сего милаго любовника, вонзитъ она кинжалъ въ грудь, дышущую единственно для него? Ее оставить! украсться отъ нея тайно! Варваръ! не приняла ли бы она смерть отъ твоей руки, въ сравненіи съ такою жестокостію, за благодѣяніе? Такъ-то бы надлежало помышлять ему ставъ на ея мѣстѣ, и сіе-то дѣлаетъ всегда страсть, естьли она обрѣтаетъ свои выгоды.

Всѣмъ симъ нѣжнымъ образамъ его предпріятое намѣреніе хотя противуполагало доводы, намъ извѣстныя; но сіи побужденія съ самой той минуты, какъ сердце его паки на сторону прекрасной непріятельницы его добродѣтели склонилось, потеряли половину изъ своея силы. Опасность

была угнѣтательна; каждая минута рѣшительна. Поколику возвращеніе Данаи было неизвѣстно; да и не сомнительно, чтобы она, прибывши еще заблаговремянно, нашла средства всѣ противныя впечатлѣнія измѣны Софиста истребить изъ такого сердца, которое столько имѣло при томъ выгодъ найти ее безвинною.

Благополучный случай — но для чего приписывать намъ случаю приключеніе, которое намъ докажетъ, что есть невидимая сила, показывающаяся всегда готовою погружающейся добродѣтели простерть руку? — и такъ благотворительная судьба сдѣлала то, что Агатонъ въ сію сомнительную минуту между толпою иностранныхъ, коихъ торговля со всѣхъ странъ свѣта привлекла въ Смирну, примѣтилъ такого человѣка, котораго онъ въ Аѳинахъ

знал доверенно, и который чрез знатныя оказанія услуг обязать себя имел случай. Это был Сиракузанскій купец, который с искусством в своем промысле соединял честное свойство, и (что у Греков не столь было редко, как у нас) с обеими любовь к Музам. Заслуга сія, которая делала его тем милее Агатону, так, как она делала его тем способнее ценить достоинства Агатона. Сиракузанец оказывал наиживейшую радость о столь нечаянной встрече, и предлагал нашему ирою свои услуги с таким видом, который доказывает, что он жадничает видеть их принятыми; поколику изгнаніе Агатона из Аѳин было весьма известною вещію, и ни от какой части Греціи не могло оно сокрыться.

По нѣсколькихъ съ обѣихъ сторонъ вопросахъ, обыкновенныхъ между друзьями нечаянно по долгомъ разлученіи встрѣтившимися, разсказалъ ему купецъ, какъ новость, которая упражняла вниманіе всѣхъ Европейскихъ Грековъ, чрезвычайную милость, въ которой Платонъ находился у младшаго Діонисія Сиракузанскаго, философическое обращеніе сего государя и великія ожиданія, съ коими Сицилія противувзирала благополучнымъ времянамъ, кои столь чудная обѣщала премѣна. Онъ кончилъ тѣмъ, что приглашалъ Агатона, естьли его никакой другой случай не удерживаетъ въ Смирнѣ, проводить его въ Сиракузы, которыя намѣрены сдѣлаться мѣстомъ собранія и пребываніемъ премудрыхъ и предобродѣтельныхъ, и при томъ объявилъ ему, что корабль его готовъ еще сего вечера отвалить.

Искра,

Искра, упадающая въ пороховый подкопъ, не причиняетъ нечаяннѣйшаго возженія, нежели перемѣна, которая произошла при сей вѣсти въ нашемъ ироѣ. Вся душа его, естьли мы можемъ такъ сказать, пылала единою мыслію. Но какая то была мысль? -- Платонъ другъ Діонисія! -- Діонисій, прославившійся разпутною жизнію, въ которую чрезъ неограниченную силу сдѣлавшееся своевольнымъ юношество погрузиться можетъ, Діонисій мучитель, другъ любомудрія, ученикъ добродѣтели! -- а Агатонъ долженъ цвѣтъ своея жизни губить въ праздной роскоши! Не надлежитъ ли спѣшить божественному мудрецу, въ коего высокихъ ученіяхъ въ Аѳинахъ столь славно началъ упражняться, пособить окончить достославное дѣло, превратить необузданнаго мучителя въ добраго государя, и утвердить блаженство цѣ-

лаго

лаго государства? — Какіе труды! какіе предметы для души, какова его! Все сердце его занято было сею высокою мыслію. Онъ паки ощущалъ, что онъ былъ Агатонъ; чувствовалъ паки сію нравоучительную жизни силу, подающую намъ бодрость и желанія думать, что мы рождены къ благороднѣйшему опредѣленію, и сіе *о себѣ самомъ пниманіе*, которое есть изъ сильнѣйшихъ побужденій добродѣтели. Теперь не потребно уже было ни сраженіе, ни домогательство свободиться отъ Данаи, и со всемъ жаромъ любовника, торопившагося по долгомъ разлученіи назадъ къ своей любовницѣ, броситься снова въ объятія добродѣтели. Другъ его Сиракузскій не имѣлъ надобности въ уговариваніяхъ. Агатонъ принялъ съ живѣйшею радостію его представленія. Какъ онъ изъ всѣхъ подарковъ, коими его осыпала

щедрая

щедрая Данае, ничего, кромѣ необходимо нужнаго къ его путешествію, удержать не хотѣлъ, то и не много требовалось времяни изготовиться къ отъѣзду. Преблагосклонные вѣтры надули парусы, кои удалили его отъ пагубной Смирны; и столь славна была побѣда, которую добродѣтель въ сей благополучный часъ одержала надъ своею противницею, что онъ увидѣлъ избыточествующіе пріятностями Азіятскіе берега въ своихъ глазахъ изчезнувшими, не украся вѣчнаго съ ними прощанія ни единою слезою.

„Какъ! — А что же (слышу я вопросъ нѣкоей младой красавицы, которой сердце ея вѣщаетъ, что она бы не простила сего добродѣтели, естьли бы она столь немилосердо захотѣла у нее похитить ея любовника) — „что же тогда сдѣлалось съ бѣдною

Да-

Данаею? „ -- Ахъ! о сей теперь не было болѣе рѣчи. -- „И добродѣтельный Агатонъ безпокоился столь мало о томъ, растерзаетъ ли невѣрность его сердце, его облагополучившее, въ куски, или нѣтъ?„ -- Но, сударыня моя, чтобы надлежало ему дѣлать, когда онъ единожды вознамѣрился? Чтобы ѣхать въ Сиракузы, долженъ онъ былъ оставить Смирну; и естьли вы удостоите безпристрастно разсудить о всѣхъ обстоятельствахъ, то вы признаетесь, что ему все надлежало ѣхать въ Сиракузы. Или бы вы желали охотнѣе, чтобы Агатонъ всю свою жизнь, какъ Veneris passerculus (*) (пусть сїе переведетъ вашъ любовникъ), при перси нѣжной Данаи препроводилъ? А взять ее съ собою въ Сиракузы не побуждали больше, нежели одна причина, хотя бы, положимъ, она

(*) Воробушекъ Венеринъ.

она и согласилась оставить для него Смирну. Или вы можетъ быть думаете, что ему бы довлѣло подождать и стараться получить согласіе его пріятельницы? Все сіе было бы, что онъ могъ сдѣлать, естьли бы онъ имѣлъ намѣреніе остаться у нее. Но, разсудя обо всемъ хорошо, не могъ онъ, кажется намъ, сдѣлать ни больше, ни меньше сдѣланнаго. Онъ оставилъ писмецо, въ которомъ открылъ онъ ей свое намѣреніе съ такою искренностію, которая вмѣстѣ составляетъ оправданіе онаго. Онъ не ругался ей любовными увѣреніями, которыя бы противорѣчіе съ его поступкомъ сдѣлали оскорбительнымъ; напротивъ того помнилъ онъ крѣпко о всемъ томъ, что она для него заслужила, и не печалилъ ее укоризнами. Однако при заключеніи вырвалось у него такое выраженіе, которое бы безъ

со-

сомнѣнія онъ имѣлъ довольно великодушія вымарать, естьли бы онъ имѣлъ время на размышленіе. Ибо онъ кончилъ свое писмецо тѣмъ, что онъ ей сказалъ: „Онъ надѣется, что половины „силы духа, съ коимъ она сносила потеряніе Алцибіада и исторгнулась изъ обьятій Гіацинта, больше, нежели довольно „будетъ, сдѣлать ей удаленіе „его чрезъ короткое время безпристрастнымъ. Сколь удобно „(примолвилъ онъ) можетъ Данае забыть любовника, когда „только сіе отъ нея зависитъ „единымъ взоромъ сдѣлать „столько невольниками, сколько „ей имѣть угодно!„ — Сіе конечно было нѣсколько жестоко; но положеніе духа, въ которомъ онъ тогда находился, было не довольно спокойно, чтобы допустить его возчувствовать, сколько онъ симъ сказалъ.

И

И такЪ симЪ образомЪ окончилась любовная повѣсть Агатона и прекрасной Данаи. — И подобно сему, прекрасныя мои читательницы, окончивались всѣ любовныя повѣсти, и такимЪ же образомЪ и впредь будутЪ всѣ вершиться, которыя — *тамъ начнутся*.

Глава шестая.

Разсужденія, заключенія и намѣренія.

Кто изЪ погрѣшностей, учиненныхЪ прежде его другими, или еще чинимыхЪ ежедневно окрестЪ его, научился искуству *самъ не дѣлать никакихъ*, заслужилЪ бы по справедливости имя премудраго между смертными сЪ большимЪ правомЪ, нежели Конфуцій, СократЪ, или Царь СоломонЪ, который послѣдній, противу обыкно-

веннаго теченія природы, свои величайшія безумія содѣлалъ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ большая часть людей возвращаются отъ своихъ заблужденій. Между тѣмъ пока сія наука изобрѣтется, кажется намъ, что того можно всегда почитать за мудраго, который преступается въ самыхъ малыхъ порокахъ, сколько возможно скорѣе изправляется, и вывлекаетъ изъ того извѣстныя для будущихъ случаевъ мѣры, посредствомъ которыхъ можетъ онъ надѣяться впредь менѣе преступиться.

До какой точки Агатонъ заслуживаетъ сію сказуемую похвалу, могутъ читатели наши сами въ свое время рѣшить. Что касается до насъ, то мы никакой не имѣемъ выгоды дѣлать его лучшимъ, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ; мы отдаемъ его за то,

что онъ есть; мы будемъ съ наблюдаемою до сего повѣствовательною вѣрностію продолжать разрказывать его похожденіе, и увѣсляемъ единождыы навсегда, что мы ни въ чемъ томъ не виноваты, естьли онъ не всегда такъ поступаетъ, какъ бы мы сами можетъ быть желали, чтобы онъ поступалъ.

Онъ имѣлъ въ продолженіи своего въ Сицилію преплаванія, которое никакимъ плачевнымъ приключеніемъ не было возмущаемо, довольно времяни на размышленіе о всемъ съ нимъ произходившемъ въ Смирнѣ. „Какъ?„ возкликнутъ здѣсь нѣкоторые читатели: „уже паки размышле„нія?„ Конечно; въ его положеніи было бы ему непростительно, ежели бы онъ не предался онымъ. Тѣмъ хуже для васъ, когда вы при нѣкоторыхъ слу-

чаяхЪ не столь охотно разговариваете сами сЪ собою, какЪ АгатонЪ! -- МожетЪ быть сдѣлали бы вы весьма благоразумно, естьли бы переняли у него сію маленькую привычку.

Не столь удобно для Агатона, сколько для всякаго другаго, отдалить отЪ себя возпоминаніе о содѣланномЪ дурачествѣ. Не довольно ли единой ошибки для помраченія блеска преизящной жизни? Сколь уже досадно, когда мы, на примѣрЪ, вЪ превозходной работѣ какого искуства, вЪ картинѣ или поэмѣ, находимЪ погрѣшности, коихЪ не можно поправить не уничтожа всего! Но сколь досаднѣе, когда мы примѣтимЪ, что одна только есть погрѣшность, которая у всего изящнаго похищаетЪ честь совершенства? Чувствованіе сего рода было довольно болѣзненно заставить нашего мужа о причи-

нахЪ

нахъ его паденія разсуждать строжѣе. Какъ онъ краснѣлъ тогда самъ отъ себя, взпомня о упорномъ вызываніи, коимъ онъ нѣкогда прельстилъ Гиппіаса, и нѣкоторымъ образомъ имѣлъ право изпытать его, есть ли такая добродѣтель, которая бы въ состояніи была выдержать искушенія сильнѣйшаго и хитрѣйшаго прельщенія! Что сдѣлало его тогда столько безопаснымъ? Возпоминаніе побѣды одержанной надъ жрицею въ Дельфахъ? Или настоящая безпристрастность, показанная имъ къ прелестямъ младой Ціаны? Опытъ, что искушенія, коимъ невинность его безпрестанно со всѣхъ сторонъ въ домѣ Софиста была подвержена, его менѣе искусили, нежели возмутили; отвращеніе къ правиламъ Гиппіаса и довѣренность къ собственной силѣ своихъ? -- Но гдѣ слѣдствіе, что тотъ, кто побѣждалъ

нѣсколько разъ, не можетъ быть никогда побѣжденнымъ? Не въ состояніи ли была Данае и не способна ли изполнить то, что ни Пиѳія, ни Ѳракійскія Бакханки, ни Ціана, ни можетъ быть и всѣ красавицы въ сералѣ Царя Персидскаго не въ силахъ были сдѣлать? — И какую онъ имѣлъ причину полагаться на силу своихъ *положеній*? — И на семъ пунктѣ парилъ онъ въ тонкомъ обманѣ самого себя, который сдѣлать ему видимымъ уповательно могъ только одинъ опытъ. Возторженъ будучи *идеею добродѣтели*, не приходило ему и во снѣ на мысль, что противное сей вразумительной красоты когда нибудь могло имѣть для души его прелести. Опытъ долженствовалъ его научить, сколь обманчивы наши *идеи*, когда мы неосторожно приписываемъ имъ дѣйствительность, коея онѣ не имѣютъ. Принята бу-

будучи добродѣтель въ разсужденіе сама въ себѣ, въ ея высочайшемъ совершенствѣ, то она божественна, или лучше (по дерзскому, но правильному, выраженію превозходнаго писателя) самое божество (*). Но который смертный имѣетъ право не покоряться всемогущей силѣ сея вообразимой добродѣтели? Каждый смотрѣть долженъ то, сколько можетъ *его*? Что гаже *идеи* порока? Агатонъ чаялъ возмочь положиться на невозможность обрѣсть его когда нибудь любви достойнымъ, и обманулся; — поколику онъ о томъ не помышлялъ, что есть **сомнительный свѣтъ**, въ коемъ предѣлы добродѣтели и порока плаваютъ,

(*) Mieux on connoit la vertu, plus on l'aime: on se prosterneroit devant elle, on l' adoreroit, si elle etoit personifiée; et elle le seroit aux yeux d' un mortel, à qui Dieu se rendroit visible.

ютъ, въ коемъ красота и пріятности сообщаютъ пороку сіяніе, мерзость его позлащающее и дающее ему самый цвѣтъ и пріятность добродѣтели; и что весьма удобно въ семъ обманчивомъ сумракѣ выпти изъ истинныхъ предѣловъ и погрузиться нечувствительно въ сладкое забвеніе насъ самихъ и нашихъ должностей.

Отъ сего разсужденія, которое научило нашего ироя необходимости осторожнаго недовѣренія силѣ добрыхъ положеній, перешелъ онъ къ другому наблюденію, которое убѣдило его о малой безопасности, которой душа наша въ семъ состояніи господствующаго нравоучительнаго возторженія надѣяться можетъ, каково было то, въ которомъ его въ искусносотканной сѣти прекрасной Данаи поимано было. Онъ

со-

созвалъ назадъ въ свой духъ всѣ обстоятельства, кои пришли вмѣстѣ, для содѣланія ему сего изполненнаго прелестями изступленія столько естественнымъ, и взпомнилъ о разныхъ опасностяхъ, коимъ онъ видѣлъ себя чрезъ то подверженнымъ. Въ Дельфахъ не много недоставало, что оно его не подвергнуло подыскамъ ложнаго Аполлона. Въ Аѳинахъ предало оно его дѣйствительно въ руки его хитрѣйшимъ непріятелямъ. Но добродѣтель его, сіе неоцѣненное сокровище, коего обладаніе дѣлало его нечувствительнымъ къ потерѣ всѣхъ другихъ благъ, кои могутъ быть похищены у любимца щастія, добродѣтель его спасла его въ обоихъ сихъ случаяхъ. Но чрезъ самое же сіе возторженіе поддалась она наконецъ прельщеніямъ собственнаго сердца такъ же хорошо, какъ и хитростямъ прекрасной Данаи. Не былъ ли

 сей

сей волшебный свѣтъ, который сила воображенія его обыкла по всему тому, что съ его согласовалось идеями, разширять, не было ли сія непримѣтное переложеніе вообразимаго въ мысляхъ на мѣсто дѣйствительнаго, истинною причиною, для чего Данае столь чрезвычайное влечатлѣніе сдѣлала на его сердце? Не было ли то сія живѣйшая любовь къ изящному, подъ коего блистающими крильями сокрывшись, страсть тихими стопами разпространилась наконецъ по всей его душѣ? Не долгая ли то привычка питаться сладкими чувствованіями, которыя непримѣтно смягчили его сердце, чтобы тѣмъ скорѣе возпалить наконецъ столь прекраснымъ пламянемъ? Не долженствовала ли склонность къ вымышленнымъ возхищеніямъ, сколько бы всегда ни были духовны ихъ предметы, возродить наконецъ въ немъ прихоть

хоть о тѣхъ возхищеніяхъ, отъ коихъ ему неизвѣстное, сбивчивое, но тѣмъ живѣйшее внутреннее чувствованіе обѣщало дѣйствительное наслажденіе сего пресовершеннаго веселія, коимъ только до сего мимосверкнувшія предчувствія дотронулись до его воображенія, но самымъ симъ прикосновеніемъ привели уже его внѣ самого себя? Тогда взпомнилъ Агатонъ о возраженіяхъ, дѣланныхъ ему Гиппіасомъ противу сего возторга и того рода любомудія, которое его производитъ и поддерживаетъ; и находилъ ихъ теперь столько согласными, сколько онѣ ему тогда представлялись ложными и смѣшными. Онъ находилъ себя тѣмъ склоннѣе подтвердить мнѣніе Софиста о началѣ и истинномъ свойствѣ сего высокопарящаго возторга, когда онъ, лишившись его въ объятіяхъ прекрасной Данаи, столь мало имѣлъ

силы

силы опять войти въ него, что ни самое паки проснувшееся чувствованіе къ добродѣтели не могло возвратить его нравственнымъ идеямъ прежняго ихъ блеска, ни стихотворная метафизика Орфійской секты не въ состояніи была привести у него обратно въ прежнее вниманіе. Опытъ его научилъ, что сіе внутреннее чувствованіе, чрезъ коего свидѣтельство думалъ онъ обезсилить заключенія Софиста, есть только весьма двое смысленный знакъ истины. Естьли Ѳеософы, естьли Мистики употребляли свидѣтельство сего внутренняго чувствованія для уполномочиванія своего таинственнаго духоученія, то для чего Гиппіасъ не могъ бы употребить онаго для уполномоченія своего скотскаго Матеріализма и для доказанія своего развратительнаго нравоученія? Не имѣлъ ли онъ то же право? Не говорилъ ли опытъ

опытъ то же ему въ угодность? И можетъ быть единственно различному движенію нашея силы вообраҗенія приписывать должно, когда мы въ одно время чувствуемъ насъ быть равными богамъ, а въ другое думаемъ сродными себя быть животнымъ; — когда намъ сегодня кажется все пасмурно и печально, а завтра всѣ предметы представляются намъ въ радостномъ и смѣющемся видѣ; — когда мы теперь никакого истиннаго и основательнаго удовольствія не знаемъ, какъ только съ гордымъ попираніемъ ногами всѣхъ земныхъ вещей удаляться въ неизвѣстныя страны, полагаемыя нами по ту сторону гроба, и погружаться въ бездонныя глубины вѣчности, — въ другой же разъ не обрѣтаемъ мы прелестнѣйшей картины зависти достойнаго веселія, какъ младаго Бахуса, преклоняющаго главу свою, увѣнчанную виноградными вѣт-

вѣтвями, на лоно прекрасной Нимфы, и одною рукою обнимающаго ея ослѣпляющія бедры, а другую простирающаго за благоухающимъ кубкомъ, ею наполняемымъ для него съ пріятною улыбкою нектаромъ, который ея собственныя прекрасныя руки изъ каплющаго отъ зрѣлости винограда надавили свѣжаго; между тѣмъ Фавны и радостныя Нимфы съ богами любви резвяся около его прыгаютъ, или гоняются розовыми прутиками, или, уставъ отъ своихъ резвостей, въ тихихъ гротахъ покоятся для новыхъ шутокъ.

Заключеніе, выведенное имъ изъ всѣхъ сихъ разсужденій, было сіе, что высокія нравоученія Зороастровой и Орфеевой Ѳеософіи можетъ быть (ибо подлинно утверждать не довѣрялъ онъ еще себѣ ничего о семъ пунктѣ) не

мно-

много бы больше имѣть могли дѣйствительности, какъ смѣющіеся образы, подъ коими живописцы и стихотворцы обожаютъ услажденія чувствъ. Тѣ правда казалось, что къ добродѣтели были благосклоннѣе и душу къ больше, нежели человѣческому, высочеству, чистотѣ и силѣ возвышали, но въ самомъ дѣлѣ истинному опредѣленію человѣка можетъ быть могли не менѣе быть вредны, какъ и послѣднія, отчасти по тому, что сіе кажется упорнымъ и тщетнымъ предпріятіемъ сдѣлаться лучшимъ, нежели какъ того хочетъ природа, или со вредомъ половины нашего существа домогаться нѣкотораго рода совершенства, находящагося въ противорѣчіи со способностями онаго; отчасти же по тому, что такіе люди, когда бы имъ и удалось учинить самихъ себя полубогами и духами, чрезъ то самое

быва-

бываютъ тѣмъ неспособнѣе къ каждому обыкновенному опредѣленію общественной жизни. Изъ сея точки зрѣнія казалось ему, что восторгъ Ѳеософа хотя меньше опасенъ, нежели система сластолюбца, но для человѣческаго сообщества столько же безполезенъ; ибо первый или совсѣмъ отдѣляся отъ обходительной жизни (сіе дѣйствительно самое лучшее, что онъ дѣлать можетъ), или хотя онъ отъ разсудительной жизни переходитъ въ дѣйствительную, чрезъ недостатокъ въ познаніи ему совсѣмъ чуждаго свѣта, чрезъ отвлеченныя понятія, которыя нигдѣ къ дѣйствительнымъ предметамъ приложить не можетъ, чрезъ слишкомъ высокую нравоучительную нѣжность и тысячу другихъ причинъ, имѣющихъ основаніе свое въ его прежней жизни, другимъ часто противу своего намѣренія, а самому себѣ всегда бываетъ вреденъ и опасенъ.

Мы

Мы не намѣрены здѣсь изслѣдовать, докуда могутъ простираться новыя положенія нашего ироя, или основательны ли онѣ и правильны; поколику сіе бы отвело насъ весьма далеко отъ нашего намѣренія (*). Довольно для насъ, что онѣ Агатону показались довольно основательными, для тѣмъ легчайшаго прощенія самого себя, что онъ, на подобіе Гомерова *Улисса* на островѣ Калипсы, удержался на очарованной землѣ сластолюбія, и первое свое намѣреніе посѣтить учениковъ Зороастра и жрецовъ въ Саисѣ такъ скоро, какъ Данае обратно даруетъ ему вольность его, произвесть въ дѣйство. Однимъ словомъ, опыты его дѣлали ему истину его прежняго образа разсужденія подозрительною, не отнявъ у него нѣкотораго тайнаго

(*) Онѣ испытаются въ четвертой части разговоровъ Архита.

вкуса къ его старымъ любимымъ идеямъ. Разумъ его въ семъ случаѣ не могъ согласиться съ его сердцемъ, а сердце его съ самимъ собою; и онъ былъ не довольно спокоенъ, или можетъ быть также неповоротливъ, свои настоящія понятія привести въ систему, чрезъ которую бы оба могли быть успокоены. Въ самомъ дѣлѣ корабль не можетъ назваться способнѣйшимъ мѣстомъ къ произведенію въ состояніе такого упражненія, для коего тишины темной рощи едва довольно. И такъ Агатона можно извинить, что онъ отложилъ сію работу, хотя она одна изъ тѣхъ, кои не очень терпятъ отлагательство, такъ, какъ поправленіе къ паденію склоннаго строенія. Ибо какъ сіе съ каждымъ днемъ приближается къ конечному разрушенію; то и пропуски обыкновенно въ нашихъ нравоучитель-

ныхъ

ныхъ понятіяхъ и несогласія между головою и сердцемъ дѣлаются всегда больше и опаснѣе, чѣмъ долѣе откладываемъ мы ихъ съ потребнымъ вниманіемъ разсмотрѣть, чтобы возставить согласіе и союзъ между частями и цѣлымъ.

Однако въ особливомъ случаѣ, въ которомъ находился Агатонъ, была опасность сего отлагательства тѣмъ меньше, когда онъ, больше, нежели когда нибудь, убѣжденъ будучи о изящности добродѣтели и нерѣшимой обязанности ея законовъ, направляемую на истинно общее благоденствіе дѣйствительность почиталъ за опредѣленіе всѣхъ людей (естьли бы надлежало дѣлать нѣкоторое выключеніе въ угодность прямо разсудительныхъ духовъ), или по крайней мѣрѣ конечно за свое. Прежде случайно только и противъ

своея склонности былъ онъ запутанъ въ дѣловую жизнь; а теперь было то слѣдствіемъ его теперешняго (какъ онъ думалъ) просвѣщеннаго образа разсужденія, что онъ къ тому вознамѣрился. Тихое возхищеніе, которое ему въ сихъ мгновеніяхъ, казалось, что должно было безконечно предпочесть сладчайшимъ упоеніямъ сластолюбія, разлилось по всему его существу, когда онъ помыслилъ, что будетъ сотрудникомъ въ возстановленіи Сициліи въ безконечныя выгоды вольности, и мудрыми законами и полезными пріуготовленіями учинить вѣчнымъ ея благосостояніе. Воображеніе его, столько способное украшать всѣ предметы, начертало ему слѣдствія его стараній въ тысячѣ прелестныхъ образахъ сущаго благоденствія. Онъ ощущалъ въ себѣ съ возхищеніемъ всѣ нужныя силы къ толико благородной работѣ; и удовольствіе его

тѣмъ

тѣмъ было совершеннѣе, когда онъ купно чувствовалъ, что властолюбіе и суетное славожеланіе никакого въ томъ не имѣли участія, что то было добродѣтельное желаніе дѣлать въ пространномъ округѣ добро, котораго успокоеніе подавало ему сіе предвкушеніе божественнаго удовольствія, къ коему человѣческая природа способна. Опытности его, сколько бы онѣ ему ни стояли, казались ему теперь не дорого купленными, когда онъ чрезъ то надѣялся тѣмъ быть способнѣе избѣгнуть утѣсовъ, о кои ударяется обыкновенно благоразуміе или добродѣтель тѣхъ, кои принимаютъ на себѣ иго публичныхъ должностей. Онъ твердо опредѣлилъ не соблазниться болѣе ни на какую вторую Данаю. Онъ уповалъ, что онъ въ разсужденіи сего тѣмъ лучше можетъ положиться на самого себя, когда онъ довольно былъ силенъ

 раз-

разбить оковы первой, и могЪ думать по праву, что онЪ никогда не подвергнется еще опаснѣйшему искушенію. БезЪ честолюбія, безЪ желанія обогатиться, всегда бодрЪ противу слабой стороны своего сердца, которую онЪ научился знать, не думалЪ онЪ, что могЪ чего опасаться отЪ другихЪ страстей, кои можетЪ статься дремали еще вЪ его груди. Никакія безщастныя предчувствія не колебали его вЪ несмѣшенномЪ наслажденіи надеждЪ, упражняющихЪ его вЪ бодрствіи и вЪ самомЪ снѣ. Надежды сіи были главнымЪ содержаніемЪ его разговоровЪ сЪ СиракузскимЪ купцомЪ; онѣ дѣлали ему безпокойства путешествія непримѣтными, и утѣшали его изобильно вЪ потеряніи прежде столь нѣжно любимой Данаи; сЪ каждымЪ новымЪ утромЪ возпоминаніе сея потери становилось меньше вЪ его глазахЪ. И

такимъ образомъ Агатонъ при благосклонныхъ вѣтрахъ и искусномъ кормщикѣ, по короткомъ промѣшканіи въ нѣкоторыхъ Греческихъ приморскихъ городкахъ, прибылъ благополучно въ Сиракузскую гавань, чтобы научиться при дворѣ тамошняго Государя, „ что на сей скользкой высотѣ добродѣтель или должна быть принесена въ жертву благоразумію, или наиосторожнѣйшее благоразуміе есть не довольно возпрепятствовать паденію добродѣтельнаго. „

Глава седмая.

Одно, или два отступленія.

Мы желаемъ имѣть у себя читательницъ (ибо сія повѣсть, хотя бы она и меньше были истинна, нежели она есть, не принадлежитъ къ опаснымъ романамъ, отъ коихъ сочинитель опаснѣйшаго и

до ученія надлежащаго романа въ свѣтѣ (*) отстрашиваетъ дѣвицъ), и мы косо на то посмотримъ, естьли нѣкоторыя изъ нихъ, которыя еще довольно имѣли терпѣнія прочитать сію осьмую книгу до заключенія -- въ мнѣніи, что уже теперь ничего ожидать не осталось выгоднаго, когда Агатонъ наиненавистнѣйшимъ образомъ и тайнымъ побѣгомъ отказался служить любви -- третію часть его повѣсти со всякою холодностію выпустятъ изъ своихъ прекрасныхъ рукъ, и схватятся можетъ статься за *Софу розоваго цвѣту*, или за премилую крошечную *куклу* господина Бибіена, чтобы разсѣять чадъ, причинившійся въ нихъ отъ невѣрности и размышленій нашего ироя.

От-

(*) Ж. Ж. Руссо въ предувѣдомленіи къ своей новой Элоизѣ.

Откуда бы это произходило, прекрасныя мои пріятельницы, что большая часть изъ васъ склоннѣе есть прощать намъ всѣ дурачества, къ какимъ только любовь всегда можетъ насъ прельстить, нежели возвращеніе наше въ естественное состояніе нашего здраваго разума? Признайтесь, что мы вамъ тѣмъ болѣе нравимся, чѣмъ болѣе доказываемъ мы слабостями, къ коимъ вы можете насъ привлечь, верьховную власть вашихъ прелестей надъ мнимою силою нашего разума. Не выгодная ли для васъ картина видѣть Геркулеса прядущаго у ногъ Деяниры между тѣмъ, какъ сія гордая красота, покрыта будучи львиною кожею своего сильнаго любовника и съ его престрашною дубиною на плечѣ, бросаетъ побѣдоносный и улыбающійся бочный взоръ на укротителя великановъ и драконовъ, который, переодѣвшись въ ея долгое

гое платье, вЪ кругѢ ея невольницЪ вертитЪ непроворною рукою женское веретено? -- Есть, и мы знаемЪ ихЪ, которымЪ маленькая сія рѢчь, кажется, ни мало не понравится. Но есть ли говорить безЪ лести (чего конечно бы не случалось, когда бы приняли мы вЪ совѢтЪ благоразуміе), то мы сомнѢваемся, что самая мудрѢйшая между всѢми, вЪ самое то время, когда она старается положить границы дурачествамЪ своего любовника, можетЪ ли удержаться не чувствовать небольшей тихоторжествующей радости о томЪ, что она довольно любви достойна принудить человѢка забыть для нее свое собственное достоинство.

Однако мы не можемЪ скрыть отЪ нашихЪ помянутыхЪ читательницЪ для нѢкотораго примиренія маленькую рѢчь, одну изЪ тѢхЪ тайныхЪ движеній, которыя про-

произходили въ сердцѣ нашего ироя, хотя бы онъ чрезъ то пришелъ въ опасность потерять паки почтеніе, въ которое онъ у достопочтенныхъ госпожъ, кои никогда не любливали, и благодаря небу, никогда не были любимы, опять началъ приходить. Вотъ она здѣсь!

Сколько ни радъ былъ Агатонъ удаленію изъ своего пріятнаго плѣна въ Смирнѣ, и сколько ни доволенъ былъ самъ собою; сколь ни безсильно было очарованіе, подъ которымъ мы его видѣли, уничтожить въ немъ любовь добродѣтели; сколь ни чистосердечны были обѣты, которые онъ дѣлалъ, ей впредь не быть невѣрнымъ; сколь велики и важны ни были мысли, которыми душа его изполнена была, и сколько онъ (чтобы все сказать однимъ словомъ) опять ни былъ Агатонъ: одна-

однако имѣлъ онъ часы, въ кои онъ самъ себѣ признаться долженствовалъ, что онъ посредѣ изступленія любви и въ объятіяхъ прекрасной Данаи — былъ благополученъ. Можетъ всегда быть много ослѣпленія, много напряженнаго и нелѣпаго въ любви, говорилъ онъ самъ къ себѣ; но однако истинно радости ея не воображеніе. Я чувствовалъ это, и еще чувствую, такъ, какъ чувствую мое бытіе, что это суть истинныя радости, столько истинны въ своемъ родѣ, какъ радости добродѣтели! И для чего это невозможно любовь и добродѣтель соединить между собою, ими обѣими наслаждаться? — О, сіе то бы было совершенное блаженство!

Для предупрежденія всякаго подозрѣнія и разномыслія, кажется намъ, нужно здѣсь маленкое примѣчаніе, чтобы тѣмъ, кои ни-

никакихъ другихъ не знаютъ обрядовъ, кромѣ той земли или мѣста, въ которомъ они родились, сказать, что довѣренное обращенiе съ женщинами извѣстнаго класса, сирѣчь, (сказать не такъ-то чтобы по-Французски, но меньше двусмысленно) съ такими женщинами, кои торгуютъ своими прелестями и тѣмъ я не знаю чѣмъ, что называютъ нѣсколько обыкновенно несвойственно любовiю, было у Грековъ столь позволенною вещiю, что самые строгiе родители сдѣлались бы смѣшными, естьли бы они захотѣли возпрепятствовать своимъ сыновьямъ, доколѣ они находились подъ ихъ властiю, выбрать себѣ любовницу изъ помянутаго класса. Женщины и дѣвицы наслаждались, какъ вездѣ, особливымъ покровительствомъ законовъ и чрезъ нравы и обряды сего народа отъ подысковъ находились въ несравненно

но большей безопасности, нежели въ какой у нынѣшнихъ Европейцовъ. Умыселъ на ихъ добродѣтель было столько трудно произвесть въ дѣйство, сколько наказаніе за такое преступленіе было скоро и строго. Безъ сомнѣнія сіе случалось для того, чтобы сихъ, въ глазахъ Греческихъ законодателей освященныхъ особъ, матерей гражданъ, и тѣхъ, кои определены къ сей чести, отвлечь отъ предпріятій необузданнаго юношества тѣмъ надежнѣе, — что состояніе Фринъ и Лаидъ терпимо было. Сколь ни разпустны и ни замаранны картины, которыя намъ дерзновенный остроумецъ Аристофанъ дѣлаетъ о женщинахъ Аѳинскихъ, однако то подлинно, что жены и дочери Грековъ были честныя творенія, и что нравы замужней женщины и потаскушки у нихъ столько между собою разнились, сколько иногда въ нѣко-

то-

торыхъ главныхъ городахъ Европы стараются ихъ между собою смѣшивать.

Во всѣхъ ли частяхъ учрежденіе сіе похвально? Есть другой вопросъ, о которомъ здѣсь нейдетъ рѣчь; мы приводимъ его для того единственно, чтобы не думали, какъ будто бы разкаяніе и угрызенія совѣсти Агатона произошли изъ понятія, что любить Данаю, получать отъ нея милости, было запрещенное удовольствіе. Въ семъ случаѣ помышлялъ онъ такъ, какъ всѣ прочіе Греки его времяни. Въ его государствѣ (выключая можетъ быть однихъ Спартанцовъ) позволялось (по меньшей мѣрѣ его возраста) препроводить ночь съ танцовщицею или игрицею на свирѣлѣ безъ всякаго навлеченія себѣ за то выговора, только бы должности его состоянія не терпѣли отъ того ничего

чего и наблюдалась нѣкоторая умѣренность, которая, по понятіямъ сихъ язычниковъ, составляла порубежную линію добродѣтели и порока. Естьли Алцибіаду причтено было въ безчестіе, что онъ приказалъ себя написать на лонѣ прекрасной Немеи, какъ будто покоящагося отъ побѣды, или что онъ бога любви вооруженнаго стрѣлами Юпитера носилъ на своемъ щитѣ; (и Плутархъ говоритъ намъ, что только старѣйшіе и важнѣйшіе Аѳиняне удерживались отъ того; такіе люди, которыхъ ревность противу дурачествъ юношества часто имѣетъ источникомъ не столько любовь къ добродѣтели, какъ досаду на старость;) естьли, говорю я, щитали Алцибіаду въ безчестіе сіи преступленія; то это не была его склонность къ забавамъ, или довѣренность его съ такимъ лицомъ, которое

со-

состоянiемъ и промысломъ посвящено было удовольствiю общества; но неистовство, блистающее изъ того, презрѣнiе законовъ благопристойности и нѣкоторой важности, которая въ вольныхъ государствахъ по праву обыкновенно требуется отъ начальниковъ республики, по крайней мѣрѣ внѣ круга особенной жизни Просмотрѣли бы такъ, какъ Периклу или Кимону, его слабости, или его забавы; но ему не простили, что онъ тѣмъ тщеславился, что онъ отдался склонности своей къ веселiю и роскоши до необузданной разпустности; что онъ, отъ вина и мастей капая, съ небрежнымъ и изнуреннымъ видомъ такого человѣка, который зимнюю ночь роскошствовалъ, еще теплъ отъ объятiй танцовщицы, приходилъ въ совѣты, и себя, будучи столь худо предуготовленъ, считалъ излишно способнымъ стараться о

дѣлахъ Греціи, и говорилъ сѣдымъ отцамъ республики, что они дѣлаютъ. Сего-то они не могли ему простить, и сіе то навлекло ему хлопоты, отъ коихъ благосостояніе республики и самъ онъ наконецъ сдѣлался жертвою.

Вообще сіе давно рѣшено, что Греки о любви совсѣмъ другія имѣли понятія, нежели нынѣшніе Европейцы. Они почитали, какъ всѣ вычищенные народы, супружеское дружество; но о сей баснословной страсти, о сей любви, которую Испанскіе, Италіянскіе, Французскіе и Англійскіе писатели романовъ превратили въ ироискую добродѣтель, о сей знали они столько же мало, какъ и о плачевновеселомъ, чудномъ мозголомствѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ, по большей части женскихъ, писателей, которые еще о понятіяхъ кавалерскихъ времянъ любопытнѣе из-

изслѣдовали, и намъ цѣлыми томами начертали любовь, которая питается молчаливымъ взоромъ, вздохами и слезами, всегда нещастна, и безъ самаго блеска надежды всегда равно постоянна; о столь безумной, столь трусливой, отъ иройства, съ коимъ хотятъ ее соединить, столь далеко отстоящей любви не знало ничего сіе остроумное государство, изъ коего прекрасной и смѣющейся силы воображенія вышли богиня любви, Граціи, и столько много другихъ боговъ радости. Они знали только ту любовь, которая дѣлаетъ благополучнымъ; или (правильнѣе сказать) сія единственно казалась имъ подъ нѣкоторыми ограничиваніями, сразмѣрными природѣ, пристойною и невинною. Та мучительная любовь, которая овладѣваетъ всѣми душевными способностями, заводитъ всѣ пружины, коихъ дѣйствія по-

добны лихорадочному припадку, была на ихъ глаза одна изъ опаснѣйшихъ страстей, непріятельница добродѣтели, нарушительница домашняго порядка, мать наипагубнѣйшихъ распустностей и прегадкихъ пороковъ. Мы очень мало найдемъ о семъ примѣровъ въ ихъ исторіи; и сіи примѣры видимъ мы, что на ихъ трагическомъ зрѣлищѣ изображены такими красками, кои возбудить долженствовали общее омерзеніе, такъ, какъ напротивъ того комедія ихъ не знаетъ никакой другой любви, какъ сіе естественное побужденіе, которое вкусъ, случай и жребій опредѣляютъ для нѣкотораго предмета, которое, украшено будучи Граціями, а не рѣдко и Музами, имѣетъ цѣлію удовольствіе, не хочетъ быть ни лучше, ни возвышеннѣе, какъ есть, и имъ, разсудя вообще, казалось еще всегда меньше вреднымъ, нежели тотъ

пла-

плачевный родъ любить, который болѣе возженъ свѣточію фуріи, нежели бога любви, казался быть скорѣе дѣйствіемъ мщенія разгнѣваннаго божества, нежели подобнымъ семъ сладкому безчувствію, которое они (какъ сонъ и дары Бахуса) почитали за подарокъ благотворительной природы услаждать намъ трудности житейскія и дѣлать человѣка бодрѣйшимъ къ понесенію трудовъ.

Безъ сомнѣнія мы бы еще лучше знали сію часть Греческихъ обычаевъ, естьли бы (по нещастію, которое Музы всегда оплакивать станутъ) комедіи Алексиса, Менандра, Дифиля, Филемона, и прочихъ славныхъ стихотворцевъ изъ прекраснаго вѣка Аттическихъ Музъ, не здѣлались хищеніемъ монашескаго и Сараценскаго варварства. Но намъ не нужны сіи доказательства для оправданія на-

 ми

ми сказаннаго. Не видимъ ли мы, что достопочтительный Солонъ еще въ своей глубокой старости, въ стихахъ коего древній стихотворецъ на горѣ Крапаксѣ не стыдился, самъ собою признается, „что онъ удалился отъ всѣхъ „прочихъ упражненій, дабы остатокъ своея жизни изжить въ „сообществѣ Венеры, Бахуса и „Музъ?„ Не видимъ ли мы мудраго Сократа ни мало не сомнѣвающагося въ провожаніи своимъ молодыхъ друзей сдѣлать посѣщеніе прекрасной и милой Θеодотѣ, дабы извѣститься подлинно о ея изящности, которая почиталась изъ общества за неописанную? Не видимъ ли мы, что онъ ни въ чемъ не думалъ прощать своей премудрости, наставляя сію Θеодоту шутливымъ образомъ въ искуствѣ ловить любовниковъ? Не былъ ли онъ другомъ и удивляющимся, да и (естьли Платонъ

ска-

сказалъ не слишкомъ) учени-
комъ славной Аспазіи, коея домъ,
не смотря на укоризны, чинимыя
ей необузданною наглостію тог-
дашнихъ зрѣлищъ, былъ мѣстомъ
собранія наилучшихъ духовъ Аѳин-
скихъ? Сколь воздержнымъ кажет-
ся быть онъ самъ въ разсужденіи
сего члѣна, однако мы находимъ
его положенія о любви съ общимъ
образомъ размышленія его госу-
дарства довольно согласными. Онъ
различалъ необходимость отъ
страсти, дѣло природы отъ тво-
ренія воображенія. Онъ предосте-
регалъ отъ послѣдняго, какъ мы
уже нѣгдѣ примѣтили мимохо-
домъ, и присовѣтовалъ къ успо-
коенію перваго (по объявленію
Ксенофонта) такой родъ любви,
въ которомъ бы душа сколько воз-
можно меньше участвовала (*).
Совѣтъ, который хотя и тер-

 питъ

(*) Достопамятности Сократа, к. 1. гл. 3. нум. 14.

питъ его ограничиванія, но на истинной опытности основанъ, что любовь, которая овладѣваетъ душею лишаетъ ее обыкновенно всея власти надъ собою, и дѣлаетъ ее ко всѣмъ благороднымъ побужденіямъ неспособною.

По обыкновеннымъ понятіямъ того времяни въ которое жилъ Агатонъ, не было бы по сему столько трудно согласить между собою любовь и добродѣтель. Но Агатонъ имѣлъ большія и тончайшія понятія о добродѣтели. Нѣкоторое воображательное совершенство было весьма спутано съ положительными чертами его души, такъ, чтобы онъ когда нибудь могъ ее потерять. Что чувствительной душѣ любовь безъ восторга, безъ сея нѣжной взаимности чувствованій, сего единообразія сердецъ, которое дѣлаетъ радости ихъ гораздо живѣе, гораздо

до нѣжнѣе, умножаетъ ихъ и чинитъ ихъ благородными? Что въ услажденіяхъ чувствъ безъ Грацій и Музъ? — И такъ Агатонъ могъ бы сей образъ любить, какъ онъ любилъ прекрасную Данаю и ею былъ любимъ, охотно соединить съ своимъ высокимъ понятіемъ о добродѣтели; но отъ сего самаго желанія раждались всѣ затрудненія. Наконецъ казалось ему что все зависитъ отъ качества предмета. Здѣсь напомянуло паки ему сердце его о Псишѣ. Онъ краснѣлъ предъ ея образомъ, такъ, какъ бы покраснѣлъ въ присутствіи самой Псиши; но въ то же время чувствовалъ, что сердце его не привержено будучи ни единою нитью къ Данаѣ, возвращалось паки къ прежней своей любви. Гораздо спокойнѣйшее воображеніе представляло ему, наподобіе прозрачнаго глубокаго источника воспоминанія чистыхъ, добродѣтель-

 ныхъ

ныхъ и ни съ какимъ другимъ желанiемъ несравненныхъ радостей, которыя онъ нѣкогда вкушалъ чрезъ нѣжное соединенiе ихъ душъ въ тѣхъ Елисейскихъ ночахъ. Онъ чувствовалъ теперь къ тому, что онъ прежде для нее ощущалъ, еще всю любовь, которую ему вдохнула Данае; но сiе новое чувствованiе было столь тихо и столько очищено нравоучительною изящностiю премѣненнаго предмета, что оно тѣмъ же самымъ болѣе не казалось. Онъ себѣ представлялъ, коль благополучнымъ учинило бы его неразлучное соединенiе съ сею Псишею, которая вдунула въ него такую любовь, коя добродѣтели его была столь мало опасною, и что напротивъ того она придала ей больше полета. Онъ въ мысляхъ преселился съ Псишею въ мѣсто спокойствiя Делфiйской Дiаны и заставилъ бога любви, сына небесной Венеры,

до-

дописать картину надземныхЪ удовольствій. Сладкое предчувствованіе разлило по всей его душѢ оживотворительную надежду. Ему послышалось, какЪ будто бы тайный гласЪ шепталЪ ему, что онЪ найдетЪ ее вЪ Сициліи. Псише весьма превозходно приличествовала кЪ начертанію сдѢланному имЪ о своей предстоящей жизни. Какіе виды представляло ему соединеніе своего особеннаго благополучія сЪ благополучіемЪ того народа, которому онЪ вознамѢрился посвятить всѢ свои силы! Но прежде желалЪ онЪ заслужить благополучіе. — Но чтобы не задержать читателя долѢе его помышленіями и намѢреніями, спѢшимЪ мы поставить его на зрѢлище, гдѢ изЪ дѢйствій лучше о немЪ узнаемЪ.

АГАТОНЪ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Глава первая.

Свойство Сиракузянъ, Діонисія и его Двора.

Сиракузы, древній столичный городъ Сициліи, въ которыхъ намѣрены мы ироя нашего показать народу, заслуживаютъ въ различныхъ разсужденіяхъ имя вторыхъ Аѳинъ. Ничто не можетъ быть сходнѣе, какъ свойство ихъ жителей. Оба были въ высочайшемъ степенѣ ревностны къ вольности, въ которой никогда долго не умѣли себя сохранять; поколику они праздность и веселости всегда еще больше любили, нежели вольность. Также надобно признаться, что она

ѻна имъ чрезъ худое употребленіе, которое они изъ нее дѣлали, больше причиняла вреда, нежели всѣ ихъ мучители. Жители Сиракузъ, такъ, какъ и Аѳиняне, казались рожденными къ художествамъ и наукамъ и имѣли къ онымъ склонность; они были живы, остроумны и сродны къ насмѣшливой шуткѣ, сильны и стремительны въ своихъ движеніяхъ, но столь впрочемъ необузданны, что они въ чредѣ немногихъ дней могли переходить удобно отъ крайняго степеня любви до крайнѣйшей ненависти и отъ дѣйствительнаго возторженія къ хладнѣйшей безпристрастности. Сущими чертами, коими, какъ извѣстно, Аѳиняне отличались всегда предъ всѣми прочими Греческими народами. И тѣ и другіе возмущались съ толикимъ же легкомысліемъ противу хорошаго правленія единаго начальника, сколько они спо-

способны были пріучать себя съ раболѣпнѣйшею слабостію къ игу наихудшаго мучителя. Оба не знали никогда истинной своей выгоды и обращали всегда свою силу противу самихъ себя. Великодушны и храбры въ нещастіи, всегда высокомѣрны и неистовы въ щастіи, и подобно Езоповой собакѣ въ Нилѣ, обманувшись пустыми предметами, они не знали никакъ употреблять кстатѣ дѣйствительныя выгоды, кои были по ихъ разположенію. Положеніе ихъ земли, образъ ихъ правленія, духъ къ торговлѣ, не позволялъ имъ присвоять Спартанскаго равенства; однако, какъ Лакедемоняне, не могли сносить, чтобы одинъ согражданинъ искалъ весьма отличиться своими заслугами, дарованіями своими, своимъ достоинствомъ и своими богатствами. Оттуда всегда междоусобныя вражды, всегда раздираемы

емы партіями и заговорами; пока, по долговремянномЪ перемѢнномЪ прехожденіи изЪ вольности вЪ невольничество, наконецЪ оба сіи государства научились сносить терпѢливно оковы Рима, довольствуясь благоразумно честію быть АѲинамЪ училищемЪ, СиракузамЪ магазиномЪ сего величественнаго обладателя селенной.

По чредѢ такЪ называемыхЪ мучителей (то есть правителей, которые овладѢвали государствомЪ единою и самопроизвольною силою, не ожидая призванія гражданЪ) попались наконецЪ Сиракузы и большая часть сЪ ними Сициліи вЪ руки Діонисія; а отЪ сего, по долговремянномЪ правленіи, подЪ которымЪ Сиракузане показали, что они сносить способны, достались по наслѢдству сыну его Діонисію второму. Право сего молодаго человѢка на ко-

ролевскую власть, которую онъ себѣ по смерти отца своего присвоилъ, было еще менѣе, нежели сомнительно; ибо какъ въ самомъ дѣлѣ могъ ему отецъ его оставить то право, котораго онъ самъ не имѣлъ? Но сильная гвардія, чрезвычайно укрѣпленный замокъ, и лишеніемъ пребогатыхъ Сициліянцовъ избыточествующая казна замѣняли недостатокъ права, которое сила и насиліе даютъ всегда тому, кто его и не имѣетъ, и коего по сему удобно можно лишиться, естьли кто осмѣлится злоупотребить. Къ сему присоединилось и то, что въ такой области, въ коей духъ политической добродѣтели уже погасъ и безпредѣльныя желанія богатствъ и лестной вольности дерзать на все для удовлетворенія чувствамъ, получили верьхъ; что, говорю я, въ такой области разпустное и единственно до успокоенія своихъ стра-

страстей лакомое юношество могло наконецъ надѣяться больше выгодъ отъ неограниченнаго правленія единаго дѣйствіями имъ подобнаго, нежели отъ Аристократіи, которою владѣютъ старшіе и съ великими заслугами, или Демократіи, въ которой зависимую и неизвѣстную власть со множествомъ затрудненій, опасностей и жертвоприношеній дороже покупать должно, нежели кажется стоитъ труда.

И такъ младый Діонисій чрезъ стеченіе благосклонныхъ обстоятельствъ вступилъ спокойно въ обладаніе высочайшей въ Сиракузахъ власти; и легко можно догадаться, какимъ образомъ худо возпитанный и отъ жара своего сложенія ко всякимъ изступленіямъ юношества приверженный государь употребитъ верховную власть свою, окруженъ будучи

 тол-

толпою льстивыхъ придворныхъ. Веселости, пиршества, любовныя дѣла, праздники, продолжавшіеся по цѣлому мѣсяцу, однимъ словомъ безпрестанное роскошство и піянство составляли упражненія двора безумныхъ юношей, не пекущихся ни о чемъ, какъ чрезъ изобрѣтеніе новыхъ роскошей утвердиться въ склонности своего Государя, и въ то же время препятствовать ему когда нибудь притти въ самого себя и узрѣть бездну, которой по цвѣтоносному краю онъ безпечно похаживалъ. Столь извѣсто управленіе роскошныхъ государей изъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ примѣровъ, что мы не почитаемъ за нужное болѣе разпространять о сей матеріи. Какого царствованія ожидать отъ молодаго безумнаго, коего жизнь состоитъ въ безпрестанной маслиницѣ; который, незнакомъ будучи съ каждою великою должностію своего до-

достоинства изнуряетъ свои силы, кои бы онъ къ изполненію своего обязательства побуждать долженствовалъ, при ночныхъ пиршествахъ и въ нѣжныхъ объятіяхъ похотливой наложницы; который, не безпокоясь никогда о благоденствіи государства, самъ столь мало вникаетъ въ свои истинныя и собственныя выгоды, что истинную заслугу, которая ему подозрительна, ненавидитъ, и награжденія разточаетъ тѣмъ, кои подъ личиною усерднѣйшей преданности и совершеннаго жертвованія суть наиопаснѣйшіе его враги; отъ такого государя, у котораго важнѣйшія мѣста даются по предстательству танцовщицы, или невольниковъ одѣвающихъ и раздѣвающихъ его; который воображаетъ себѣ, что придворный, который отмѣнно танцуетъ, знаетъ изрядно учредить ужинъ и имѣетъ превозходное

дарованіе вкрадываться прямо у женщинѣ въ милость, обладаетъ по тому безъ сомнѣнія дарованіемъ искуснаго Министра, или полководца, или, что ко всему въ свѣтѣ способенъ, какъ скоро имѣетъ даръ ему нравиться? — Что осталось ожидать отъ такого правленія, кромѣ презрѣнія законовъ, злоупотребленія въ правосудіи, насилій худаго домоводства, налоговъ, развѣянія казны, пренебреженія и притѣсненія добродѣтели и общаго развращенія нравовъ? — и какое можетъ тамъ имѣть мѣсто градомудріе, гдѣ страсти, упрямство, мимоидущіе соблазны смѣшнаго честолюбія, гдѣ рабяческое желаніе заставлять о себѣ говорить, выгоды любимца, ковы и пронырства любовницы, суть единыя пружины приводящія въ движеніе знатную государства машину, единственныя побужденія союза и раздруже-

нія иностранныхъ державъ и публичнаго поступка, гдѣ не зная истинныхъ выгодъ государства, или своихъ силъ, ни начертанія, ни тяжести въ вѣсахъ, и соединенія средствъ -- однако мы непримѣтно впадаемъ въ звонъ измѣненія голоса, котораго никакъ не должно ожидать отъ столь свѣдомой матеріи, и которую другіе съ толь долгаго времяни черпали уже прежде насъ. — Всякой читающій сіе можетъ узнать изъ опыта собственнаго своего отечества, коликаго сожалѣнія достоинъ тотъ народъ, который имѣетъ нещастіе отданъ быть на разхищеніе произволенію Діонисія.

Изъ всего нами сказаннаго представитъ себѣ всякой сего государя, какъ одного изъ худшихъ мучителей, которымъ небо нѣкогда тайными преступленіями отягчен-

ченное государсшво наказало; подъ сими красками изображаютъ его также исторіописашели. Но изъ всѣхъ развращенныхъ свойствъ составленный человѣкъ есть такое чудовище, которое существовать не можетъ. Самый сей Діонисій имѣлъ бы довольно способности сдѣлаться добрымъ государемъ, естьли бы онъ былъ столь щастивъ и образованъ былъ возпитаніемъ достойнымъ высокаго сана, къ коему онъ былъ предопредѣленъ. Но къ его злополученію не сообщено было ему и того своихъ народовъ, того самаго возпитанія, которое вообще даютъ каждому молодому человѣку посредственнаго состоянія. Отецъ его, несноснѣйшій мучитель, какого можетъ быть никогда не существовало, отдѣлилъ его отъ всякаго добраго сообщества, и возпитывалъ между подлыми невольниками, и замышляемый наслѣд-

никъ

никѣ не имѣлѣ никакого средства кѣ препровожденію у себя времяни, какѣ дѣлалѣ маленькія тележки, деревянныя подсвѣшники, скамеечки, и другія сему подобныя юношескія упражненія. Тотѣ бы несправедливо поступилѣ, кто бы сіе самоизбранное упражненіе почелѣ за дѣйствіе природнаго побужденія; но это больше былѣ недостатокѣ вѣ предметахѣ и образцахѣ, которые врожденному разположенію всѣхѣ людей упражнять остроту и руки могли бы подать другое направленіе. Онѣ бы дѣлалѣ столько же хорошо стихи, а можетѣ быть и лучше своего отца (который между прочими дурачествами имѣлѣ также желаніе прослыть стихотворцемѣ), естьли бы дали ему вѣ его кельѣ путеводителемѣ Гомера. Сколько видано Принцовѣ, которые, сѣ благополучнымѣ разположеніемѣ сдѣлаться Августами и Траянами,

ми, по причинѣ приставленныхъ къ ихъ возпитанію, или по неспособности монастырскими предразсужденіями наполненнаго чернеца, которому они оставляемы были на произволеніе, перераждались въ Нероновъ и Геліогабаловъ! -- Съ точностію и ясностію обнаружить истинныя причины, стекающіяся на развращеніе такимъ образомъ лучшихъ разположеній, опредѣлить, какъ при нѣкоторыхъ данныхъ обстоятельствахъ не можетъ случиться, чтобы изъ лучшей природы худо возпитываемой не сдѣлалось чуднаго скопища пороковъ и несовершенствъ, есть, какъ намъ кажется, весьма важная задача, которую рѣшить поручаемъ мы какому нибудь остроумному мужу, который при философскихъ проницаніяхъ обладаетъ точнымъ познаніемъ свѣта. Сколько бы просвѣщенъ и вычищенъ вѣкъ нашъ ни былъ, однако еще не

достигъ до столь высокаго степеня совершенства, чтобы щитать твореніе таковой природы излишнимъ; и естьли бы изполненіе отвѣтствовало важности матеріи, то мы не сомнѣваемся, чтобы оно не могло довольно благополучно послужить къ отклоненію у многихъ областей долгой цѣпи мученій, которыя имъ можетъ быть предстоятъ на будущіе вѣки отъ порочнаго возпитанія ихъ еще неродившихся обладателей.

Глава вторая.

Спойство Діона. Примѣчанія на онаго. Отступленіе.

Сиракузанцы привыкли уже весьма къ игу, чтобы сдѣлать покушеніе низвергнуть съ себя оное по смерти стараго Діонисія. Между ими и столько не осталось

лось добродѣтели, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ, кои лучше размышляли, нежели большая толпа и презрительная подлость объѣдальщиковъ, возымѣли благородную смѣлость продраться даже до престола младаго монарха, и открыть ему истины, отъ коихъ зависѣло какъ собственное его благоденствіе, такъ и благосостояніе Сициліи. Во всемъ городѣ Сиракузахъ находился только одинъ человѣкъ, котораго сердце довольно велико было для изполненія сего намѣренія. А можетъ быть и сей бы самый не вышелъ изъ безопасной, но неславной мрачности, въ которой обыкновенно честные люди подъ правленіемъ возвѣщающимъ нещастіе скрываются, естьли бы ему рожденіе его не дало право, и выгоды его не принудили пещись о дѣлахъ государственныхъ.

Сей

Сей мужъ былъ Діонъ, братъ мачихи Діонисія и супругъ его сестры, ближайшій по немъ въ государствѣ, и единый, который могъ своими великими способностями, своею властію у народа и неизмѣрными богатствами, которыя онъ имѣлъ, сдѣлаться страшнымъ и подозрительнымъ въ намѣреніи или вступить на мѣсто младаго государя, или возстановить древній образъ правленія, возвратя республикѣ ея блескъ и ея вольность. Естьли бы мы должны были всѣмъ повѣствователямъ, а особливо добродѣтельному Плутарху, неограниченно вѣрить; то бы намъ надлежало щитать Діона между сими маленькими ироями, которые (чтобъ занять у Платона выраженіе) возвысились до достоинства и величества добрыхъ духовъ, или ангеловъ хранителей и благотворителей человѣческаго ро-

да,

да, -- которые способны изъ высокой побудительной причины чистой любви нравственнаго порядка и общаго блага поступать, и сверьхъ старанія сдѣлать другихъ благополучными, приносятъ въ жертву самихъ себя, по колику они подъ своею смертною корою чувствуютъ благороднѣйшее существо, которое врожденное его совершенство тѣмъ славнѣе обнаруживаетъ, чѣмъ больше таскотская часть притѣсняется, - которые въ щастіи и злощастіи равно велики, симъ не помрачаются, а отъ того не заимствуютъ никакого блеска, но всегда сами себѣ довольны, господа своихъ страстей и гораздо выше нуждъ и желаній простыхъ душъ, кажется составляютъ родъ поднебесныхъ боговъ. Таковое свойство конечно мечется въ глаза, услаждаетъ нравоучительства чувство, и возбуждаетъ желаніе,

чтобы оно могло быть нѣчто больше, нежели пріятная химера. Но мы принуждены признаться, что мы по правильнымъ причинамъ съ возрастающею опытностію становимся часъ отъ часу недовѣрчивѣе къ человѣческимъ – и такъ для чего и не къ сверхчеловѣческимъ — добродѣтелямъ.

Это правда, что жизнь Діона намъ доказываетъ, что онъ одаренъ былъ великими способностями а особливо высокостію и силою души, которыя обыкновенно примѣчаются въ тѣхъ людяхъ, коихъ жиловатое тѣло и меньше нѣжныя жилочки возвѣщаютъ почти всегда не очень союзный и обходительный духъ, важное, гордое и жестокое сложеніе (temperamentum). Каждый родъ сложенія, какъ извѣстно, имѣетъ добродѣтели ему свойственныя. Естьли случится, что обнаруженіе спо-

собностей къ онымъ благополучными обстоятельствами разпространяется; то нѣтъ естественнѣе ничего, какъ что изъ того образуется такое свойство, которое ослѣпляетъ нѣкоторыми блистающими добродѣтелями, кои для того же самаго достигаютъ совершеннѣйшей изящности, по тому что никакое внутреннее сопротивленіе не противоборствуетъ ихъ приращенію. Сего рода добродѣтели находимъ мы въ Діонѣ въ великомъ степени. Но ставить ему то въ заслугу значило бы то же, какъ и щитать за заслуги борцу упругость его жилъ, или здоровой и цвѣтущей дѣвочкѣ хорошій ея цвѣтъ, которыя бы имъ долженствовали дать право на всеобщее высокопочитаніе. Конечно, когда бы Діонъ отличился преимущественно тѣми добродѣтелями, къ коимъ онъ не разположенъ отъ природы, и когда бы

онъ

онъ сіе до того довелъ, чтобы въ нихъ упражнялся съ такою легкостію и пріятностію, какъ будто бы онѣ ему были врожденныя! Но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы столько дѣлать чести любомудрію своего учителя и друга Платона, о чемъ находимъ мы надежнѣйшія доказательства въ собственныхъ письмахъ сего мудреца и въ поступкѣ самаго Діона въ важнѣйшихъ явленіяхъ его жизни. Никогда не могъ онъ до того себя довести, или можетъ быть ему и не нравилось покуситься (ибо все выходитъ одно) преодолѣть сію суровость, сію непокорливость, сію въ обхожденіи неласковость, которая отражала отъ него сердца. Тщетно увѣщевалъ его Платонъ жертвовать Граціямъ. Діонъ своею непереимчивостію наставленій своего учителя доказалъ очевидно, „ что любомудріе, порядочнымъ обра-

образомъ заставляетъ насъ убѣгать тѣхъ пороковъ, къ коимъ мы естественно несклонны, и укрѣпляетъ насъ только въ такихъ добродѣтеляхъ, къ коимъ мы и безъ того сами собою чувствуемъ склонность. „

Однако тѣмъ не менѣе онъ былъ тотъ, на котораго вся Сицилія устремила глаза. Премудрость его поведенія, отклоненіе его отъ всѣхъ родовъ чувственныхъ забавъ, умѣренность его, трезвость и хорошее домоправительство снискивали ему тѣмъ болѣе почтенія, чѣмъ сильнѣе препирались онѣ съ необузданною роскошностію и разточеніемъ мучителя. Весь свѣтъ видѣлъ, что онъ былъ въ состояніи одинъ перевѣсить Діонисія; и лучшаго отъ него единаго ожидали, положимъ, что самъ ли онъ хотѣлъ царствовать, или овладѣть престо-

столомъ для молодыхъ сыновей своея сестры, или бы довольствовался тѣмъ, чтобъ быть Менторомъ Діонисія.

Естественная нечувствительность Діона къ прелестямъ сластолюбія, которая въ Сиракузанцовъ столько къ нему вперила довѣренности, ослѣпила наконецъ и Грековъ твердой земли, у коихъ онъ принужденъ былъ искать убѣжища отъ жестокихъ гоненій мучителя. Самая Академія, сіе тогда славное премудрости училище, казалось, тѣмъ кичилось, что могло щитать между своими питомцами столь близкаго (хотя незаконнаго) родственника обладателя Сициліи. Царское великолѣпіе, которое онъ въ Аѳинахъ своею жизнію присвоялъ, было въ ихъ глазахъ (сколько то и извѣстно, что и мудрыя глаза иногда суетою ослѣпляются) выра-

женіемъ внутренняго величества его души. Они почти заключали по той же логикѣ, которая влюбленнаго въ прелести своея возлюбленной заставляетъ заключать о благости ея сердца. Они не видѣли, или не хотѣли видѣть, что сіе самое отъ республиканскихъ обычаевъ столь далеко отлученное великолѣпіе было весьма яснымъ знакомъ, что то меньше приписывать должно возвышенности надъ обыкновенными слабостями великихъ и богатыхъ, нежели недостатку желаній, когда тотъ къ удовольствіямъ чувствъ былъ равнодушенъ, который имѣлъ довольно суеты, что великолѣпіемъ богатствъ, коихъ онъ, яко плодовъ своего отношенія къ фамиліи тиранна, болѣе долженствовалъ стыдиться, захотѣлъ отличиться между вольнымъ народомъ.

Одна-

Однако, получа я сей случай умѣрить излишнія похвалы, расточаемыя обыкновенно на любимцевъ щастія, какъ скоро они отъ себя бросаютъ нѣкоторый блескъ добродѣтели, я никакъ не отрицаю, чтобы Діонъ, такъ, какъ онъ былъ, не изполнилъ столько же достойно престола, сколько мало онъ былъ способенъ съ обезсиленнымъ долгимъ ношеніемъ оковъ народомъ, въ среднемъ между невольничествомъ и вольностію состояніи, въ которое онъ привелъ его наконецъ чрезъ изгнаніе Діонисія, обходиться съ толикою кротостію и осторожностію, сколько онъ желалъ, чтобы предпріятіе его для Сиракузанцовъ и его самого благополучно совершилось. Плутархъ сравниваетъ сей народъ, начинающій свергать съ себя иго мучительства, весьма благополучно съ людьми, которые отъ продолжи-

тельной болѣзни опять возстают, и не терпятъ подвергаться предписанію благоразумнаго врача въ разсужденіи ихъ воздержанія отъ пищи, а желаютъ весьма рано поступать такъ, какъ здоровые люди. Но въ семъ не можемъ мы съ нимъ согласиться, чтобы Діонъ былъ для нихъ сей искусный врачь. Это весьма имовѣрно, что самая Платоническая философія, которой мысленному нравоученію и градомудрію онъ весьма удивлялся, тому способствовала, что онъ менѣе другаго, который бы по столь отвлеченнымъ правиламъ не поступилъ, былъ свойственъ сдѣлаться врачемъ крайне развращеннаго народа. Множественные опыты разныхъ времянъ и между различными народами доказали, чтобы Діоны, Катоны, Бруты, Алжерноны Сидней всегда бы нещастливы были, естьли бы они покусились паки воз-

возстановить вЪ состояніе здоровья старыми безстыдными безпорядками обезсиленное и изнуренное тѣло государства. КЪ таковому дѣйствію принадлежатЪ многіе помощники, и изЪ мужей столь чрезвычайнаго рода сыщется между милліономЪ человѣковЪ одинЪ. Довольно, когда мѣта (какЪ сказалЪ СолонЪ о своихЪ законахЪ) есть лучшая, которой вЪ предлежащихЪ обстоятельствахЪ достигнуть можно; но сіи люди хотятЪ всегда лучшаго, какое только выдумать можно. Все средства, ведущія безопаснѣе и скорѣе кЪ сей цѣли, суть безЪ сомнѣнія также наилучшія; но сіи господа не хотятЪ никакихЪ другихЪ употребить, кромѣ тѣхЪ, кои по наистрожайшимЪ правиламЪ часто наихитрѣйшей справедливости и благости законны и хороши. Похвально! превозходно! божественно! — возклицаютЪ умоизступи-

 тель-

тельные удивляющіеся иройской добродѣтели. Мы бы желали охотно совозкликнуть, естьли бы намъ прежде только согласились показать, какую услугу та напряженная добродѣтель показала когда нибудь человѣческому роду. — Діонъ, на примѣръ, объятый высокими идеями своего учителя, желалъ въ освобожденныхъ Сиракузахъ основать такой образъ правленія, который бы сколь возможно граничилъ ближе къ республикѣ Платона; — но онъ только ускорилъ собственное свое паденіе и съ паденіемъ своего отечества, по тому, что пренебрегъ единыя средства, которыя могли обѣщать ему благополучный успѣхъ. Брутъ помогъ убить наивеличайшаго изъ смертныхъ, наиспособнѣйшаго управлять цѣлымъ свѣтомъ, какого никогда не раждалось. А для чего онъ сдѣлался участникомъ убійства? По тому,

что

что ему, относительно на средства, чрезъ которыя онъ достигалъ до высочайшей власти, пришло опредѣленіе Тиранна. Брутъ хотѣлъ опять возстановить республику. Еще кинжалъ для Марка Антонія (какъ сего требовалъ не столь высоко, но правильнѣе мыслящій Кассій); такимъ образомъ пощажены бы были рѣки крови, благороднѣйшая кровь Рима, дражайшая жизнь лучшихъ согражданъ, и о благополучномъ успѣхѣ всего предпріятія подлинно узнали! И какъ въ самомъ дѣлѣ тотъ, который мнимому общему благу своего отечества принесъ столь великую жертву, каковъ былъ Цесарь, могъ усомнѣться погубить Антонія и соединить тѣнь его съ величественною тѣнію перваго? — Сіе безъ сомнѣнія надлежало ему сдѣлать, чтобы такое дѣйствіе, — которое (поколику оно было не удачно) у его со-

современниковъ называлось омерзенія достойнѣйшимъ убійствомъ, а безпристрастнѣйшему потомству должно казаться (разсуждая о немъ нѣсколько благосклоннѣе) безумнымъ возторженіемъ, — учинить столь достославнымъ предпріятіемъ, какого никогда великая душа Римлянина не задумывала. Но безразсудное и безвремянное великодушіе возродило нѣкоторыя въ Брутѣ сомнѣнія; онъ увидѣлъ скоро упадающею свою власть, Антоній хвалился безразсудностію такого непріятеля, который оставилъ ему жизнь, и погребъ наконецъ Платоническаго Брута подъ развалинами на вѣки опровержженной республики. И такъ сколько пособилъ Платонизмъ его отечеству? Мы можетъ быть весьма долго промѣшкали при семъ разсужденіи; но наблюденіе, которое намъ къ тому подало поводъ, сколько оно ни старо, кажется

жется намъ важно и полезно въ практическихъ послѣдствіяхъ, коихъ полезность простираться на всѣ состоянія, а особливо у тѣхъ, кои упражнены правленіемъ и нравоучительнымъ изученіемъ человѣковъ, обнаружилась бы преимущественно, естьлибъ въ нее лучше вникали и съ толикою же честностію, какъ и благоразуміемъ, употребляли. Можетъ бы быть глаза тѣхъ, кои смотрятъ ни чрезъ маркъ, ни чрезъ подкрашенныя стекла, съ плачевносмѣшнымъ зрѣлищемъ остались пощаженными отъ столь многихъ честныхъ людей, кои изъ всѣхъ силъ и съ торжественною важностію молотятъ пустую солому, промолотя цѣлый годъ, весьма удивляются, что на гумнѣ кромѣ соломы ничего не лежитъ. Патріотическій Флегонъ не навлекъ бы на себя съ весьма жаркою ревностію свою во всѣхъ частяхъ раз-

 вра-

вращенную республику столько же жаркими средствами опять изцѣлить, и чрезъ сію досаду и тщетность своихъ неблагодарныхъ попеченій не подалъ бы повода себя до смерти — запоить. Честный Макринъ не вздумалъ бы на щетъ своея вольности, а можетъ быть и жизни, сдѣлать изъ Калигулы Марка Аврелія. Добродѣтельный Діофанъ проникнулъ бы, сколь мало онъ имѣетъ надежды людей, кои еще весьма отдалены отъ того, чтобъ быть сносными людьми, провозгласить въ ангелоподобное совершенство. — Но довольно о такой матеріи, для изтолкованія которой надлежащимъ образомъ потребно собственное сочиненіе.

Но сколь однако ни легко завести своихъ никакого худа не боящихся читателей въ лавиринѳъ вмѣстительныхъ и отступленій, естьли

положишся на суевѣрную правильность! Хотя мы нашихъ давно уже увѣдомили, что мы бы себя при случаѣ отъ такихъ вольностей уволили; однако мы должны признаться, что мы себѣ ни въ семъ случаѣ, ни, сказать правду, въ какомъ другомъ не желаемъ получить подражателей. Не для того, чтобы мы того боялись, чтобъ лишиться порядка и связи въ сей исторіи; но что въ самомъ дѣлѣ безконечно легче писать смѣсь, нежели порядочное сочиненіе, и оттуда бы удобно могло случиться, что молодый писатель, который бы для своея лучшей способности пожелалъ употребить нашъ способъ, могъ привести себѣ Горацієвъ вопросъ: Currente rota cur urceus exit? А хотя бы и сего опасаться нѣчего было, то есть такіе честные люди, которымъ трудно кажется возвратиться изъ такихъ Меандри-

дрическихъ уклоненiй, и, какъ скоро угодно сочинителю, встать опять на томъ пунктѣ, гдѣ онъ съ ними вышелъ. — „Такъ что намъ хотѣли во всей сей главѣ собственно сказать?„ спросятъ на примѣръ таковые читатели. — Примѣчайте; государи мои, вотъ что: — что сей Дiонъ, о которомъ была рѣчь, и о которомъ вы впрочемъ (какъ я думаю) очень мало безпокоитесь, былъ довольно хорошiй Государь, но однако не совсѣмъ былъ ирой добродѣтели, какъ его нѣкоторый честный верьховный жрецъ въ Херонеѣ (*) себѣ воображалъ; или съ нимъ признаться, что онъ то былъ, то бы чрезъ то самое на его мѣстѣ не совсѣмъ годился, какъ вы, государи мои, предстоя его домашнимъ вещамъ, помиритесь съ его супругою, ея щетную книгу будете содержать въ до-

(*) Плутархъ.

добромЪ порядкѢ, и тому еще больше подобное. -- Однако разумѢемЪ ли мы теперь другЪ друга?

Глава третія.

ОпытЪ, что любомудріе столько же хорошо можетЪ очаровывать, какЪ и любовь.

ДіонЪ взиралЪ на изступленія Діонисія сЪ презрѢніемЪ холоднаго Философа, который никакого не имѢлЪ желанія вЪ оныхЪ участвовать, и сЪ досадою политика, который видѢлЪ себя вЪ опасности мало по малу быть отверженЪ толпою молодыхЪ сластолюбцевЪ, весельчаковЪ, пантомимовЪ и дураковЪ отЪ власти и участія вЪ правленіи, которое ему принадлежало. При таковомЪ состояніи патріотизмЪ имѢлЪ наипрекраснѢйшую игру. Важныя побудительныя причины общаго благо-

благосостоянія, некорыстолюбивое разсужденіе пагубныхъ слѣдствій, которыя изъ толь худаго состоянія Двора долженствовали разпространиться на всю область, были столь сильно подкрѣпляемы другими тайнѣйшими причинами, что онъ принялъ твердое намѣреніе все предпріять для приведенія государя родственника своего на лучшій путь.

Онъ разсуждалъ, слѣдуя правиламъ Платона, что невѣжество Діонисія и привычка жить съ людьми безпородными и безъ возпитанія (хотя между ими были молодые господа изъ весьма хорошаго дворянства) есть главнымъ источникомъ его развращенныхъ склонностей. И по сему надѣялся его изправить, естьли только можно будетъ собрать около его лучшее сообщество и внушить ему благородное желаніе къ ученію, которое

рое обыкновенно въ тѣхъ, кои онымъ возторжены, скотскія побужденія естьли несовершенно уничтожаетъ, то конечно уменшаетъ и умѣряетъ. И такъ онъ не пропускалъ ни единаго случая (а отъ безчисленныхъ погрѣшностей, чинившихся ежедневно въ управленіи государствомъ, не имѣлъ онъ въ оныхъ никакого недостатка) представлять тиранну необходимую нужду имѣть около себя мужей въ премудрости громкихъ. Онъ подкрѣплялъ представленіе сіе столь многими побудительными причинами, что между множествомъ весьма великихъ людей, кои пропадали съ Діонисіемъ, нашелся наконецъ одинъ, который находилъ выгоду его суетѣ. Однако и сей самый шепталъ только тихонько на ухо молодому государю; и хотя онъ обыкновенно всегда отдавалъ право своему несносному дядѣ; однако трудно, чтобы онъ

по-

подумалъ когда съ важностію о предлагаемомъ ему, естьли бы не подоспѣло къ тому маленькое физическое обстоятельство, которое представленіямъ мудраго Діона дало такую силу, которая была не ихъ собственная.

Діонисій, мы не знаемъ по какому случаю, далъ Двору своему праздникъ, который, по увѣренію повѣствователей, продолжался равно три мѣсяца. Чрезмѣрная и невоздержная сила вообраｰженія не могла понять, до какого степени простирались великолѣпіе и роскошь при сей продолжительной маслиницѣ. Въ самомъ дѣлѣ праздникъ сей заслуживалъ тѣмъ болѣе сіе названіе по тому, что по изтощеніи всѣхъ прочихъ изобрѣтеній, слабый Монархъ хотѣлъ посвятить послѣдніе дни третіяго мѣсяца, прилучившіеся въ самое собраніе винограда,

града, на представленіе Бахусова торжества и всей его баснословной повѣсти. Діонисій, который чрезъ уподобленіе имяни своего Бахусу взявшись представлять его лице, искалъ въ томъ особливой славы оставить далеко позади себя самый подлинникъ. Источники природы были осушены и безсильное желаніе разширить ея границы -- однако, мы не станемъ дѣлать картины, которая можетъ быть при предметахъ сего рода отвлечетъ насъ отъ намѣренія возбудить въ сердцахъ всякое отвращеніе. Довольно, что Діонисій съ Силенами, Нимфами, Фавнами и Сатирами, своими помощниками, не оставилъ Тиверію и Нерону позднѣйшихъ времянъ ничего, кромѣ славы быть слабыми подражателями всѣхъ его разпутствъ. Кто себѣ представитъ, чтобы изъ столь тиноватаго источника могла родиться

пресильная любовь къ любомудрію и изправленіе удивившее всю Сицилію и Грецію? Но на небѣ и на землѣ есть премножество такихъ вещей, о коихъ ни одного слова не стоитъ въ нашемъ сокращеніи, -- говоритъ Шакеспеаровъ Гамлетъ къ своему школьному другу Горацію -- и говоритъ правду.

Необузданнѣйшее сложеніе могло, какъ надлежало Діонисію, перемѣниться. Новый Бахусъ, изнуренный неумѣренностію, съ которою онъ толь долгое время жертвовалъ богамъ радости, увидѣлъ себя наконецъ принужденнымъ перестать. Вопервые съ очаровательной минуты вступленія его на престолъ увидѣлъ онъ себя обладателемъ послабить поводъ всѣмъ своимъ страстямъ, почувствовалъ онъ пустоту внутри самаго себя, въ которую онъ глядѣлъ

дѣлъ съ омерзеніемъ. Въ первый разъ почувствовалъ онъ склонность дѣлать разсужденія, естьли бы онъ — имѣлъ къ тому возможность. Но съ живымъ негодованіемъ на самаго себя и на всѣхъ тѣхъ, которые пособляли дѣлать его скотомъ, изпыталъ онъ тогда, что онъ ничего въ себѣ не имѣлъ, что бы могъ противопоставить отвращенію отъ всѣхъ чувственныхъ удовольствій и скукѣ, его снѣдающей. Но что онъ между тѣмъ весьма живо чувствовалъ, было сіе: что онъ окруженъ будучи предметами, возвѣщавшими ему мнимое величество и благополучіе, щиталъ самаго себя за самаго бѣдняка и малость. Однимъ словомъ, всѣ жилы его существа такъ опустились, что онъ впалъ въ нѣкоторый родъ безумной задумчивости, которой въ немъ ни всѣ его придворные, ни всѣ его тан-

цовщицы разогнать не могли. Въ семъ плачевномъ состоянiи, которое естественная нетерпѣливость его сложенiя дѣлала ему несноснымъ, бросился онъ въ объятiя Дiона, который въ продолженiе послѣднихъ трехъ мѣсяцовъ удалился въ дальную деревню. Онъ слушалъ представленiя его съ такимъ вниманiемъ, къ какому онъ еще способенъ не былъ, и принималъ предложенiя, чинимыя ему симъ мудрецомъ, съ желанiемъ сдѣлаться столько же великимъ и столько благополучнымъ, сколько онъ теперь былъ презрителенъ и бѣденъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. И такъ можно себѣ вообразить, что онъ не дѣлалъ ни малѣйшихъ затрудненiй слѣдовать совѣтамъ Дiона и пригласить Платона къ своему двору, какiя бы впрочемъ философъ чрезъ друга своего ни предлагалъ договоры; онъ, который

въ

въ такомъ состояніи, въ коемъ онъ находился, допустилъ уговорить себя первому лучшему жрецу Цибелы вступить въ чинъ Корибанскій съ приношеніемъ въ жертву дражайшей половины самаго себя.

Діонъ не мало былъ обманутъ тогда, при столь сильныхъ явленіяхъ къ совершенной перемѣнѣ чувствъ тиранна, своею философіею. Онъ хотя весьма правильно заключалъ, что неистовства послѣдняго праздника подали къ тому случай; но въ томъ весьма онъ ошибся, что онъ (по предразсужденіямъ, свойственнымъ любомудрію, весьма привыкшему отдѣлять душу и въ ней произходящее отъ машины, въ коей она заключена) не примѣтилъ, что добрыя разположенія Діонисія произходили единственно отъ физическаго омерзенія

нія къ предметамъ, въ коихъ онъ до сего искалъ единственнаго своего удовольствія. Онъ почиталъ естественныя слѣдствія насыщенія за дѣйствія убѣжденія, въ которомъ онъ теперь находится, что радости чувствъ не могутъ содѣлать благополучнымъ. Онъ предполагалъ, что въ душѣ его произходило премножество вещей, о коихъ душа Діонисія ни помышляла, ни способна была о нихъ помышлять. Однимъ словомъ, онъ судилъ (какъ мы по большей части обыкновенно дѣлаемъ) о душѣ другаго по своей собственной, и основалъ на семъ положеніи зданіе надеждъ, которое къ его великому удивленію обрушилось, какъ скоро Діонисій почувствовалъ, — что опять отверзлись источники природы.

Вызываніе Платона была такая вещь, надъ которою уже доволь-

вольное время было работано. Но философъ противополагалъ сему великія затрудненія и (не взирая на увѣщаніе своихъ друзей, Пиѳагорейцовъ въ Италіи, подкрѣпляющихъ прозьбы Діоновы) устоялъ бы въ своемъ отказѣ, естьли бы радостныя извѣстія, сообщенныя Діономъ о благополучномъ умоначертаніи тиранна, и неотступныя приглашенія доходившія до него имянемъ его, не подали ему наконецъ надежды сдѣлаться Ангеломъ хранителемъ Сициліи, а можетъ быть и основателемъ новой республики (по образу и начертанію тоя, кою оставилъ онъ намъ въ своихъ писаніяхъ).

И такъ Платонъ появился при Сиракузскомъ дворѣ со всемъ величествомъ мудреца, который почиталъ себѣ по превозходству своего духа за право щитать великихъ людей въ свѣтѣ за нѣ-

что меньшее, нежели себѣ равныхъ. Ибо хотя тогда еще никакихъ не было Стоиковъ, однако философы съ промысломъ давали уже весьма учтиво разумѣть, что они въ своихъ собственныхъ глазахъ составляли высшій классъ существа, нежели прочіе обитатели земли. И въ сей разъ имѣло щастіе любомудріе показаться съ блескомъ, соразмѣрнымъ высокому мнѣнію, которое дражайшій его любимецъ имѣлъ о себѣ самомъ. Платонъ принятъ былъ какъ богъ, и произвелъ единымъ своимъ присутствіемъ такую перемѣну, которую подѣйствовать казался въ глазахъ изумленныхъ Сиракузанцовъ довольно сильнымъ единъ только богъ. Въ самомъ дѣлѣ зрѣлище сіе казалось истиннымъ очарованіемъ тѣмъ, кои за нѣсколько недѣль прежде видѣли Сиракузскій Дворъ. Но — о коль естественнымъ находимъ мы также

же наичрезвычайное, какъ скоро узнаемъ истинныя онаго побужденія!

Первый шагъ, ступленный божественнымъ Платономъ въ чертоги Діонисія, празднованъ былъ торжественною жертвою; а первый часъ, въ который они между собою разговаривали, ознаменованъ былъ поправленіемъ, распростершимся тотчасъ по всему Двору. Чрезъ нѣсколько дней самъ Платонъ думалъ, что онъ въ Аѳинахъ въ своей Академіи: такая благопристойность и безмолвіе царствовали во всемъ царскомъ домѣ. Азіятская роскошь уступила тотчасъ мѣсто философической простотѣ. Переднія, которыя прежде кишѣли забавными шутами и всякихъ родовъ весельчаками, представляли тогда Академическія залы, въ коихъ ничего не видно было, кромѣ долгобородыхъ

дыхъ мудрецовъ, прохаживающихся поодиначкѣ и четами, съ потупленною главою и наморщеннымъ лбомъ, углубясь въ самихъ себя, или закутавшись въ свои епанчи, то всѣхъ вмѣстѣ, то такъ стоящихъ, а иногда только между собою разговаривающихъ; а иногда они можетъ быть и ни о чемъ не думали, однако дѣлали столь важный видъ, какъ будто бы послѣднѣйшій между ими упражненъ былъ не меньшимъ чѣмъ, какъ изобрѣтеніемъ лучшаго законодательства, или показаніемъ созвѣздіямъ правильнѣйшаго теченія. Роскошныя пиршества, при которыхъ Комъ и Бахусъ съ тиранскимъ скипетромъ чрезъ всю ночь господствовали, превратились въ сущіе обѣды Пиѳагора, за которыми насыщались разговорами о высокихъ предметахъ человѣческаго разума. Вмѣсто дерзновенныхъ пантомимовъ и роскошныхъ

сви-

свирѣлей слышны были благодарственныя пѣсни въ честь богамъ и добродѣтели; а для промоченія гортани къ разглагольствію пили изъ маленькихъ Сократскихъ стаканчиковъ намѣшавъ въ воду вина.

Діонисій возымѣлъ къ философу нѣкоторый родъ страсти. Платонъ долженствовалъ всегда быть около его, сотовариществовать ему во всѣхъ мѣстахъ, сказывать на все свое мнѣніе. Высокая сего особливаго мужа сила воображенія, сообщавшаяся также посредствомъ естественной прилипчивой силы его слушателямъ, подѣйствовала такъ сильно на душу государя, что онъ его никогда досыта наслушаться не могъ. Часы, казалось ему, протекали стремительнѣе, когда говорилъ Платонъ, нежели прежде проходили они въ объятіяхъ наихитрѣйшей и опытнѣйшей наложницы.

ницы. Все сказанное мудрецомъ было столь изящно, столь высоко, столь удивительно! возвышало духъ столь высоко превыше себя! бросало лучи столь божественнаго свѣта во мракъ души! Въ самомъ дѣлѣ не можно было сему иначе быть, когда самыя простѣйшія понятія любомудрія имѣли для Діонисія самую свѣжую прелесть новости. Да при томъ прибавимъ мы ко всему сему и то, что онъ самое малое разумѣлъ (хотя онъ, какъ и многіе другіе ему подобные, столь былъ суетенъ, что сего не давалъ примѣчать), да и всего не могъ разумѣть, поколику возторженный Платонъ дѣйствительно иногда и самъ себя не очень понималъ. Естьли мы представимъ еще, съ какою удивительною силою и съ какимъ очарованіемъ дѣйствуетъ обыкновенно одѣтый въ блестящіе образы вздоръ на незнающихъ;

то

то мы безъ труда поймемъ, что никогда естественнѣе не бывало ничего, кромѣ чрезвычайнаго вкуса, обрѣтеннаго Діонисіемъ въ богѣ философовъ (какъ называетъ его Цицеронъ), который впрочемъ съ учтивымъ великолѣпіемъ соединялъ всякую пріятность нравовъ и Аттической вѣжливости. Не вмѣшивая въ то божественнаго Платона искуство уговаривать, или заразу философическаго умоизступленія, сообщилось нечаянное желаніе Діонисія къ наукамъ всѣмъ его придворнымъ, не для того, какъ будто бы имъ великая была нужда свои маленькія обезьяньи души передѣлать по божественному образцу идей, или будто бы они о томъ безпокоились, что видно въ сверхнебесныхъ пространствахъ. Однако они дѣлали то же. Вкусъ философіи вошелъ въ обычай. Надлежало говорить о метафизикѣ и въ геометрическихъ

выраженіяхъ, чтобы сдѣлаться пріятнымъ государю. И такъ при всемъ Дворѣ, кромѣ философскихъ одѣждъ никакихъ другихъ неносили. Всѣ залы палатъ по образу гимназій усыпаны были пескомъ, чтобы быть описану всѣми треугольниками, четыреугольниками, пирамидами, осьмиугольниками и двaтцатиугольниками, изъ коихъ Платонъ склѣиваетъ своего Бога и сей прекрасный свѣтъ. Всѣ, до послѣдняго повара, говорили о философіи и преобразя лица свои въ какую нибудь геометрическую фигуру спорили о матеріи и формѣ, о томъ, что есть и что не есть, объ обоихъ концахъ добра и зла и о лучшей республикѣ. Все сіе производило конечно довольно странное зрѣлище и могло возбудить подозрѣніе, какъ будтобы Платонъ при Сиракузскомъ дворѣ между толпою безбородыхъ учениковъ, игралъ больше роль надутаго педанта,

та, нежели роль мудраго, который предположилъ великое намѣреніе и знаетъ опредѣлить благоразумно къ тому средства по обстоятельствамъ мѣста, времяни и лицъ. Но ошиблись бы. Платонъ весьма мало имѣлъ участія въ смѣшныхъ разпутствахъ придворныхъ; хотя онъ съ удовольствіемъ взиралъ, что сіи безполезные шмели, которыхъ онъ вдругъ выгнать не могъ, прилѣпились къ такимъ забавамъ, кои однако всегда могли почитаемы быть за родъ упражненій, чрезъ которыя они непримѣтно отъ своихъ прежнихъ обычаевъ отвлекались и помощію вкуса къ наукѣ предуготовляемы были къ общему изправленію, которое онъ надѣялся произвести въ дѣйство. Но собственныя и главнѣйшія его старанія обращены были непосредственно на самого Діонисія; и между тѣмъ искавъ сдѣлать его ласковѣе и пріучить

къ себѣ прелестями своего обхожденія и своего краснорѣчія, старался онъ сими средствами, не давая проникнуть своихъ намѣреній, вдохнуть въ него презрѣніе къ прежнему своему состоянію, любовь къ добродѣтели, желаніе къ славнымъ дѣйствіямъ, однимъ словомъ, такія помышленія, которыя бы его непримѣтными степенями привели отъ себя самого на такія мысли, чтобы сложить съ себя незаконную корону и довольствоваться честію быть первымъ между себѣ равными. Виды обѣщали ему благополучнѣйшіе успѣхи. Діонисій чрезъ нѣсколько дней не казался болѣе прежнимъ мужемъ. Вкусъ его къ наукамъ, склонность его къ совѣтамъ философа, тихость и кроткость во всемъ его поведеніи, превзошли все, чего Діонъ себѣ отъ него надѣялся. Цѣлыя Сиракузы почувство-

вали

вали тотчасъ дѣйствія сея благополучной перемѣны. Онъ перешелъ съ невѣроятнымъ стремленіемъ изъ высочайшаго степеня мучительнаго неистовства къ народолюбію Аѳинскаго Архонта. Онъ полагалъ каждый день по нѣскольку часовъ на выслушиваніе каждаго съ плѣняющимъ дружелюбіемъ — называлъ ихъ согражданами — желалъ себѣ возможности ихъ всѣхъ облагополучить — дѣйствительно началъ дѣлать разныя полезныя разпоряженія, и возбудилъ столь многими благосклонными прознаменованіями общее ожиданіе благополучной перемѣны, которая тогда сдѣлалась вдругъ предметомъ всѣхъ желаній и содержаніемъ всѣхъ разговоровъ между народомъ.

Довольно намъ, противу тѣхъ, кои найдутъ невѣроятною столь чрезвычайную и нечаянную пере-

перемѣну государя, представленнаго нами чудомъ пороковъ, разпутствъ и неистовствъ, сослаться на единодушное свидѣтельство повѣствователей. Но мы можемъ еще больше сдѣлать. Удобно сдѣлать возможность и вѣроятность онаго понятною. Внимательные читатели, имѣющіе нѣкоторое познаніе о человѣческомъ сердцѣ, могутъ открыть къ сему доводы уже отъ себя въ нашемъ до сего мѣста повѣствованіи. Въ такомъ состояніи духа, въ коемъ страсти молчатъ, мерзитъ намъ отъ услажденія чувствъ, и недостатокъ въ пріятныхъ впечатлѣніяхъ погружаетъ насъ въ трудное средосостояніе между бытіемъ и небытіемъ -- въ такомъ состояніи душа жадничаетъ схватиться за каждый предметъ, который можетъ ее извлечь изъ сего мучительнаго недѣйствія ея силъ и лучше разположенъ чувствовать прелесть

нрав-

нравственныхъ и разумныхъ красотъ. Конечно сухой разбиратель (по частямъ) метафизическихъ понятій не былъ бы къ тому способенъ пріуготовить таковые предметы для человѣка, который къ строгому вниманію столько же нетерпѣливъ, сколько и неспособенъ. Но краснорѣчіе Гомера философовъ умѣло ихъ столь прелестнымъ образомъ для силы воображенія отѣлесить, умѣло страсти и внутреннія побужденія сердца столь искусно для нихъ привесть въ движеніе, что они могли нравиться и трогать. Къ сему не мало еще споспѣшествовала юность тиранна, которая его еще не затвердѣлую душу дѣлала способною къ новымъ впечатлѣніямъ. Такъ для чего же невозможнымъ быть, чтобы ему между такими обстоятельствами не вдыхать на нѣсколько недѣль любовь къ добродѣтели, когда къ сему

далѣе ничто не нужно было, какъ склонностямъ его непримѣтно поставить другіе предметы на мѣсто тѣхъ, кои ему прискучили? Въ самомъ дѣлѣ обращеніе его было не иначе какъ что онъ теперь, вмѣсто какой нибудь роскошью дышащей Нимфы, обнималъ прекрасный призракъ добродѣтели, и вмѣсто Сиракузскаго вина упоевался онъ Платоническими идеями. Самая сія суета, которая его за нѣсколько времяни побудила съ Бахусомъ и другимъ божествомъ, котораго мы не осмѣливаемся назвать имянно, ревновать на перерывъ, щекоталась теперь представленіемъ, какъ регентъ и законодатель, помрачить предъ нимъ сіяніе славнѣйшихъ мужей, обратить глаза свѣта на себя, и видѣть, чтобы всѣ ему удивлялись и обожали самые мудрецы.

Что сіе рѣшеніе о обращеніи Діонисія правильно, доказалось

дѣй-

дѣйствительно въ послѣдствіи; и можно бы, кажется намъ, не имѣя дара угаданія, напередъ предвидѣть, что столь нечаянная перемѣна не будетъ имѣть никакой твердости. Но какъ могутъ запутанные въ великія дѣла лица столь постоянно и не плѣняся о томъ разсуждать, какъ отдаленные зрители, которые цѣлое предъ собою имѣютъ лежащее и при холодномъ изысканіи связи всѣхъ обстоятельствъ весьма легко съ великимъ упованіемъ доказываютъ, что сіе не могло иначе итти, какъ они знаютъ, что оно шло? Платонъ самъ обманулся видами, поелику они сразмѣрны были его желаніямъ, и казалось, что доказывали ему, сколько онъ былъ способенъ дѣлать чудеса. Преждевремянная радость о благополучномъ успѣхѣ, въ которомъ онъ уже почиталъ себя увѣреннымъ, не допустила его представить се-

бѣ всѣ препятства, которыя могли поперечить его намѣреніямъ, въ надлежащей силѣ и въ то время помыслить о предупрежденіи оныхъ. Обыкши въ спокойныхъ переходахъ своея Академіи посредѣ понятныхъ учениковъ строить мнимыя республики, почиталъ онъ роль, которую взялся играть при Сиракузскомъ Дворѣ, за легчайшую, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Онъ заключалъ всегда правильно изъ своихъ предыдущихъ; но его предыдущія предполагали всегда болѣе нежели было, и онъ доказалъ своимъ примѣромъ, что никакой человѣкъ не обманывается болѣе видомъ вещей, кромѣ того, который препровождаетъ всю свою жизнь inter ſilvas Academiae въ изысканіи истины. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ времянахъ видано, сколь мало удавалось суетнымъ разсужденіямъ людей, когда они оставя свою философскую

скую сферу отваживались на какое нибудь великое зрѣлище дѣйствительной жизни. И какъ могло сіе иначе быть, когда они сдѣлали привычку въ своихъ Утопіяхъ и Атлантидахъ изобрѣтать прежде законодательство, и будучи съ онымъ готовы, вырѣзываютъ такъ называемыхъ мужичковъ, кои столь же вѣрно поступать должны по симъ законамъ, какъ и главное твореніе внутреннимъ побужденіемъ своего механизма дѣлаетъ такія движенія, какія желаетъ имѣть художникъ? Удобно можно видѣть, что въ дѣйствительномъ свѣтѣ идетъ сіе прямо превратно. Люди въ ономъ такіе же, какъ и были; и великій пунктъ есть, тѣхъ, коихъ имѣешъ предъ собою, по всѣмъ обстоятельствамъ и отношеніямъ столь долго учить, пока не узнаешъ столь точно, сколько возможно, каковы они. Какъ скоро

вы то знаете, то давайте правила, по коимъ вы съ ними поступать должны, сами отъ себя; и тогда то время дѣлать нравоучительныя начертанія! Но, о вы великіе свѣтильники нашего просвѣщеннаго вѣка! когда думаете вы придетъ время сіе для человѣческаго рода?

Глава четвертая.

Филистъ и Тимократъ

Въ то время, какъ любомудріе и добродѣтель витійствомъ единаго мужа произвели столь чрезвычайную перемѣну въ лицѣ у всего Сиракузскаго двора, прежніе довѣренные Діонисіевы весьма были отъ того удалены, чтобы выгоды, получаемыя ими отъ прежняго образа разсужденія сего государя, уступить столь согласно, какъ должно было заключить

чить изъ ихъ внѣшняго поведенія. Какъ хитрые придворные, умѣли они искусно скрывать свое негодованіе на особливое благоволеніе, которымъ Платонъ у него наслаждался. Привыкши поступать по вкусу государя и принимать всякіе виды, подъ коими могли они ему нравиться, или достигнуть тайныхъ своихъ намѣреній, приняли они, какъ скоро новое расположеніе Государя извѣстно стало, всю наружность философическаго возторженія съ такою же легкостію, съ какою надѣвали личину. Они были первые, которые въ семъ прочему Двору предшествовали своимъ примѣромъ. Они усугубили услужливость свою Принцу Діону, коего власть со прибытія Платонова весьма возрасла. Они открыто удивлялись философу, и превозносили уже похвалами, какъ скоро онъ только разинетъ ротъ. Всѣ его намѣ-

мѣренія и предпріятія мѣръ казались имъ достойными удивленія. Они не знали, что бы въ оныхъ похулить; а естьли когда дѣлали возраженія, то для того только, чтобы научиться и имѣть случай показать ему, что они при первомъ его отвѣтѣ совершенно убѣждались его высокимъ свѣденіемъ и премудростію. Они искали дружества его съ такимъ усердіемъ, въ которомъ казалось, что пренебрегали и самаго государя; а особливо старались они разсѣять предразсужденія, кои бы можно было принять противъ ихъ о прежнемъ управленіи государствомъ. Сею хитростію хотя они достигнули своего намѣренія сдѣлать мудраго Платона безопаснымъ не столько совершенно, чтобы онъ иногда не полагалъ нѣкоторой справедливой недовѣрки на чистосердечіе ихъ поступка; но какъ они совсѣмъ не сомнѣвались, чтобы

онъ

онъ за ними примѣчалъ, то имъ удобно было вести себя такъ, что онъ совсѣмъ своимъ остроуміемъ ничего не видѣлъ. Они убѣгали съ осторожностію всего того, что могло подать поведенію ихъ видъ удержанія, двоезначенія и таинства, и приняли столь естественное и простое лице, что надлежало или имъ уподобляться, или быть обманутu. Сіе изящное искуство притворства есть одно изъ тѣхъ, въ которомъ только придворнымъ дано быть превозходнѣйшими. Можно бы вызвать самую добродѣтель показываться съ большею истиною и съ лучшею приличностію, однимъ словомъ являться больше добродѣтелію, нежели какою она кажется быть подъ личиною, которою украшаются сіи люди, кои разумѣютъ столь изрядно принимать на себя собственнѣйшій видъ, цвѣтъ и нару-

ружную оной прiятность всякой разъ, какъ скоро можетъ оное быть средствомъ къ ихъ намѣренiямъ. Что мы здѣсь говоримъ, разумѣется особливо о двухъ лицахъ, которые при сей перемѣнѣ мучителя больше всѣхъ имѣли потерять. Филистъ былъ до сего наидовѣреннѣйшiй между его министрами, а Тимократъ его любимецъ. Оба съ такимъ согласiемъ, которое дѣлало честь ихъ благоразумному градомудрiю, вкрались въ его сердце и дѣлили между собою дружбу его, верьховную власть (на которую онъ давалъ только свое имя) и знатную часть его доходовъ. Тогда общая опасность еще тѣснѣе соединила союзъ ихъ дружества. Они открыли другъ другу свои страхи и сообщили взаимно свои примѣчанiя. Они удумали между собою о мѣрахъ, какiя надлежало принять въ толь сомнительныхъ обстоятель-

тельствахЪ, и вступили, зная слабую сторону мучителя лучше всякаго другаго, вЪ дѣйство сЪ такою хитростію и искуствомЪ, что имЪ наконецЪ мало по малу пощастливило предупреждать его противу Платона и Діона такЪ, что ему самому невозможно было примѣтить ихЪ намѣренія. Мы уже сказали, что жители СиракузЪ (естественнымЪ движеніемЪ, свойственнымЪ всѣмЪ народамЪ) отдались сЪ столь стремительною радостію надеждѣ достигнуть паки своея прежней вольности стараніемЪ Платона, что сія предстоящая вожделѣнная перемѣна правленія сдѣлалась содержаніемЪ всѣхЪ разговоровЪ. ВЪ самомЪ дѣлѣ намѣреніе Діона при вызовѣ своего друга простиралось на не меньшее. Оба равно сдѣлались явными непріятелями мучительства и Демократіи. Сіи два образа правленія, по ихЪ мнѣнію, сте-

стекались на концѣ къ единой цѣли, хотя подъ различными видами и разными путями, сирѣчь въ недостатокъ порядка и безопасности. Здѣсь не мѣсто рѣшить, на какихъ причинахъ наши оба философы основывали свое мнѣніе; но они оба были плѣнены тѣмъ родомъ Аристократіи, въ которой народъ хотя довольно безопасенъ отъ всякаго притѣсненія, слѣдственно и власть благородныхъ, или, какъ говаривали у Грековъ, лучшихъ, неразрывными окована узами; однако съ другой стороны собственное управленіе государства поручено небольшему числу, кое обязано отдавать точный отчетъ. И такъ дѣйствительно намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы уничтожить мучительство (или что въ наши времяна называютъ неограниченнымъ правленіемъ) во всей Сициліи и завести въ семъ островѣ Аристо-

кратію. Вѣ угодность Діонисію, или лучше, по мнѣнію Платона, который думалѣ, что совершеннѣйшій образѣ правленія долженѣ состоять изѣ Монархіи, Аристократіи и Демократіи, вознамѣрились основать вѣ своей новой республикѣ двухѣ Королей, которые бы вѣ оной то же самое представляли, что и Короли Спартанскіе, и Діонисій долженствовалѣ быть однимѣ изѣ оныхѣ. Сіе было почти основаніемѣ ихѣ начертанія. Они не упускали ни единаго случая выхвалять выгоды законнаго правленія; но они были весьма благоразумны и прежде времяни не говорили о столь нѣжной вещи, каково было введеніе республической системы, и не приводили обратно мучителя, прежде, нежели Платонѣ его сдѣлаетѣ совершенно кроткимѣ и человѣколюбивымѣ, вѣ естественную его дикость. По нещастію народѣ былѣ

весь-

весьма неспособенъ къ такому правленію и думалъ совсѣмъ иначе о употребленіи, которое онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своея вольности. Всякой при семъ случаѣ имѣлъ особенныя свои намѣренія, которыя онъ скрывалъ еще въ себѣ, и помышлялъ прямо о какой нибудь личной своей выгодѣ. Каждый почиталъ себя за больше, нежели способнаго служить прямо обществу въ такой должности, къ которой онъ ни малѣйшей не имѣлъ склонности, или имѣлъ впрочемъ на оную небольшія свои требованія, отъ коихъ онъ никакъ не хотѣлъ отстать. И такъ Сиракузанцы требовали Демократическаго правленія; и думая, что они уже весьма близко находились у цѣли своихъ желаній, говорили весьма открыто, что Филистъ и его друзья получили случай отвлечь мучителя отъ Платоническаго пріятнаго возторженія, которому онъ предался.

Первое

Первое ими сдѣланное состояло въ томъ, что они чувствованія народа и снаружи непримѣтно бросающееся въ глаза, но внутренно тѣмъ сильнѣе кипящее движеніе онаго описали ему весьма живыми красками и съ довольнымъ увеличиваніемъ обстоятельствъ. Они дѣлали сіе съ великою осторожностію, въ удобныя минуты, изподоволь и такимъ образомъ, что Діонисій нечувствительно увѣрялся, что глаза его сами собою растворились и онъ обязанъ собственной своей приницательности за всѣ имъ содѣланныя открытія. При томъ очаровывая такимъ образомъ духъ государя и отравляя ядомъ сердце его, не опускали ни единаго случая возносить похвалами Платона и Принца Діона до облаковъ. Особливо употребляемы были наиискуснѣйшія выраженія, какія только можетъ изобрѣсть хитрѣйшая злоба, чтобы

подать государю понятіе о чрезвычайномъ почшеніи, снискиваемомъ сими мужами у народа. А чтобы устремить еще болѣе вниманіе тиранна, умѣли они тысячею тайныхъ путей, при которыхъ они сами не являлись, склонить къ тому, что завелись многочисленныя особенныя собранія, на кои Діонъ и Платонъ, или по крайней мѣрѣ всегда кто нибудь изъ довѣренныхъ друзей того или другаго приглашаемы были. Собранія сіи хотя почитались только за пиршества и дружескія забавы, но подавали Филисту и его друзьямъ случай говорить объ оныхъ такимъ образомъ, чрезъ который онѣ получали видъ политическихъ совѣтовъ. Вотъ все тутъ, чего они желали. Сими и другими подобными хитростями наконецъ удалось имъ возбудить въ Діонисіѣ подозрѣнія. Онъ началъ скоро къ чистосердечію

чію новаго своего друга тѣмъ большее имѣть недовѣріе, когда онъ ревновалъ особливой дружбѣ, которую онъ примѣтилъ между имъ и Діономъ. А чтобы тѣмъ скорѣе уясниться о истинѣ своихъ подозрѣній, почиталъ онъ за безопаснѣйшее привлечь опять къ себѣ Тимократа, котораго онъ нѣсколько времяни пренебрегалъ, и какъ скоро увѣрится, что онъ можетъ полагаться на его преданность, то откроетъ ему свои наблюденія и тайныя оныхъ разумѣнія. Хитрый любимецъ притворился сначала, будто бы онъ не можетъ повѣрить, чтобы Сиракузанцы въ правду имѣли таковыя намѣренія. По крайней мѣрѣ (сказалъ онъ съ наичестнѣйшимъ на свѣтѣ видомъ) не можетъ онъ себѣ представить, чтобы Платонъ и Діонъ имѣли въ томъ наималѣйшее участіе. Однако долженъ онъ признаться, что съ са-

маго прибытія Платона ко Двору Сиракузанцы, кажется, одушевились совсѣмъ другимъ духомъ, и вѣроятно прельщены будучи чрезвычайною довѣренностію философа у государя, подкрѣпляются они нѣсколько въ изступительныхъ и смѣшныхъ понятіяхъ. Не невозможно, чтобы единомышленники республическаго узаконенія, видя, что Дворъ принялъ уже образъ Академіи, не льстились сыскать случай дать нѣкогда государству непримѣтно видъ Демократическаго правленія. Однако онъ признался, что онъ не очень довѣряетъ собственному своему проницанію, чтобы въ толь нѣжныхъ обстоятельствахъ подать своему государю и другу безопасный и спасительный отвѣтъ; но что Филистъ, коего вѣрность къ своему государю давно уже свѣдома, будетъ своею опытностію въ государственныхъ дѣлахъ без-

ко-

конечно искуснѣе проникнуть въ вещь сего рода.

Діонисій столь мало имѣлъ желанія сложить съ себя власть, которой цѣну онъ, такъ, какъ жилы его дѣлались упружѣе, день отъ дня начиналъ паки чувствовать сильнѣе, что вкрадчивость любимца его произвела все ея дѣйствіе. Онъ приказалъ ему съ необходимою предосторожностію привести Филиста еще въ ту же ночь въ свой кабинетъ, дабы поговорить съ нимъ о сихъ дѣлахъ и узнать его на то мысли. Такъ и сдѣлано. Филистъ окончалъ, что Тимократъ началъ столь благополучно. Онъ открылъ государю все то, что казалось ему онъ примѣтилъ; а имянно, точно столько, сколько нужно было, чтобы подкрѣпить его въ мысляхъ, что умышляютъ въ тайномъ заговорѣ о перемѣнѣ дѣйствительнаго

 обра-

образа правленія, которое хотя еще не достигло своея зрѣлости, однако такого состоянія, что заслуживаетъ вниманіе. А кто бы могъ быть начальникъ и глава такого заговора? спросилъ Діонисій. При семъ вопросѣ Филистъ казался смущеннымъ. „Онъ не надѣется, сказалъ онъ, чтобы онъ уже такъ далеко простирался. Діонъ оказываетъ толикую привязанность къ государю —„ Сказывай чистосердечно то, что ты думаешъ, прервалъ его Діонисій: какое мнѣніе имѣешъ ты о семъ Діонѣ? Безъ всякаго похлѣбства! Не нужно мнѣ о томъ напоминать, что онъ мужъ сестры моей; я это съ лишкомъ довольно знаю, и я тѣмъ больше ему ни въ чемъ не довѣряю. Онъ честолюбивъ — онъ безъ сомнѣнія — всегда пасмуренъ, осторожен и таинственнъ. — „Сказать правду, это его истинное

свой-

свойство (подхватилъ его слова Филистъ), и кто его точно примѣчалъ, не предупрежденъ будучи прежде лучшимъ о немъ мнѣніемъ, едва бы могъ избавиться подозрѣнія, что онъ не доволенъ и выдумываетъ самъ въ себѣ какое нибудь начертаніе, котораго онъ не почитаетъ за хорошее сообщить другимъ. „ Такъ ты думаешъ Филистъ? (прервалъ его государь) Я и самъ всегда о немъ имѣлъ такое мнѣніе. И естьли Сиракузы мутятся, и говорятъ въ нихъ о новозаведеніяхъ и перемѣнахъ; то будь увѣренъ, что Діонъ всему голова, начальникъ и душа заговора. Намъ довлѣетъ точнѣе за нимъ наблюдать „ по меньшей мѣрѣ то мудрено, (продолжалъ Филистъ), что онъ съ нѣкотораго времяни такъ старается увѣриться о дружбѣ почетныхъ сограждан. (Здѣсь привелъ онъ нѣкоторыя обстоя-

тельства, которыя чрезъ обращеніе, кое онъ имъ далъ, могли подтвердить его наблюденія.) Естьли мужъ толикой важности, какъ Діонъ, унизится и вступится за простой народъ, что совсѣмъ противу его характера, то можно подозрѣвать, что онъ особливыя имѣетъ намѣренія; а естьли Діонъ имѣетъ намѣренія, то онѣ конечно имѣютъ предметомъ не бездѣлицы. Но чтобы то ни было, однако я увѣренъ (примолвилъ онъ съ видомъ преизполненнымъ значенія), что Платонъ, не смотря на тѣсное съ нимъ дружество, весьма добродѣтеленъ и не приметъ участія въ тайныхъ заговорахъ противу такого Государя, который осыпаетъ его почестьми и благодѣяніями. „Сказать ли тебѣ, что я думаю? (отвѣчалъ Государь) Философы сіи, о коихъ столько носится въ свѣтѣ славы, суть

со-

совсѣмъ невинный родъ твореній. Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу, чтобы въ ихъ философіи было столько опаснаго, какъ люди обыкновенно себѣ воображаютъ. На примѣръ, я люблю Платона за то, что онъ пріятенъ въ обхожденіи. Онъ забралъ къ себѣ рѣдкія вещи въ голову, и не можно пріятнѣе во снѣ видѣть; а это-то самое меня и веселитъ. А при всемъ томъ надлежитъ ему отдать и то преимущество, что онъ велерѣчиво говоритъ. Весьма забавно его слушать, когда онъ разсказываетъ вамъ о островѣ Атлантисѣ и о вещахъ въ другомъ свѣтѣ столько же обстоятельно и надежно, какъ будто бы онъ прибылъ изъ луны съ первымъ купеческимъ кораблемъ. (Здѣсь смѣялись оба довѣренные друга, какъ будто бы не могли они удержаться, столь остроумной шуткѣ, и Діонисій самъ смѣялся съ ними.)

Смѣйтесь сколько вамъ угодно, продолжалъ онъ: но вы признаетесь, что Платонъ мой добросердечнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ; а естьли взять вмѣстѣ его философію, бороду его и его Іероглифическое лицеположеніе, то должно согласиться, что все сіе, принято будучи вкупѣ, составляетъ одного изъ такихъ людей, коимъ, за недостаткомъ лучшаго, можно препровождать время. (О божественный Платонъ! ты, который себѣ воображалъ имѣть сердце сего государя въ своей рукѣ; ты, который надѣялся великое произвесть твореніе и сдѣлать изъ него мудраго и добродѣтельнаго мужа! для чего не стоялъ ты въ сію минуту за обоею и не слушалъ сея лестной рѣчи, которою онъ вкусъ, найденный имъ въ тебѣ, старался оправдать въ глазахъ своихъ придворныхъ!) Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Тимократъ,

самыя Музы не могутъ говорить пріятнѣе Платона; я думаю никто не сыщется, кого бы онъ не могъ увѣрить, естьли захочетъ приняться. Ты можетъ быть желаешъ пошутить, прервалъ его Государь: но я тебя увѣряю, что не много ему недоставало и меня на то привесть, чтобы оставить Сицилію и предпріять философское путешествіе въ Мемфисъ, осмотрѣть пирамиды и Гимнософистовъ, кои по описанію его должны быть рѣдкія творенія — и естьли женщины тамъ столько хороши, какъ онъ сказываетъ объ нихъ, то должно весьма быть пріятно забавляться съ ними. Ибо онѣ живутъ въ чистомъ состояніи совершенно изящной природы и являются къ тебѣ на глаза украшены единственно собственными своими прелестями, съ толь торжественнымъ видомъ, какъ прекраснѣйшая Сиракузанка въ своемъ

емъ пышнѣйшемъ нарядѣ. Діонисій былъ, какъ видно, въ такомъ разположеніи, которое высокимъ намѣреніямъ его придворнаго философа не очень благопріятствовало. Также хитрый Тимократъ, которому только на сіе одинъ листъ былъ потребенъ, сдѣлалъ въ ту же минуту маленькое начертаніе, отъ коего онъ надѣялся особливаго дѣйствія. Но проницательнѣйшій Филистъ не разсуждалъ за благо оставлять долѣе Государя своего въ семъ легкомысленномъ разположеніи. Вы изволите шутить надъ чудными дѣйствіями Платонова краснорѣчія, сказалъ онъ Государю: это слишкомъ извѣстно, что онъ въ семъ искуствѣ не имѣетъ себѣ подобнаго. Но сіе бы самое не мало меня безпокоило, естьли бы онъ не былъ честный мужъ, какимъ я его почитаю. Сила витійства превозходитъ всякую другую

гую силу. Оно можетъ по произволенію единаго безоружнаго человѣка пятьдесятъ тысячь рукъ привесть въ движеніе, или привести ихъ въ совершеннѣйшее недѣйствіе. Естьли Діонъ, какъ кажется, умышляетъ какое опасное предпріятіе и находитъ средствія склонить сего увѣрительнаго Софиста на свою сторону; то я опасаюсь, чтобы Діонисій не заплатилъ гораздо дороже за удовольствіе пріятныхъ и остроумныхъ его обращеній. Извѣстно, сколько могло краснорѣчіе въ Аѳинахъ, и Сиракузанцамъ ничего недостаетъ, кромѣ двухъ такихъ витій, разогрѣть имъ голову фигурами, образами и сравненіями; то они скоро возжелаютъ быть сами Аѳинцами, и первый поджигатель, который захочетъ стать ихъ главою, сдѣлаетъ изъ нихъ все, что ему угодно.

Фи-

Филистъ примѣтилъ, что Государь его при сихъ словахъ вдругъ сдѣлался глубокомысленъ. Онъ заключилъ изъ того, что нѣчто въ душѣ его работало, и замолчалъ. — Какой я былъ дуракъ! возкликнулъ Діонисій, побывши нѣсколько времяни съ погруженною въ низъ главою. — Это конечно Ангелъ хранитель добраго моего щастія внушилъ мнѣ позвать тебя къ себѣ сего вечера! Очи мои разтворяются вдругъ. Къ чему бы меня говоруны сіи не привели своими треугольниками и умоключеніями! Можешъ ли ты себѣ вообразить, что сей Платонъ ласковымъ своимъ разглагольствіемъ почти меня уговорилъ разпустить мои войска и разослать по домамъ своимъ мою гвардію? А! теперь я усматриваю, куда клонились всѣ сіи изящныя сравненія государя съ отцемъ въ нѣдрѣ своего семейства и съ ссу-

ссущимъ младенцемъ при груди своея кормилицы. Измѣнники! они хотѣли сперва меня симъ сладкимъ люлюканьемъ усыпить, по томъ обезоружить, а наконецъ, приведши меня до того, чтобы не могъ дѣйствовать по своему произволенію ни войскомъ, ни своими ногами, сдѣлали бы они меня и въ правду дитятею на помочахъ, куклою, и всемъ, чѣмъ бы имъ вздумалось. Но они мнѣ дорого заплатятъ за сіе изобрѣтеніе. Я хочу сему клятвопреступному Діону -- Но, Филистъ, развѣ ты столько глупъ, чтобы могъ себѣ вообразить, что онъ вздумалъ бездѣльниковъ Сиракузскихъ выпустить на волю? Онъ хочетъ царствовать, Филистъ, конечно онъ этого хочетъ; и для сего-то самаго вызвалъ онъ къ моему Двору сего Платона, который бы мнѣ между тѣмъ, какъ тотъ прельщать будетъ народъ къ возму-

мущенію и положитъ себѣ начало, по тѣхъ поръ и столько болталъ о правосудіи, благотвореніи, о златомъ вѣкѣ, отеческомъ правленіи и подобныхъ нелѣпицахъ; пока бы я не допустилъ себя уговорить обезоружить свои галеры, разпустить своихъ спутниковъ; и напослѣдокъ въ провожаніи одного изъ сихъ долгобородыхъ дураковъ, коихъ Софистъ вывезъ съ собою, отправить меня, какъ новячка въ Леинскую Академію; состязаться между толпою молодыхъ глупцевъ о томъ, худо или хорошо сдѣлалъ Діонисій, что попался въ толь бѣдную ловушку.

Но возможно ли, спросилъ Филистъ съ лицемѣрнымъ удивленіемъ, чтобы Платонъ могъ имѣть безчувственную мысль давать Государю моему такіе совѣты?

Это возможно, поколику я тебѣ сказываю, что онъ это дѣлалъ.

лалъ. Я самъ не понимаю, какъ я допустилъ очаровать себя болтуну сему.

На это не долженъ досадовать Діонисій, отвѣчалъ пріятный Филистъ. Платонъ въ самомъ дѣлѣ великій мужъ въ своемъ родѣ, превозходный мужъ, естьли надобно сдѣлать начертаніе свѣту, или доказать, что снѣгъ не бѣлъ. Но положенія его касающіяся до правленія, какъ кажется, нѣсколько практикѣ опасны. Въ самомъ дѣлѣ это бы значило дать Аѳинянамъ о чемъ разговаривать, и сіе бы по истинѣ было немалымъ торжествомъ для философіи, естьли бы одинъ Софистъ, безъ сраженія мечемъ, единою очаровательною силою своихъ словъ могъ произвести въ дѣйство то, что его сограждане великими флотами и войсками тщетно предпринимали. Мнѣ несносно помыслить

 толь-

только о семъ, сказалъ Діонисій.
Какую глупую фигуру представлялъ я недѣли двѣ между сими лунатиками! Не подалъ ли я самъ Діону случай презирать себя? Что должны они подумать о мнѣ, нашедъ меня столько снизходительнымъ и переимчивымъ? — Но я скоро и тому и другому покажу, что они со всемъ своимъ знаніемъ таинственныхъ числъ весьма защитались въ своемъ изчисленіи. Время сдѣлать конецъ сей шуткѣ. Съ вашего позволенія, Государь, отвѣчалъ Филистъ: рѣчь идетъ еще о простыхъ догадкахъ. Можетъ быть Платонъ, не смотря на его безразсудный вамъ совѣтъ, невиненъ; да можетъ быть также и Діонъ. По крайней мѣрѣ мы еще не имѣемъ противу ихъ никакихъ доказательствъ. Они имѣютъ въ Сиракузахъ друзей, и при томъ такихъ людей, кои имъ удивляются. Народъ къ

нимъ благосклоненъ, и опасно ихъ принудить столь стремительнымъ поступкомъ кинуться въ объятія сего самаго народа, бредящаго столько о своей вольности. Позволимъ еще имъ нѣсколько времяни въ пріятномъ видѣніи овладѣвать Діонисіемъ. Дадимъ имъ искусно притворною довѣренностію случай ихъ чувствованія яснѣе обнаружить. Какъ, когда Діонисій притворится, какъ будто бы онъ дѣйствительно имѣлъ желаніе отказаться отъ короны, и будто бы его никакое другое отъ того не удерживаетъ размышленіе, какъ неизвѣстность, который образъ правленія можетъ содѣлать Сицилію наиблагополучнѣйшею? Такое открытіе принудитъ ихъ самихъ себѣ измѣнить; и между тѣмъ, какъ мы будемъ ихъ утѣшать философическими вопросами и Академическими начертаніями и задачами, сыщутся

случаи властолюбиваго Діона съ своимъ совѣтникомъ добрымъ порядкомъ сослать въ Аѳины, гдѣ могутъ они въ свободной праздности возстановлять по своимъ мыслямъ республики и давать имъ, когда они захотятъ, ежедневно другой образъ.

Глава пятая.

Умоначертаніе Діонисія. Тайный разговоръ съ Діономъ и Платономъ. Слѣдствія онаго.

Діонисій былъ отъ природы горячій и запалчивый человѣкъ. Каждое представленіе, коимъ поражалось его воображеніе, овладѣвало имъ столько, что онъ механическому побужденію, которое оно въ немъ производило, отдавался совсѣмъ. Но кто его столь точно зналъ, какъ Филистъ, могъ первымъ симъ движеніямъ его часто

сто единымъ словомъ дать совсѣмъ другое направленіе. Въ первомъ безразсудномъ жару его неистовства были сильнѣйшія предпріятія мѣръ первыя, на кои онъ бросался. Но тогда надлежало только показать ему тѣнь малѣйшей опасности, то все крутящееся пламя утихало, и столько же скоро можно было его уговорить избрать безопаснѣйшія средства, хотя бы онѣ въ то же время были наислабѣйшія.

Когда мы выше уже упомянули о истинной причинѣ мнимой его перемѣны, то никто не удивится, что онъ съ самой той минуты, когда страсти его снова взволновались, пришелъ также въ естественное свое состояніе. Что у него щитали за любовь добродѣтели, что онъ самъ почиталъ за то, было дѣло случайныхъ и механическихъ причинъ.

Возторженіе его къ ней не такъ далеко простиралось, чтобы онъ изъ любви къ добродѣтели хотя малѣйшее причинилъ насиліе своимъ склонностямъ. Необузданная вольность, въ которой онъ жилъ въ первыя времяна своего царствованія, представилась ему паки со всѣми своими живѣйшими прелестями. Теперь почиталъ онъ мудраго Платона за скучнаго дворецкаго, и проклиналъ слабость, которую онъ имѣлъ, что столько имъ плѣнился и преобразился въ одинъ столько мало собственному его подобный видъ. Онъ весьма чувствовалъ, что онъ наложилъ самъ на себя нѣкоторый родъ обязательства пребыть въ чувствованіяхъ, кои вдохнулъ въ него сей Софистъ (такъ онъ его теперь называлъ). Онъ себѣ представлялъ, что Діонъ и Сиракузане будутъ имѣть право ожидать отъ него изполненія обѣщанія,

нія, которое онъ имъ далъ, царствовать законамъ не въ противность. Мысли сіи были ему несносны и превратили безъ того уже охолодѣвшую склонность его къ Аѳинскому философу въ отвращеніе; а Діонъ, котораго онъ никогда не любливалъ, сдѣлался ему вдвое ненавистнѣе. Сіи тайныя разположенія государя въ разсужденіи двухъ философовъ облегчили Тимократу и Филисту средство вступить совсѣмъ по прежнему въ права на его духъ. Съ нимъ уже до того дошло, что онъ предъ сими двумя старыми любимцами стыдился той особы, которую онъ нѣсколько недѣль подъ опекою Платона столь способно игралъ; и можетъ быть происходило сіе отъ того пагубнаго стыда, что онъ только уменьшительными выраженіями говорилъ о такомъ мужѣ, котораго онъ сначала почти обо-

 жалъ,

жалъ, и съ страстію своею къ нему силился учинить столь смѣшную перемѣну. И такъ онъ послѣдовалъ совѣту Филиста съ жадною нетерпѣливостію такого человѣка, который съ горячностію желаетъ свободиться сколь возможно скорѣе отъ принужденія ненавистнаго ограниченія; а дабы не потерять ему ни мало времяни, сдѣлалъ онъ въ слѣдующій же день начало произведеніемъ въ дѣйство того положенія, которое умыслилъ онъ съ двумя своими друзьями. Онъ позвалъ Діона и Философа въ свой кабинетъ, и открылъ имъ со всѣми видами наисовершеннѣйшей довѣренности, что онъ рѣшился отказаться отъ правленія и оставить Сиракузанцамъ на волю избирать себѣ такой родъ правленія, какой имъ покажется всѣхъ пріятнѣе для ихъ благоденствія.

Столь неожидаемое предложеніе привело обоихъ друзей въ изумле-

умленіе. Однако скоро спохватяся, почли его за волненіе еще неочищенной добродѣтели, которая обыкновенно впадаетъ охотно въ пріятныя изступленія; и такъ понадѣялись, что имъ удобно будетъ привести Государя на зрѣлѣйшія мысли. Они хотя и похвалили доброе его намѣреніе, однако представили ему, что онъ его весьма худо достигнетъ, когда народъ, о коемъ должно разсуждать какъ о невзросломъ дитятѣ, сдѣлаетъ онъ господиномъ надъ своею вольностію, которую онъ, по всѣмъ догадкамъ, употребитъ къ собственному своему вреду. Впрочемъ они сказали ему на сіе все то, что здравое градомудріе сказать можетъ. Особливо доказывалъ ему Платонъ, что благополучіе государства зависитъ не отъ образа узаконенія, но отъ внѣшней благости законодательства, отъ добродѣтельныхъ нравовъ, отъ премудрости правите-

 ля,

чія, коему поручена сила законовъ на охраненіе. Я не думаю, Ваше Величество, сказалъ онъ обладателю, чтобы нужно было удалиться вамъ отъ верьховной власти, когда только отъ васъ зависитъ единственно совершеннымъ наблюденіемъ всѣхъ должностей мудраго и добродѣтельнаго правителя превратить мучительство въ законную Монархію. Народъ тѣмъ охотнѣе подвергнется такому образу правленія, когда онъ, возчувствовавъ свою собственную неспособность управляться самъ собою, сдѣлается склоннымъ дать собою управлять и будетъ почитать того за божество, который его защищаетъ и старается о его благоденствіи.

Діонъ въ семъ не совсѣмъ согласовался съ своимъ другомъ; а это по тому, что онъ Діонисія зналъ лучше его, и (поколику онъ весьма малую имѣлъ на-

надежду на прочность своихъ хорошихъ разположеній) охотно сколько возможно скорѣе желалъ бы изъ того сдѣлать такое употребленіе, чрезъ которое бы у него власть учинить зло, въ случаяхъ, когда его придетъ на то паки соизволеніе, была отнята. И такъ онъ изъяснялся съ великимъ выраженіемъ о преимуществахъ благоустроенной Аристократіи предъ правленіемъ единаго, и доказывалъ, сколько опасно оставить благосостояніе цѣлой земли случайному и мало безопасному обстоятельству, что сей единый монархъ добродѣтеленъ, или нѣтъ. При томъ утверждалъ: требовать отъ такого человѣка, который высочайшую власть имѣетъ въ рукахъ, чтобы онъ ее никогда во зло не употреблялъ, было бы требованіе силы человѣческія превозходящее. Это не меньше, какъ — отъ

отя-

отягченнаго недостатками и слабостями созданія, которое ни одной минуты за собою счесть не можетъ, ожидать божеской премудрости и добродѣтели. И такъ Діонъ намѣреніе Діонисія сложить царскую власть подтверждалъ въ высочайшемъ степени. Однако онъ въ семъ согласился съ своимъ другомъ, чтобы вмѣсто того, чтобы оставить учрежденіе государства на произволеніе народа, самъ Государь съ помощію гораздо просвѣщеннѣйшихъ и непорочной жизни людей государства, принялъ немедленно на себя трудъ начертать и основать прочное и до возможнѣйшаго степени совершенства доведенное узаконеніе. Казалось, что Діонисію предложеніе сіе понравилось. Онъ просилъ ихъ привести свои мысли о столь важной матеріи въ совершенное начертаніе, и обѣщался, какъ скоро они сами согласятся

о томѣ, что ему дѣлать довлѣетѣ, приступить кѣ изполненію такого дѣла, которое лежитѣ у его сердца.

Сей тайный разговорѣ произвелѣ сугубое дѣйствіе вѣ духѣ мучителя. Онѣ довершилѣ ненависть его противу Діона и поставилѣ Платона снова у него вѣ милость. Ибо хотя онѣ не сѣ столькимѣ удовольствіемѣ, какѣ сначала, внималѣ разговору о должностяхѣ добраго правителя; но сѣ великою охотою слушалѣ, когда Платонѣ обѣявилѣ себя противникомѣ народному правленію, а другомѣ Монархіи. Онѣ посовѣтовался сѣизнова сѣ двумя своими любимцами. Теперь только вѣ томѣ дѣло состоитѣ, сказалѣ онѣ, сбыть сѣ шеи Діона. Филистово мнѣніе было, прежде, нежели отважено будетѣ на такую важность, должно успокоить на-

народѣ и зыблемую власть государя совершенно утвердить. Онѣ предложилѣ средства, чрезѣ которыя сіе всего подлиннѣе случиться можетѣ и вѣ самомѣ дѣлѣ не предстояло тому никакихѣ великихѣ затрудненій; ибо онѣ и Тимократѣ представили объявленное возмущеніе вѣ Сиракузахѣ гораздо опаснѣе, нежели оно дѣйствительно было. Діонисій, по его присовѣтованію, продолжалѣ оказывать особливое вниманіе кѣ Платону, такому мужу, который вѣ глазахѣ народа представлялѣ единаго изѣ пророковѣ, который обращается сѣ богами и имѣетѣ вдохновенія. Такого человѣка (говорилѣ Филистѣ) должно удерживать другомѣ, доколѣ можно его употреблять сѣ пользою. Платонѣ не ищетѣ царствовать самѣ; такѣ онѣ и не имѣетѣ помянутыхѣ выгодностей, какѣ Діонѣ. Его уже суета успокоена, когда онѣ

онъ наслаждается благоволеніемъ того, кто ведетъ правленіе, и думаетъ, что онъ имѣетъ нѣкоторую власть при Дворѣ. Нѣтъ ничего, государь, легче, какъ подкрѣплять его въ семъ мнѣніи, доколѣ вашимъ намѣреніямъ потребно; а притомъ сіе послужитъ и средствомъ удержать его отъ тѣснѣйшаго союза съ Діономъ. Тираннъ, который и безъ того чувствовалъ нѣкоторый родъ склонности и привязанности къ философу, послѣдовалъ столь изрядно сему совѣту, что Платонъ самъ обманулся. Онъ желалъ всегда имѣть его возлѣ себя, когда онъ показывался открыто, и при всѣхъ случаяхъ приводилъ всегда его правила, гдѣ только надѣялся отъ нихъ дѣйствія. Онъ представлялъ, какъ будто бы онъ поступилъ по присовѣтованію философа, естьли онъ сдѣлалъ то или другое, чрезъ что онъ надѣялся понравиться

Си-

Сиракузанцамъ, не взирая, что все произходило по вразумленію Филиста, который сокровенно овладѣлъ паки совершеннымъ господствованіемъ надъ его сердцемъ. Онъ показывался чрезвычайно человѣколюбивымъ и ласковымъ къ народу. Онъ уничтожилъ нѣкоторыя подати, кои самый нижній классъ онаго весьма угнѣтали. Онъ забавлялъ ихъ открытыми праздниками и зрѣлищами. Онъ произвелъ тѣхъ, коихъ власть всего больше была опасна, въ прибыльныя достоинства; а прочихъ услаждалъ обѣщаніями, кои ему ничего не стояли, а имѣли доброе дѣйствіе. Онъ украсилъ городъ храмами, училищами и другими публичными зданіями. А все сіе дѣлалъ онъ, съ помощію своихъ любимцевъ, столь разумно, что обманутый легковѣрный Платонъ изтощевалъ всѣ свои силы и всю свою власть на то, чтобы склонить

нить всѣ сердца къ такому государю, который подавалъ столь добрыя надежды и ласкалъ его философскую суету столь многими открытыми доказательствами преимущественнаго высокопочитанія, коимъ Діонисій казался его удостоивать.

Всѣ сіи предпріятія мѣръ удались совершенно по желанію. Народъ (который не только въ Греціи, но и во всѣхъ мѣстахъ живетъ во всегдашнемъ дѣтствѣ) пересталъ ворчать, потерялъ въ скоромъ времяни желаніе видѣть перемѣннымъ образъ правленія, возъимѣлъ сильную склонность къ своему государю, возвеличилъ великолѣпно похвалами блаженство его царствованія, удивлялся пышному единоодѣянію, которое онъ приказалъ сдѣлать своимъ спутникамъ, пилъ между собою за его здоровье, и былъ готовъ сопле-

скать съ безумнымъ угожденіемъ всему, что онъ еще ни пожелаетъ предпріять.

Глава шестая.

Слѣдствія прошедшаго, Хитрости Тимократа Бакхидіонъ. Немилость къ Діону и Платону.

Филистъ и Тимократъ чрезъ сіе благополучное разсужденіе утвердились снова въ благоволеніи къ себѣ своего государя. Они были тѣмъ недовольны, что долженствовали оное дѣлить съ Платономъ, для котораго Діонисій удержалъ нѣкоторый родъ слабости, которую можетъ быть приписать надлежало естественной верьховной власти великаго духа надъ малымъ. Наконецъ Тимократъ вздумалъ способъ, къ коему подалъ ему первый поводъ

тай-

тайный разговорЪ вЪ спальнѣ Діонисія. Изобрѣтеніе сего способа требовало безЪ сомнѣнія не великой остроты; но выгоды, коихЪ любимецЪ себѣ надѣялся отЪ онаго, были тѣмЪ знатнѣе. ОнЪ надѣялся чрезЪ то купно выслужиться у тиранна и власть философа у него потушить; и онЪ не обманулся вЪ своей надеждѣ. Діонисій, будучи имЪ ободренЪ, началЪ непримѣтно опять вводить при своемЪ столѣ большую вольность. Число и званіе гостей, кЪ оному приглашаемыхЪ, подало кЪ тому причину. ПлатонЪ, который, не взирая на свою привязанность кЪ своимЪ великимЪ положеніямЪ, имѣлЪ вкусЪ нѣсколько придворный, поступалЪ такЪ, какЪ другіе почтенные мужи при нѣкоторыхЪ ДворахЪ обыкновенно дѣлаютЪ: — онЪ говорилЪ при каждомЪ случаѣ о преимуществахЪ трезвости, а ѣлЪ однако и пилЪ

 на-

наравнѣ съ другими. Не большое разпространеніе весьма тѣсныхъ предѣловъ Академической воздержности (о коей отецъ Академіи самъ долженствовалъ признаться, что она ко Двору государскому никакъ не пристала) позволило знатнымъ Сиракузанцамъ и каждому, желавшему засвидѣтельствовать свою преданность къ государю, давать ему великолѣпные пиры, пиры, гдѣ веселіе хотя господствовало необузданнѣе, но чрезъ бесѣдованіе Музъ и Грацій получало видъ скромности, съ которою строгость премудрости примириться могла. Тимократъ возпользовался симъ обстоятельствомъ. Онъ пригласилъ государя, весь дворъ и знатнѣйшихъ по городу согражданъ праздновать въ своемъ загородномъ домѣ возвращеніе вѣсны, коея обновительная сила (къ нещастію безъ сомнѣнія для худо утвердившагося Діонисіева Платонизма)

низма), казалось, вдыхала паки въ сего государя желанія и юношескія силы. Хитрѣйшая роскошь, сокрывшись подъ ослѣпительнымъ и прозрачнымъ покровомъ великолѣпія, устроила сей праздникъ. Тимократъ расточалъ свои богатства съ тѣмъ радостнѣйшимъ лицемъ, поколику былъ увѣренъ, что чрезъ то еще вдвое опять получитъ. Весь свѣтъ удивился изобрѣтенію и вкусу сего любимца. Діонисій признался, что при самомъ своемъ Дворѣ никогда онъ столь великолѣпно не веселился. Да и самый божественный Платонъ (который ни въ своихъ путешествіяхъ къ пирамидамъ и Гимнософистамъ, ни въ Аѳинахъ, ничего подобнаго сему не видывалъ) былъ столько измѣненъ своею стихотворческою силою воображенія, что, казалось, забылъ опасности, кои скрывались подъ очарованіями сего мѣста и подъ симъ

разточеніемъ прелестей къ удовольствію. Одинъ Діонъ сохранилъ всю свою обыкновенную важность. Но сильное преніе его мрачнаго поступка со всеобщею радостію дѣлало во всѣхъ сердцахъ впечатлѣнія, кои не мало споспѣшествовали къ ускоренію его предстоящаго паденія. Между тѣмъ всякой показывалъ, что онъ сему не внимаетъ; и въ самомъ дѣлѣ предусмотрѣніе, употребляемое Тимократомъ, чтобы каждый часъ и почти каждая минута приносила новое удовольствіе, оставляло весьма мало празднаго времяни на учиненіе наблюденій. Сей хитрый царедворецъ нашелъ средство польстить весьма чувствительнымъ образомъ самому философу въ такомъ случаѣ, въ коемъ столь мало онаго надѣяться можно было. Сіе случилось чрезъ большой пантомимическій балетъ, который подъ образами, занятыми изъ

нѣ-

нѣкоторыхъ его писаній, представлялъ приточно (allegorice) исторію человѣческой души сходно съ положеніями его философіи. Тимократъ употребилъ къ сему самыхъ избраннѣйшихъ обоего пола какъ станомъ, такъ и красотою лица молодыхъ людей, какихъ только онъ могъ достать въ Коринѳѣ и во всей Греціи. Между танцовщицами, казалось, одна особливо приуготовлена была для того, чтобы все благое, произведенное добрымъ Платономъ въ нѣсколько мѣсяцовъ въ душѣ тиранна, разрушить въ немъ въ единую минуту. Она представляла между лицами танца роскошь. Станъ, видъ, взоры, тѣлодвиженіе, улыбка, пріятности, однимъ словомъ все столь совершенно отвѣтствовало понятію, которое мы имѣемъ о роскоши, и дѣлало роль ея столь естественною, что самъ Анакреонъ не могъ бы описать

чище піянства ею вдыхаемаго. Каждый былъ очарованъ прекрасною Бакханкою, но Діонисій больше всѣхъ. Онъ ни единожды не помыслилъ возпротивиться сей роскоши, возпріявшей столь прельстительный видъ для возпламененія его охолодѣвшей къ ней склонности. Едва еще удержалъ онъ столько власти надъ собою, что не очень ясно обнаружилъ дѣйствія въ немъ произходившаго. *Ибо* онъ не смѣлъ ласкаться сдѣлаться паки полнымъ и самымъ тѣмъ же Діонисіемъ, какъ и прежде, хотя у него отъ времяни до времяни вырывались маленькія движенія и выразительные знаки, кои проницательному Діону доказывали, что онъ только остаткомъ стыда отъ послѣдняго вздоха умирающей добродѣтели еще удерживаемъ былъ. Однако Тимократъ торжествовалъ самъ въ себѣ о успѣхѣ своего намѣренія. Наипрелест-

лестнѣйшая Бакханка овладѣла желаніями, вкусомъ и самымъ сердцемъ мучителя. И какъ ему Тимократъ понадобился въ изтолкователи его страсти, которую онъ нѣсколько времяни хотѣлъ хранить втайнѣ; то угодный царедворецъ съ сея минуты сдѣлался опять самымъ ближнимъ къ его сердцу. Платонъ оплакивалъ, но уже весьма поздно, свое великое потворство склонности совлекшей государя къ забавамъ. Онъ весьма ощущалъ, что сила метафизическихъ его очарованій принуждена была уступить сильнѣйшей еще очаровательной силѣ, и какъ онъ безъ пользы не хотѣлъ себя тяготить, то и началъ Дворъ посѣщать рѣже. Но Діонъ простирался далѣе. Онъ осмѣлился упрекать Діонисію въ его тайной дружбѣ съ прекрасною Бакханкою и напоминать ему о его обязательствахъ съ такою важно-

стію, которой мучитель никакЪ болѣе не могЪ сносить. Діонисій отвѣчалЪ ему гласомЪ Азіятскаго господаря; ДіонЪ утверждалЪ выговоренныя свои рѣчи сЪ гордостію недовольнаго человѣка, который себя довольно чувствуетЪ осмѣлиться отвѣчать угрозамЪ неистоваго мучителя. И хотя Діонисій былЪ тогда, когда уже онЪ намѣрялся своему свирѣпству послабить поводЪ, удержанЪ еще своимЪ осторожнымЪ ФилистомЪ; однако вЪ такихЪ обстоятельствахЪ, вЪ какихЪ находился обиженный ДіонЪ, надлежало предпріять скорое рѣшеніе. Самая малѣйшая отсрочка была опасна; но не менѣе было опасно возымѣть прибѣжище кЪ открытому насилію. И такЪ рѣшено, дабы свободиться отЪ сего безпокойнаго и гордаго патріота, который, казалося, вознамѣрился дойти до крайности, взять тай-

ко его подъ стражу. Діонъ вдругъ изчезъ; а чрезъ нѣсколько дней Діонисій обнародовалъ, что онъ, открывши заговоръ противъ своея особы и противу спокойствія государства, въ коемъ Діонъ тайно работалъ, былъ принужденъ противу его и своего желанія удалить его на нѣсколько времяни изъ Сициліи. Сіе и дѣйствительно сбылось, что Діонъ, будучи взятъ нечаянно подъ стражу, подъ крѣпкимъ карауломъ препровожденъ былъ на корабль и въ Италіи высаженъ былъ на твердую землю. А дабы придать сему выдуманному заговору нѣкоторый видъ правдоподобія, то были многіе друзья Діона, а еще большее число сообщниковъ Филиста, кои противу сего государя говорить подкуплены были, взяты подъ караулъ. Ничто не было упущено, что могло подать суду его видъ точнѣйшаго наблюденія

денія правосудія; и сперва, по убѣжденіи его сказками премножества подкупленныхъ свидѣтелей, ссылка его приведена была въ формальный приговоръ, и ему подъ смертною казнію запрещено безъ особливаго позволенія Діонисія вступать въ Сицилію. Тираннъ притворился, будто онъ сіе мнѣніе противу желанія, а единственно по старанію о спокойствіи государства, принужденно подписываетъ. А чтобы доказать всему свѣту, сколь охотно желаетъ онъ пощадить такому Принцу, къ которому онъ всегда особенное имѣлъ почтеніе, перемѣнилъ онъ наказаніе описанія всѣхъ его имѣній въ простое удержаніе его доходовъ. Но никто не обманулся сими видами благоволенія и милостей со стороны Діонисія, когда вскорѣ послѣ того узнали, что онъ сестру свою, супругу Діона, принудилъ сдѣлаться возмѣздіемъ

емъ недостойному Тимократу. При сей неожидаемой перемѣнѣ Платонъ игралъ весьма униженную роль при Дворѣ. Хотя Діонисій всегда желалъ удивляться знанію его и краснорѣчію; но довѣренность философа столько упала, что ему ни единожды не позволилось защитить вольность своего друга. Онъ ежедневно, какъ и прежде, приглашаемъ былъ къ столу; но только для того, чтобы собственными ушами слышать, какимъ образомъ положенія его философіи, добродѣтель и все достойное здраваго разума, дѣлалось предметомъ легкомысленныхъ шутокъ, кои весьма часто не менѣе оскорбляли самую остроту, какъ и нравы. А дабы отнять у него всѣ случаи противныя впечатлѣнія, кои Сиракузанцамъ противу Діона внушены были, паки загладить, приставленъ былъ къ нему подъ видомъ особливаго

почтенія карауль, который бы за нимъ примѣчалъ, какъ за государственнымъ плѣнникомъ, и содержалъ взаперти. Философъ ту часть своея души, которой онъ показалъ свое пребываніе между грудью и перепонкою, не совсѣмъ еще обуздалъ столько, чтобы его сей поступокъ мучительскій не могъ огорчить. Онъ началъ какъ вольнородный Аѳинянинъ говорить, и требовалъ позволенія о выпускѣ. Діонисій притворился изумленнымъ при семъ его желаніи и казался все употреблять для удержанія столь важнаго друга при своемъ Дворѣ. Онъ предлагалъ ему первое мѣсто въ своемъ государствѣ и (естьли иначе Плутархъ не слишкомъ сказалъ) всѣ свои сокровища съ такимъ договоромъ, естьли онъ обяжется его никогда не оставить. Но приложенное условіе доказывало, сколь мало ожидали, чтобы сіи блестящія при-

приношенія были приняты. Ибо требовалось, чтобы онъ жертвовалъ тиранну дружбою своею къ Діону. Платонъ понялъ сокровенный смыслъ сего требованія. И такъ стоялъ онъ въ прошеніи себѣ отпуска, и наконецъ его получилъ, давши отъ себя обѣщаніе вспять возвратиться въ Сиракузы, какъ скоро война, которую Діонисій намѣрялся начать съ Карѳагою, окончится. Тираннъ почиталъ себѣ за весьма важное дѣло увѣрить весь свѣтъ, что они разлучились между собою какъ лучшіе друзья; а съ другой стороны Платоново честолюбіе (естьли позволено предположить такую страсть въ философѣ) нашло свое оправданіе въ томъ, какъ будто бы онъ желаетъ приложить стараніе изцѣлить свѣтъ отъ сего мнѣнія. Онъ отправляется только для того, говорилъ онъ, дабы паки сдѣлать друзьями Діона и Діо-

Діонисія. Тираннъ показывалъ, что сіе примиреніе ему не ненравится; а въ доказательство добраго своего мнѣнія отрѣшилъ онъ удержаніе, наложенное на доходы Діоновы. Платонъ напротивъ того поручился за своего друга, что онъ ничего противнаго не предприметъ противу Діонисія. Разлука представляла столь плачевное зрѣлище, что зрители (кромѣ немногихъ знавшихъ лице подъ личиною и придворный языкъ) весьма тронуты были добросердечіемъ и чувствительностію государя къ своему другу. Онъ простеръ притворство свое до того, что проводилъ его до опредѣленной къ препровожденію его въ Аѳины галеры, почти удушилъ его объятіями, омочилъ почтенныя его ланиты слезами, и провожалъ его глазами столь долго, пока онъ скрылся изъ виду. Такимъ образомъ разлучились Монархъ

и философѣ оба съ равнымъ удовольствіемъ; Платонъ возвратился въ свою возлюбленную Академію, а Діонисій пошелъ забывать своего мудраго въ объятіяхъ своея танцовщицы.

Глава седмая.

Весьма достойный примѣчанія разговоръ Филиста. Къ чему можетъ употребить великій человѣкъ философа и остроумнаго. Діонисій заводитъ академію хорошихъ духовъ.

Мучитель сей, коего естественное тщеславіе отъ разговоровъ Аѳинскаго мудреца прельстилось на сильное славожеланіе, между прочими слабостями забралъ къ себѣ въ голову прослыть покровителемъ наукъ и художествъ, другомъ ученыхъ, а что еще всего больше, однимъ изъ изящныхъ

своего вѣка духовъ. Онъ весьма о томъ безпокоился, чтобы Платонъ и Діонъ не лишили его у Грековъ (коимъ онъ преимущественно желалъ нравиться) хорошаго мнѣнія, которое начали уже имѣть о его знаніи; и сей страхъ, кажется, былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ его оказать столько знаковъ дружества философу при разставаніи. Онъ тѣмъ не удовольствовался. Филистъ говорилъ ему, что Греція премножество питаетъ разсудительныхъ праздношатающихся, кои столько же знамениты, какъ и Платонъ, а можетъ быть частію гораздо способнѣе забавлять государя при его столѣ, или въ пропадшія минуты, нежели сей человѣкъ, который имѣлъ слабость и захотѣлъ смѣшнѣйшимъ образомъ соединить почтенность Египетскаго мудреца съ изящнымъ вертопрашествомъ при-

придворнаго человѣка. Онъ доказывалъ ему примѣрами собственныхъ своихъ предковъ, что государь не можетъ дешевле заслужить себѣ славу несравненнаго правителя, какъ только когда принимаетъ подъ свое покровительство философовъ и стихотворцевъ. Они такіе люди, кои за честь быть допущену къ его столу, или за умѣренное содержаніе готовы всѣ свои дарованія расточить безъ мѣры и цѣли къ его славѣ и къ споспѣшествованію его намѣреній. Вѣримъ мы, сказалъ онъ, что Гіеронъ былъ чудотворительный мужъ, ирой, полубогъ, образецъ всѣхъ княжескихъ, гражданскихъ и домашнихъ добродѣтелей. Мы знаемъ, что мы должны о семъ думать. Онъ былъ то, что всѣ государи, и жилъ такъ, какъ всѣ они живутъ. Онъ дѣлалъ то, чтобы я и каждый другой сдѣлалъ, когда бы мы рож-

дены были въ неограниченные государи столь прекраснаго острова, какова Сицилія. Но онъ имѣлъ благоразуміе держать при своемъ дворѣ Симонида и Пиндара. Они хвалили его наперерывъ, поколику они были хорошо кормлены и плачено имъ изрядно. Весь свѣтъ превозносилъ щедроту государя; однако слава сія и въ половину не стояла ему того, во сколько станетъ ему свора охотныхъ собакъ. Кто бы пожелалъ быть Царемъ, естьли бы Царь все то дѣйствительно долженствовалъ дѣлать, что праздный Софистъ на своемъ одрѣ, или Діогенъ въ своей бочкѣ вздумаетъ сдѣлать ему должностію? Кто бы возхотѣлъ правительствовать, естьли бы правитель долженствовалъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и желаніямъ своихъ подданныхъ? Большая часть, естьли не все, зависитъ отъ мнѣнія,

которое великій государь возбуждаетъ о себѣ, не только отъ самыхъ его дѣйствій, но и отъ вида и обращенія, которое онъ имъ умѣетъ дать. Чего онъ самъ не хочетъ, или не въ состояніи сдѣлать, то могутъ за него отправить остроумныя головы. Держите у себя философа, который все доказываетъ, говоруна, который надъ всемъ шутитъ, и стихотворца, который на все можетъ сочинить стихи. Польза, которую вы отъ сея маленькой издержки получите, хотя не скоро вамъ будетъ примѣтна; хотя по себѣ уже довольно выгоды почитаться покровителемъ Музъ; ибо сіе есть въ глазахъ девяноста девяти частей человѣческаго рода несомнѣннымъ доказательствомъ, что государь самъ есть человѣкъ великой прозорливости и знанія. А сіе мнѣніе возбуждаетъ довѣренность и милостивое предразсужденіе для всего,

 что

что онъ ни предпринимаетъ. Но сіе самая малѣйшая польза, которую они получаютъ отъ своихъ остроумныхъ нахлѣбниковъ. Положимъ мы случай, что надобно необходимо наложить новую подать. Надобно ли что сего больше для возбужденія въ мигъ общаго негодованія противу вашего правленія? Недовольные (такой родъ людей, который самое благоразумнѣйшее правленіе никогда совсѣмъ изкоренить не можетъ) пользуются такою епохою. Они приводятъ народъ въ возмущеніе, разыскиваютъ поведеніе государя, управленіе его доходовъ и тысячу подобныхъ вещей, о коихъ прежде никто не помышлялъ. Безпокойство приращается; народные представляшели собираются; подаютъ двору представленіе; одинъ заговоръ послѣ другаго; непримѣтно прозбы превращаются въ требованія, а требованія

нія подкрѣпляются почтительными угрозами. Однимъ словомъ, спокойствіе ихъ жизни погибло по крайней мѣрѣ на нѣсколько времяни. Они находятся въ критическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ самая малѣйшая ошибка можетъ имѣть по себѣ самыя худшія слѣдствія, и только потребенъ Діонъ, который бы въ такое время сдѣлался у недовольнаго народа главою, то уже имѣемъ мы бунтъ во всемъ своемъ величествѣ. Здѣсь показывается истинная польза нашихъ остроумныхъ головъ. Чрезъ ихъ взпоможеніе можемъ мы въ нѣсколько дней предупредить всѣ сіи напасти. Заставимъ мы философа доказывать, что подать сія для благосостоянія общаго блага необходима. Шутъ пускай разноситъ по городу какую нибудь смѣшную притчу, или какую веселую придворную хитрость, или

злобную сказочку; а стихотворецъ пусть сочинитъ въ самой скорости новую комедію и пѣсенки двѣ-три, чтобы было что посмотрѣть и попѣть простому народу. И такъ все останется въ покоѣ. А между тѣмъ, какъ стихотворческіе праздношатающіеся будутъ между собою ссориться о томъ, хорошо или дурно умствовалъ философъ, между тѣмъ, какъ маленькая и досадная анекдота и новая комедія остроту всѣхъ хорошихъ сообществъ займетъ; то народъ сквозь зубовъ проворчитъ пару другую заклинаній, настроитъ свои пѣсни, и -- заплатитъ. Такія заслуги, кажется мнѣ, стоятъ того, чтобы содержать нѣсколько человѣкъ, полагающихъ все свое честолюбіе въ томъ, чтобы сопрягать между собою слова красиво, щитать слоги, щекотать слухъ и потрясти легкимъ такихъ людей, ко-

коихъ крайнія желанія изполнены, естьли имъ столько дается, сколько имъ нужно, чтобъ по свѣту, на который они очень мало дѣлаютъ требованій, бродить безпечно и ничего не дѣлать, какъ только, что червь въ головѣ, который они называютъ своимъ духомъ, дѣлаетъ имъ величайшимъ въ ихъ жизни удовольствіемъ.

Діонисій нашелъ сей совѣтъ своего достойнаго министра совершенно по своему вкусу. Филистъ представилъ ему реэстръ больше, нежели о двадцати кандидатахъ, изъ коихъ, какъ онъ говорилъ, могъ онъ выбрать по произволенію. Государь подумалъ, что таковыхъ полезныхъ людей не льзя не имѣть довольнаго числа, и избралъ всѣхъ. Всѣ сіи изящные духи Греціи были приглашены чрезъ ослѣпительныя обѣщанія къ его Двору. Въ скоромъ

 вре-

времяни закишело въ его переднихъ философами и жрецами Музъ. Всякаго рода стихотворцы, Епическіе, Трагическіе, Комическіе и Лирическіе, которые не могли сдѣлать щастія своего въ Аѳинахъ, перебрались въ Сиракузы настроивать свои лиры и свирѣли на пріятныхъ цвѣтами изпещренныхъ берегахъ Анаписа и -- наѣдаться досыта. Они думали, что имъ позволится слишкомъ возпѣвать добродѣтели Діонисія, а особливо когда божественный Пиндаръ не стыдился своими стихами приписывать безсмертіе осламъ Царя Гіерона. Да и самый Сократическій Антисѳенъ приманился надеждою, что щедрость сего новаго Музагета приведетъ его въ состояніе учиться преимуществамъ добровольной бѣдности и воздержанія съ тѣмъ большимъ спокойствіемъ; добродѣтелямъ, о коихъ изящности (по тайному признатель-

тельству ея усерднѣйшихъ похвалятелей) послѣ хорошаго кушанья говорить можно гораздо красноречивѣе. Коротко, Діонисій имѣлъ удовольствіе основать себѣ посредѣ своего Двора славную Академію во всякомъ родѣ знаній для своего собственнаго тѣла, которой начальникомъ и Аполлономъ онъ самъ быть удостоилъ, и въ которой о правосудіи, о предѣлахъ добра и зла, о началѣ законовъ, о изящномъ, о естествѣ души, міра и боговъ, и о другихъ такихъ предметахъ, кои по обыкновеннымъ понятіямъ свѣтскихъ людей ни къ чему иному, какъ только къ обращенію пристали, споримо было съ толикимъ враньемъ, съ толикою тонкостію и съ столь малымъ здравымъ человѣческимъ разумомъ, что ни въ какомъ последнемъ училищѣ нынѣшнихъ времянъ не случится. Онъ имѣлъ удовольствіе слышать, что ему

уди-

удивлялись и за многія добродѣтели и геройскія свойства превозносили похвалами, коихъ онъ самъ себѣ никогда не надѣялся. Философы его были не изъ тѣхъ людей, кои бы (какъ Платонъ) принялись его наставлять и научать, какимъ образомъ управлять сперва самимъ собою, а по томъ своимъ народомъ. Самый строгій изъ нихъ былъ столько учтивъ, что не хотѣлъ ничего похулить въ родѣ его жизни, и всѣ были готовы каждому сомнящемуся доказывать съ ясностію, подобною солнцу, что государь, который платилъ столь щедро за посвященія и похвальные стихи, былъ столько гостепріимчивъ, и своихъ вѣрныхъ подданныхъ облагополучилъ великолѣпіемъ толикихъ праздниковъ и зрѣлищъ, долженъ быть достойнѣйшій между всѣми царями.

Вѣ таковыхѣ обстоятельствахѣ находился Дворѣ Сиракузскій, когда ирой нашей исторіи прибылѣ вѣ сей городѣ; и такого свойства былѣ государь, кѣ которому онѣ между совсѣмѣ другими предположеніями пришелѣ представить свои услуги и посвятить свои дарованія.

Глава осьмая.

Агатонѣ отыскиваетѣ старое знакомство. Образѣ Діонисія по правиламѣ господина Рейнолдса.

Агатонѣ узналѣ о главнѣйшихѣ приключеніяхѣ, составляющихѣ содержаніе предыдущей главы, на великомѣ пирѣ, данномѣ другомѣ его купцомѣ, праздновавшимѣ прибытіе свое вѣ Сиракузы торжественно. Единое имя такого гостя, какѣ Агатонѣ, о коемѣ

емъ долгое время столько добра и зла говорено было между Греками, привлекло на сіе пиршество между другими любопытными лицами и философа Аристиппа, такого мужа, который какъ по пріятности своего обхожденія и по великой милости, коею онъ наслаждался у Діонисія, принимаnъ былъ съ отличностію въ лучшихъ домахъ по Сиракузамъ. Сей философъ съ прочими изящными умами прибылъ въ Сиракузы больше для того, чтобы играть тамъ роль внимательнаго зрителя; а не въ томъ намѣреніи, чтобы увеличить число льстецовъ Діонисіевыхъ и подлою хитростію въ угодность своимъ собственнымъ нуждамъ наложить нѣкоторый родъ дани на смѣшное тщеславіе тиранна. Агатонъ и Аристиппъ знали другъ друга въ Аѳинахъ. Но тогда возторженіе перваго столько спорилось съ холодною

кро-

кровію и своенравнымъ образомъ философствованія втораго, что они другъ друга истинно не могли высокопочитать; хотя Аристиппъ весьма часто присутствовалъ въ собраніяхъ, кои тогда Агатоновъ домъ дѣлали Академіею лучшихъ умовъ по Аѳинамъ. Это была правда, что Агатонъ со всѣми своими блестящими свойствами въ глазахъ Аристиппа казался только сумазброднымъ; а Аристиппъ со всею своею остротою по мнѣніямъ Агатона былъ только простый Софистъ, котораго правила были способнѣе къ большему обезсиливанію слабой души Сибаритянина, нежели къ содѣланію молодыхъ республиканцовъ добродѣтельными мужами. Впечатлѣніе, оставшееся у обоихъ отъ сего предпріятаго прежде другъ о другѣ мнѣнія, привело ихъ въ изумленіе, когда они по трехъ или четырехлѣтнемъ разлученіи

паки

паки столь нечаянно увидѣлись. Это надлежитъ быть Агатону — это надлежитъ быть Аристиппу, думалъ каждый самъ съ собою, и былъ убѣжденъ, что онъ не ошибается; однако не безъ труда было повѣрить собственному своему убѣжденію. Аристиппъ искалъ въ Агатонѣ умоизступленнаго, который не былъ больше таковымъ; а Агатонъ не надѣялся больше найти въ Аристиппѣ Сибаритнина; можетъ быть по тому, что его собственный образъ лица и вещи понимать навзглядъ съ нѣкотораго времяни претерпѣлъ примѣтную перемѣну. Обращеніе нѣсколькихъ часовъ рѣшило обоимъ загадку ихъ начальнаго заблужденія, разсыпало остатокъ стараго предразсужденія, и вдохнуло въ нихъ склонность сдѣлаться лучшими друзьями. Нечувствительно напоминалъ одинъ другому, что они другъ другу нѣкогда

гда менѣе нравились, и сердце ихъ возлюбило маленькое самообманство то, что они теперь взаимно ощущали, почесть за единое возобновленіе стараго дружества. Аристиппъ нашелъ въ нашемъ ироѣ пріятность, умѣренность, учтивость и ласковость, которая ему казалась доказывать, что опыты больше, нежели одного рода, подѣйствовали великую перемѣну въ его духѣ. Агатонъ съ своея стороны видѣлъ въ философѣ Киренскомъ нѣчто большее, нежели единую остроту, онъ примѣтилъ въ немъ наблюдательный духъ, здравый образъ размышленія и точное разсужденіе, кои заставляли признавать его за истиннаго ученика мудраго Сократа. Открытія сіи внушили въ нихъ естественно взаимную довѣренность, которая сдѣлала ихъ склонными одному отъ другаго меньше таиться, нежели какъ обык-

обыкновенно дѣлается при первомъ собраніи. Агатонъ показалъ новому своему другу удивленіе, что надежды, коими Сицилійцы питались отъ довѣренности Платоновой у Діонисія, столь нечаянно и столь непостижимымъ образомъ изчезли. Въ самомъ дѣлѣ все, что о семъ въ городѣ ни знато, состояло въ однихъ догадкахъ, основанныхъ отчасти на всякихъ ненадежныхъ вѣстяхъ, кои обыкновенно въ городахъ, гдѣ бываетъ Дворъ, отъ праздныхъ людей, желающихъ показать себя, будто бы они о тайнахъ и о ковахъ кабинетскихъ имѣютъ совершенное свѣденіе, изъ одного общества разносятся въ другое. Аристиппъ во время краткаго пребыванія своего при Діонисіевомъ Дворѣ столь хорошо узналъ слабую сторону сего государя, свойство его любимцовъ, знатнѣйшихъ особъ по городу и вообще самыхъ Сициліянцовъ, что

онъ,

онъ, не пускаясь въ обнаруженіе тайныхъ побужденій (съ коими уже мы читателей нашихъ познакомили) удобно могъ убѣдить Агатона, что безпристрастный зритель отъ предпріятій Діона и Платона склонить Діонисія къ добровольному сложенію Монаршей власти никакого благополучнаго слѣдствія надѣяться не могъ. Онъ представилъ ему тиранна съ самой лучшей его стороны такимъ государемъ, „въ коемъ наинеща-„стнѣйшее возпитаніе не совсѣмъ „могло превозходное природное да-„рованіе изтребить. Онъ отъ при-„роды человѣколюбивъ, благоро-„денъ, щедръ, а при томъ столько „способенъ къ управленію, что, „дабы содѣлать изъ него лучшаго „государя, надлежитъ поручить „его въ хорошія руки. По его „мнѣнію, самое сіе подвижное свой-„ство и склонность къ услажде-„ніямъ чувствъ была недоста-

„ точная сторона сего государя.
„ Платону надлежало разумѣть
„ искуство употребить хитрымъ
„ образомъ слабости сіи въ поль-
„ зу своихъ намѣреній. Но сіе
„ искуство требовало нѣкоторой
„ гибкости, потворства и удер-
„ жанія, къ коимъ сочинитель
„ Кратила и Тимея никогда не
„ былъ бы способенъ. Сверьхъ то-
„ го ясно далъ знать, что онъ
„ прибылъ сдѣлаться учителемъ
„ государя; а это такое обсто-
„ ятельство, которое уже един-
„ ственно по себѣ все долженство-
„ вало изпортить. Чѣмъ больше
„ государи имѣютъ слабостей, то
„ тѣмъ тщательнѣе надлежитъ
„ скрывать, что ты видишъ да-
„ лѣе ихъ. Они бы почли себѣ за
„ стыдъ допустить управлять
„ собою самымъ великимъ раз-
„ умомъ на свѣтѣ, какъ скоро
„ повѣрятъ, что онъ ими управ-
„ лять намѣренъ. Оттуда про-

„ изхо-

„ изходитъ, что они охотнѣе „ подвергаются поносному господ- „ ствованію комнатнаго слуги, или „ наложницы, кои обладаютъ хи- „ тростями и умѣютъ скрывать „ власть свою надъ духомъ госу- „ даря подъ невольническими ла- „ скательствами, или коварными „ похвалами. Платонъ былъ о- „ строуменъ въ министры къ толь „ молодому государю, а въ лю- „ бимцы слишкомъ старъ. При „ томъ вредило ему довѣренное „ его дружество съ Діономъ, по- „ давая тайнымъ его непріяте- „ лямъ всегдашній случай дѣлать „ его у государя подозрительнымъ. „ Наконецъ помыслъ основать „ изъ Сициліи Платоническую рес- „ публику самъ по себѣ никуда „ не годился. Національный духъ „ Сициліянцовъ есть составленіе „ изъ столь худыхъ свойствъ, „ что, по его мнѣнію, самому му- „ дрому законодателю невозмож-

„ но было сдѣлать изъ нихъ до-
„ бродѣтельныхъ республиканцовъ,
„ и Діонисій, который бы подъ
„ нѣкоими обстоятельствами могъ
„ сдѣлаться можетъ быть доб-
„ рымъ государемъ, но былъ бы
„ всегда, хотя бы онъ по минут-
„ ной кипливости мнимаго вели-
„ кодушія и склонился пресѣчь
„ тиранство, весьма мудрымъ гра-
„ жданиномъ. Сихъ общихъ при-
„ чинъ (*какія бы впрочемъ ни бы-*
„ ли истинныя побужденія ссылки
„ Діоновой и немилости, или по
„ крайней мѣрѣ удаленія Плато-
„ нова) довольно ко вразумленію,
„ что сіе не могло иначе быть.
„ Но онъ также доказали, (при-
молвилъ Аристиппъ съ притвор-
нымъ равнодушіемъ) „ что дру-
„ гой, который бы умѣлъ возполь-
„ зоваться погрѣшностями сихъ
„ предшественниковъ, могъ бы у-
„ добно притѣснить и удалить
„ отъ Двора недостойныхъ лю-

„ бим-

„бимцевъ, кои паки основались
„во владѣніи довѣренности и вла-
„сти надъ государемъ.„

Агатонъ нашелъ мысли сіи новаго своего друга столько вѣроятными, что никакъ не усомнился принять ихъ за истинныя. Здѣсь-то самолюбіе сыграло съ нимъ маленькую шутку, которой онъ никакъ отъ него не надѣялся. Оно внушало ему (столь тихо, что онъ вдохновеніе его почелъ можетъ быть за гласъ своего духа, или самой добродѣтели) такую мысль: какъ бы хорошо было, естьли бы Агатонъ предпріятое тщетно Платономъ могъ произвести въ дѣйство! По крайней мѣрѣ казалось ему хорошимъ сдѣлать покушеніе; и онъ ощущалъ во внутренности своей нѣкоторый родъ тайнаго предчувствія, что такое предпріятіе не превзошло бы его силы. Чувствованія сіи (ибо мы-

 слей

слей еще онъ не имѣлъ) возвышались въ душѣ его во время разговора къ нему Аристиппова. Но онъ остерегался, чтобы онъ ни чуть сего не примѣтилъ, и склонилъ, дабы не подвергнуться непримѣтно вывѣданію столь хитраго придворнаго, разговоръ на другіе предметы. Вообще онъ убѣгалъ всего, что могло обратить на него особливое вниманіе, съ тѣмъ большимъ стараніемъ, когда примѣтилъ, что ожидали найти въ немъ чрезвычайнаго мужа. Онъ разговаривалъ весьма скромно и столько, сколько необходимо случай требовалъ, о участіи, которое онъ имѣлъ въ управленіи публичномъ въ Аѳинахъ. Не показывая примѣтнаго принужденія, онъ пропускалъ прямо всѣ случаи, кои ему отъ нѣкоторыхъ добрымъ порядкомъ (какъ они по крайней мѣрѣ думали) подаваемы были сказать свои мысли о вещахъ до пра-

правленія касающихся, а особливо о Сиракузанскихъ дѣлахъ. Онъ говорилъ обо всемъ какъ обыкновенный человѣкъ и довольствовался при случаѣ показать, что онъ знатокъ во всѣхъ матеріяхъ вкуса и изящности, хотя онъ представлялъ себя только простымъ оныхъ любителемъ. Поступокъ сей, которымъ хотѣлъ онъ отвратить отъ себя всякое подозрѣніе особливыхъ намѣреній, возымѣлъ такое дѣйствіе, что большая часть гостей, пришедшихъ съ изполненнымъ ожиданія предразсужденіемъ, которое они къ нему имѣли, почитали себя обманутыми. Они разсуждали: Агатонъ въ близи ничего такого не имѣетъ, что слава его обѣщала; и въ отмщеніе за то, что онъ не былъ такимъ, какимъ ему въ угодность ихъ воображенію надлежало быть, приписали ему нѣкоторые недостатки, коихъ онъ не

 имѣлъ,

имѣлъ, и уменьшали цѣну хорошихъ свойствъ, кои онъ или не могъ, или не хотѣлъ отъ нихъ скрывать. Обыкновенный маленькихъ душъ поступокъ, коимъ они стараются другъ друга подкрѣплять въ утѣшительномъ мнѣніи, что нѣтъ столь великой разности, или можетъ быть и никакой, между ими и Агатономъ! — И кто будетъ столь несправедливъ, чтобы сіе вмѣнить имъ въ порокъ?

Глава девятая.

Преждевременныя постановленія нашего ироя. Свойство Аристиппа.

Какъ скоро мужъ нашъ увидѣлъ себя наединѣ, то вдался разсужденіямъ, кои въ настоящемъ его положеніи были естественнѣйшія. Услышавъ, что Платонъ удалился и Діонисій вступилъ

пилъ паки въ прежній свой видъ, было первыми его мыслями Сиракузы опять оставить и переѣхать въ Италію, гдѣ онъ разныя имѣлъ причины ожидать въ домѣ славнаго Архита Тарентинскаго хорошаго пріема. Но разговоръ съ Аристиппомъ привелъ его опять на другія мысли. Чѣмъ болѣе разсуждалъ онъ о томъ, что ему сей философъ разсказывалъ о причинахъ происшедшей перемѣны при Дворѣ Діонисіевомъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ въ себѣ ободренія схватиться за великое дѣло, оставленное Платономъ, съ другой стороны и, какъ онъ надѣялся, съ лучшею удачею. Колеблемъ будучи тысячею различныхъ мыслей, препроводилъ онъ большую часть ночи между рѣшимостію и неизвѣстностію, пока наконецъ самъ съ собою согласясь, вознамѣрился дожидаться, къ чему опредѣлятъ его обстоятельства.

ства.

ства. Между тѣмъ однако дѣлалъ онъ себѣ начертаніе управленія, въ случаѣ, естьли Діонисій захочетъ привлечь его къ своему Двору. Онъ представилъ премножество случаевъ, могущихъ встрѣтиться, и въ то же время самъ съ собою положилъ твердыя мѣры, по коимъ бы въ каждомъ изъ оныхъ поступать. Точнѣйшее сопряженіе благоразумія съ честностію было основаніемъ его начертанія. Собственная его выгода не входила при томъ ни въ какое разсужденіе. Онъ не хотѣлъ допускать оковывать себя никакими узами, но удерживать всегда вольность, удалиться съ честію, какъ скоро примѣтитъ, что онъ работаетъ тщетно. Сіе было единымъ побужденіемъ, которое влекло его бросить взглядъ на самого себя въ семъ великомъ дѣлѣ. Живое отвращеніе ко всѣмъ народнымъ образамъ правленія,

о-

оставшееся въ немъ отъ его прежнихъ опытовъ, не допустило его о томъ помыслить взпомоществовать Сициліянцамъ въ вольности, почитаемой имъ за пустое имя, подъ защитою котораго благородные въ народѣ и чернь другъ друга взаимно мучатъ еще жесточае какого нибудь единаго тиранна. Ибо каковъ бы сей послѣдній неистовъ ни былъ, то по меньшей мѣрѣ удерживать будетъ его собственная выгода изнурять наповалъ своихъ невольниковъ; напротивъ того народъ, присвоя единожды къ себѣ власть, не способенъ положить никакихъ границъ своимъ стремительнымъ и дикимъ движеніямъ. Разсужденіе сіе клонилось хотя только на Демократію; но Агатонъ не лучшее имѣлъ мнѣніе и о Аристократіи. Безконечная чреда худыхъ Монарховъ казалась ему чѣмъ-то такимъ, чего нѣтъ въ природѣ; а единаго доб-

добраго государя было (по его предположенію) довольно утвердить благоденствіе своего народа на цѣлые вѣки. Напротивъ того думалъ онъ, что Аристократія не можетъ иначе положить продолжительнаго основанія, какъ чрезъ совершенное притѣсненіе народа, и по сей-то уже единой причинѣ она есть самая худшая изъ всѣхъ возможныхъ узаконеній. Будучи столько предупрежденъ противу сихъ обоихъ образовъ правленія, не могъ онъ на то попасть, чтобы ихъ вмѣстѣ смѣшать и чрезъ дѣйствіе политической химіи изъ столь противныхъ вещей произвести хорошее смѣшеніе. Такое узаконеніе казалось ему весьма запутаннымъ и составленнымъ изъ многихъ тяжестей и колесъ, чтобы всякую минуту не впасть въ безпорядокъ и себя самого мало по малу не уничтожить. И такъ Монархи-

че-

ческое правленіе казалось ему, разсуждено будучи со всѣхъ сторонъ, простѣйшимъ, благороднѣйшимъ и сравненію великой системы свѣта сразмѣрнѣйшимъ образомъ управлять людьми. Предположа сіе, думалъ онъ все сдѣлать, естьли ему между добродѣтелію и порокомъ зыблющагося государя удастся изторгнуть изъ рукъ худыхъ совѣтниковъ и благоразумнымъ употребленіемъ власти, которую онъ надѣялся получить надъ его духомъ, поправить образъ размышленія его и вдохнуть въ него благороднѣйшія чувствованія. Ибо онъ думалъ еще всегда изрядно о человѣческой природѣ и не могъ отчаяваться сдѣлать его чувствительнымъ на семъ пути непримѣтно къ собственнымъ прелестямъ добродѣтели. Да положимъ, что ему бы въ этомъ удалось несовершеннымъ образомъ; однако онъ надѣялся, естьли онъ единожды

жды только овладѣетъ его сердцемъ, всегда въ состояніи быть сдѣлать много добра и многому злу возпрепятствовать; и сего казалось ему довольно, дабы при заключеніи зрѣлища съ наградительною мыслію за изрядное играніе хорошей роли сойти съ театра. Въ сихъ усладительныхъ мысляхъ заснулъ Агатонъ наконецъ, и еще спалъ, какъ Аристиппъ пришелъ его приглашать имянемъ *Діонисія* къ его Двору и ввести къ сему государю.

Свойство, приписываемое нами сему философу въ настоящей повѣсти, столь мало согласно съ общимъ предразсужденіемъ, противу его принятымъ, сколько сіе самое предразсужденіе съ подлиннѣйшими извѣстіями, дошедшими до насъ о его жизни и о его мнѣніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что худое мнѣніе, которое вообще

обще имѣютъ о Аристиппѣ, основывается больше на неуразумѣніи его положеній и нѣкоторыхъ соблазнительныхъ сказокъ, кои Діогенъ Лаерцій и Аѳиней (два ненадежные скропщика на свѣтѣ) разсказываютъ его непріятелямъ, нежели на чемъ другомъ, что бы могло по справедливости лишить его нашего высокопочитанія. Во всѣ времяна были такіе люди, которые добродѣтельны только въ своихъ писаніяхъ; люди, которые развращенность своего сердца хотятъ прикрыть привязанностію къ строжайшимъ положеніямъ въ нравоученіи, которые даютъ себѣ видъ чрезвычайной нѣжности ушей въ нравоучительныхъ вещахъ, и отъ единаго звука слова роскошь съ набожнымъ отвращеніемъ бѣгутъ; однимъ словомъ, такіе люди, которыхъ бы каждый презрѣлъ, естьли бы большая часть человѣческаго рода не осуж-

 де-

дена была обманываться личинами, видами, поступками, измѣненіями голоса, лживыми глазами и цвѣтомъ одѣянія. Стараніемъ сихъ превозходныхъ людей честный Аристиппъ прослылъ и тогда сластолюбцемъ, который требованія чувственныхъ побужденій положилъ основаніемъ своея философіи, а искуство услаждаться высочайшимъ благомъ.

Здѣсь не мѣсто доказывать несправедливость и неосновательность сего приговора, и не столько нужно упоминать объ одномъ изъ наипочетнѣйшихъ ученыхъ нашего времяни, который, не взирая на свое состояніе, возымѣлъ смѣлость отдать справедливость сему достойному ученику Сократову въ своей критической исторіи о философіи.

И такъ не безпокояся о положеніяхъ Аристиппа, довольно намъ

намъ сказать о его свойствѣ столько, сколько надлежитъ знать, чтобы быть въ состоянiи разсуждать здраво о лицѣ, которое онъ представлялъ при Дворѣ Дiонисiевомъ. Между всѣми объявленными мудрецами, находившимися тогда при семъ Дворѣ, былъ онъ одинъ, который никакихъ тайныхъ намѣренiй не имѣлъ на щедроту государя; хотя онъ ни мало не сомнѣвался принимать отъ него подарки, кои онъ доставалъ отъ него не ненавистною подлостiю. Сколько чрезъ свой естественный образъ разсужденiя, столько же и чрезъ свою въ самомъ дѣлѣ довольно спокойную философiю, равно чуждъ будучи отъ честолюбiя и сребролюбiя, пользовался онъ своимъ довольнымъ наслѣдствомъ (которое онъ при случаѣ чрезъ позволенное преимущество, получаемое отъ своихъ дарованiй, умѣлъ умножать)

по своей склонности, чтобы на зрѣлищѣ свѣта представлять больше зрителя, нежели дѣйственника. Будучи однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времяни, возпользовался сею вольностію, которую онъ чрезъ всю свою жизнь сохранялъ, и чрезъ нее нашелъ случай снискать степень проницанія, содѣлавшій его строгимъ и здравымъ судіею всѣхъ предметовъ въ человѣческой *жизни*. Господствующу надъ своими страстями, кои отъ природы не были стремительны, свободну отъ всѣхъ родовъ попеченій и дѣлъ, не трудно ему было сохранять всегда сію ясность духа, сіе спокойствіе души и сію пріятность нравовъ, кои составляютъ основаніе свойства мудраго. Онъ препроводилъ свои прекраснѣйшія лѣта въ Аѳинахъ въ обхожденіи съ Сократомъ и съ знаменитыми мужами сего славнаго вѣка. Еврипиды и Аристо-

стофаны, Фидіи и Полигноты, и (сказать правду) также Фрины и Лаиды отворили его остроту, обнаружили въ немъ то нѣжное къ изящному чувствованіе, научившее его сопрягать бодрость Грацій съ важностію философіи. Ничто не превозходило пріятность его обращенія. Никто не умѣлъ противу его ввести премудрость подъ благопріятнымъ видомъ шутки и прекрасной веселости въ такія бесѣды, гдѣ бы она въ своемъ собственномъ видѣ конечно не была принята. Онъ обладалъ таинствомъ самымъ великимъ людямъ наинепріятнѣйшія истины съ помощію остроумной шутки, или забавнаго обращенія дѣлать сносными и отмщевать скучному роду дураковъ и вертопраховъ, коими Дворы тогдашнихъ государей были преизполнены, такою хитрою насмѣшкою, которую они,

будучи столько глупы, принимали съ благодарною усмѣшкою за снизхожденіе. Живность его духа и познаніе, которое онъ имѣлъ о всѣхъ родахъ изящнаго, дѣлали то, что никто его не превозходилъ тамъ, гдѣ касалось до изобрѣтенія остроумныхъ забавъ, до разпоряженія праздника, до украшенія дома, или до разсужденія о твореніяхъ стихотворцевъ, музикантовъ и рѣщиковъ. Онъ любилъ удовольствіе, по тому, что онъ любилъ хорошее; а по сему же побужденію онъ любилъ и добродѣтель. Но онъ долженствовалъ находить удовольствіе въ своемъ пути, и добродѣтель не долженствовала налагать на него никакихъ тягостныхъ и мучительныхъ должностей; ибо жертвовать своимъ спокойствіемъ добродѣтели, или ея должностямъ, было то, до чего не простиралась ни его любовь, ни его ревность.

Глав-

Главное его положеніе, которому онъ всегда вѣрнымъ оставался, было, что въ нашей состоитъ власти быть истинно щастливыми во всѣхъ обстоятельствахъ, выключая Фаларисова разженнаго вола; ибо какъ можно было сдѣлаться въ ономъ благополучнымъ, о томъ не могъ онъ себѣ никакого сдѣлать понятія. Онъ напередъ предположилъ, что душа и тѣло долженствовали быть здоровыми. Тогда зависитъ только въ томъ, чтобы умѣть располагать себя по обстоятельствамъ, вмѣсто того (какъ большая часть смертныхъ), чтобы требовать, дабы обстоятельства къ намъ приноравливались, или захотѣть причинять на сей конецъ имъ насиліе. Посредствомъ сея особливой гибкости могъ онъ заслужить многозначащую похвалу, которую ему Горацій приписываетъ, что ему всѣ цвѣты

и всѣ обстоятельства благосклоннаго или противнаго щастія равно хорошо пристали, или (какъ сказалъ о немъ Платонъ) ему одному дано, носить багряное платье и холстинный балахонъ съ одинаковымъ пристрастіемъ.

Сіе можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что Діонисій имѣлъ сію способность чувствованія цѣнить само по себѣ изящное, что онъ по всѣмъ симъ свойствамъ почиталъ Аристиппа гораздо выше всѣхъ прочихъ своего Двора ученыхъ. Онъ желалъ имѣть его почти всегда при себѣ, и часто хитрая шутка сего философа побуждала тирана къ содѣланію похвальныхъ дѣйствій, къ коимъ его прочіе педанты со всею своею діалектикою и искуснымъ краснорѣчіемъ не способны были никогда склонить.

Пред-

Предположа сіи характеристическія черты, не можно никакой другой, кажется намъ, привести вѣроятной причины, для чего Аристиппъ, какъ скоро свидѣлся съ нашимъ ироемъ въ Сиракузахъ, предпріялъ намѣреніе привести его въ милость у Діонисія, кромѣ сея, что онъ съ жадностію желалъ видѣть, что выдетъ изъ такого сопряженія, и какимъ образомъ поступитъ Агатонъ въ толь скользкомъ положеніи. Ибо для нѣкоторыхъ особливыхъ выгодъ для себя не могъ онъ въ семъ имѣть никакого намѣренія; а больше по тому, когда безъ всякаго посредника отъ него только самого зависѣло возпользоваться благоволеніемъ государя, который въ чрезмѣрности щедроты изъ суетнаго тщеславія былъ способенъ подарить доходы съ цѣлаго города ужеходцу, или гуслисту.

Но какъ бы то между тѣмъ ни было, однако Аристиппъ ни о чемъ больше не заботился, какъ доложить въ слѣдующее утро государю, которому онъ при его вставанiи обыкновенно прислуживалъ, о недавно прибывшемъ Агатонѣ, о коемъ сдѣлалъ столь преимущественное описанiе, что Дiонисiй возжелалъ узнать сего чрезвычайнаго человѣка лицомъ къ лицу. Аристиппъ получилъ приказанiе доставить его немедленно ко Двору, что онъ и изполнилъ, не давъ примѣтить нашему ирою, сколько онъ участвуетъ въ семъ дѣйствiи.

Глава десятая.

Агатонъ почиталъ толь скоро возпослѣдовавшее приглашенiе за доброе предзнаменованiе, и изполнилъ его безъ всякаго отриданiя. Онъ былъ принятъ Дiони-

нисіемъ съ отмѣнною учтивостію. При семъ случаѣ онъ узналъ вторично, что красота есть нѣмое себя препорученіе и одобреніе всѣмъ людямъ, глаза имѣющимъ. Великое его сходство съ Аполлономъ, бывшее для него непрерывнымъ източникомъ добра и зла, навлекшее на него гоненія Пиѳіи и склонность Аѳинцовъ, содѣлавшее его въ глазахъ Ѳракійскихъ Бакханокъ богомъ, а въ очахъ прекрасной Данаи наиприятнѣйшимъ изъ смертныхъ -- видъ сей, сей плѣняющій обликъ, сія съ достоинствомъ и благопристойностію по всему его лицу разливающаяся пріятность, собственная всѣмъ его движеніямъ и поступкамъ, взяли свое дѣйствіе и обратили къ нему при первомъ воззрѣніи общее всѣхъ удивленіе. Діонисій, который, яко Царь, весьма былъ доволенъ самъ собою, что совершенства особеннаго человѣка

ловѣка безъ короны могли вдохнуть въ него нѣкоторую ревность, отдался весь сладкому и пріятному впечатлѣнію, произведенному на него видомъ сего прекраснаго чужестранца. Философы надѣялись, что внутренность не будетъ отвѣчать столь многообѣщательной наружности; и сія надежда привела ихъ въ состояніе съ наморщиваніемъ носа, означающимъ малую цѣну, приписываемую таковому преимуществу, взаимно другъ другу шептать на ухо, что онъ -- пригожъ. Но придворные съ великимъ трудомъ могли скрывать свою досаду, что не находили въ немъ никакого недостатка, который бы ихъ при воззрѣніи на столь многія преимущества почелъ безвредными. По крайней мѣрѣ были таковыя примѣчанія холоднаго и спокойнаго Аристиппа при семъ случаѣ.

Ага-

Агатонъ въ своихъ рѣчахъ и во всемъ своемъ поведеніи оказалъ столько скромности и благоразумія сопряженнаго съ благородною вольностію и довѣренностію свѣтскаго человѣка, что Діонисій въ нѣсколько часовъ совсѣмъ имъ плѣнился. Извѣстно, сколько мало часто требуется понравиться великимъ людямъ, естьли намъ только благопріятствуетъ первая минута. И такъ Агатонъ долженствовалъ понравиться Діонисію, имѣвшему дѣйствительно вкусъ, необходимо больше всякаго другаго, кого онъ ни видалъ до него. Удовольствіе видѣть Агатона, разговаривать съ нимъ, долженствовало естественно возрастать по размѣрности обнаруженія отъ минуты до минуты преимуществъ и дарованій нашего ироя. Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ ихъ столько, что зависть придворныхъ, которая въ равной пропорціи часъ отъ часу возвышалась, нѣкоторымъ

рымЪ образомЪ была извинительна. Добрые люди много бы о самихЪ себѣ воображали, естьли бы они хотя одно вЪ такомЪ степени имѣли изЪ всѣхЪ тѣхЪ дарованій, кои зрѣли они соединенными вЪ одномЪ его лицѣ, однако составляли малѣйшую часть его достоинства. ОнЪ употребилЪ благоразуміе и скрылЪ свои основательнѣйшія свойства, и показывалЪ себя сЪ тоя только стороны, чрезЪ которую безопаснѣе привлечь можно почтеніе свѣтскихЪ людей. ОнЪ говорилЪ обо всемЪ сЪ симЪ вертопрашествомЪ остроты, которое скользитЪ только по предметамЪ; такое свойство, чрезЪ которое часто самые слабѣйшіе умы вЪ свѣтѣ умѣютЪ показать (по крайней мѣрѣ на нѣсколько времяни), что они имѣютЪ достоинство, разумЪ и проницательность. ОнЪ шутилЪ и разсказывалЪ сЪ пріятно-

ностію, открывалъ другимъ случай показать свои дарованія, и (что дѣлало честь возпитанію, полученному имъ отъ прекрасной Данаи) онъ удивлялся хорошимъ замысламъ, вырывающимся иногда у говорливаго Діонисія между премножествомъ сухихъ и холодныхъ шутокъ, съ толь тонкимъ и безпритворнымъ образомъ, безъ причиненія большаго насилія своему чистосердечію и своему вкусу, что сей государь безъ всякаго труда могъ убѣждать себя, что Агатонъ до безконечности былъ разуменъ.

Знатные люди обыкновенно имѣютъ любимую слабость, облегчающую средство къ сниканію входа въ ихъ сердце. Великій Танцай Шешіанскій (впрочемъ знатокъ преимуществъ) не зналъ ничего больше, какъ только игралъ хорошо на лирѣ. Діонисій имѣлъ

столь

столь благосклонное предразсужденіе къ гуслямъ, что лучшій гуслистъ въ его глазахъ былъ наивеличайшій человѣкъ на землѣ. Хотя онъ самъ былъ не великій игрокъ на гусляхъ, однако онъ почиталъ себя за знатока и хвалился, что онъ имѣетъ при своемъ Дворѣ наиславнѣйшихъ на семъ чудномъ инструментѣ игроковъ. По щастію Агатонъ учился въ Делфахъ играть на гусляхъ, и нѣсколько уроковъ, принятыхъ имъ у прекрасной Данаи, довели въ немъ дарованіе его въ семъ искуствѣ до высочайшаго степеня совершенства. Однимъ словомъ, онъ ужиная въ третій или четвертый разъ у Діонисія, взялъ гусли и заигралъ по томъ дитирамбъ изъ Дамона (припѣвая тониньким голосомъ, по которому танцовала прекрасная Бакхидіонъ) и чрезъ то ввергнулъ Его Величество въ толь чрезмѣрное возторженіе, что весь Дворъ

съ сея минуты заключилъ видѣть его въ скоромъ времяни возведеннымъ на достоинство явнаго любимца. Діонисій при первомъ волненіи своего удивленія осыпалъ его ласками, кои у нашего ироя отняли почти всю бодрость. О небо! помышлялъ онъ самъ въ себѣ: что мнѣ начать съ такимъ государемъ, который готовъ дать при своемъ Дворѣ первое достоинство недавно прибывшему иностранцу за то, что онъ хорошій гуслистъ? Первая сія мысль была весьма основательна и сберегла бы его отъ многихъ нещастій, естьли бы онъ возпослѣдовалъ тайному сему вдохновенію. Но противное внушеніе и другой гласъ послышался во глубинѣ его сердца. (Была ли это суета, или мысль никакъ не оставлять великаго предпріятія для толь маловажной причины; или можетъ быть слабость,

которая дѣлаетъ насъ склонными взирать на всѣ дурачества великихъ людей, оказывающихъ къ намъ вниманіе, презрѣннымъ окомъ?) Гласъ сей, откуда бы онъ ни услышался, шепнулъ ему, что вкусъ къ музыкѣ и особливая любовь къ извѣстному инструменту есть такая вещь, которая зависитъ отъ нашихъ органовъ, и что ему тѣмъ удобнѣе будетъ увѣриться въ сердцѣ государскомъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ способностей, чрезъ которыя можно снискать его благоволеніе. Великая милость, въ которую онъ чрезъ толь короткое время и толь двузнаменательными заслугами вошелъ у тиранна, возрасла вскорѣ послѣ того при случаѣ Академическаго публичнаго собранія, приуготовленнаго Діонисіемъ съ великими торжествами, до толикаго степени, что Филистъ находившійся еще до сего между страхомъ

комъ и надеждою, почиталъ паденіе свое теперь за непремѣнное.

Діонисій услышалъ отъ Аристиппа, что Агатонъ былъ нѣкогда ученикъ Платоновъ и во время своего благосостоянія въ Аѳинахъ почитался за одного изъ славнѣйшихъ ораторовъ въ сей говорливой республикѣ. Плѣняясь, что открывается больше совершенства въ своемъ новомъ любимцѣ, не медлилъ ни минуты приуготовить случай, при коемъ бы онъ собственною своею прозорливостію могъ разсуждать о истинѣ Аристиппова представленія; ибо ему казалось чрезъестественно, чтобы можно быть въ одно время философомъ, Адонисомъ и столь великимъ гуслистомъ. И такъ Академія получила повелѣніе о учиненіи неустановленнаго собранія, и всѣ Сиракузы на оное были приглашены. Агатонъ ни

о чемъ меньше не помышлялъ, какъ что онъ въ семъ ученомъ словопрѣніи долженъ играть роль между кучею Софистовъ (коихъ онъ не безъ основанія почиталъ за излишнихъ людей при Дворѣ добраго государя); а Аристиппъ (изъ побудительныхъ причинъ, коихъ мы уже тронулись и кои подаютъ ключь ко всему его поведенію противу нашего ироя) не открылъ ему ничего о намѣреніи Діонисіевомъ. Сей открылъ, яко Президентъ Академіи, (ибо тщеславіе его не довольно было честію называться ея покровителемъ) собраніе рѣчью, начиненною смѣшанными, разногласными, несвязными и невразумительными идеями, но богато украшенною Платонизмами. Слово сіе, сколько оно безтолково ни было, получило отъ всѣхъ (какъ удобно можно разсудить) всеобщую похвалу; хотя Агатонъ довольно зналъ, что сія по-

похвала доказывала больше дань, заплаченную высокому чину оратора, нежели величество его дарований и проницаний. По окончании сего слова началось философическое щекотанье; и хотя слушатели отъ субтильныхъ духовъ, кои тогда слышались, не очень научались, — однако краснорѣчіе одного, звонкій голосъ и хорошее удареніе другаго, странныя и несвязныя идеи третіяго, кривлянье лица и тѣлодвиженіе, которое дѣлалъ четвертый при своемъ раздѣленіи и доказательствѣ, чрезвычайно ихъ веселили. По продолженіи нѣсколько времяни сего зрѣлища Діонисій, примѣтя, что неучтивая позевота начала нападать почти на двѣ третьихъ части изъ слушателей, перервавъ ихъ рѣчь, сказалъ: онъ, имѣя щастіе съ нѣсколькихъ дней назадъ видѣть при своемъ Дворѣ одного изъ достойнѣйшихъ учени-

 ковъ

ковъ Платоновыхъ, проситъ его не вмѣнить себѣ въ досаду, что слава, предшествовавшая ему повсюду, отдернула завѣсу, коею скромность его старается прикрывать его заслуги и въ прекрасномъ Агатонѣ обнаружила одного изъ краснорѣчивѣйшихъ мудрецовъ его времяни. И такъ онъ ласкаетъ себя, что онъ не отречется и въ Сиракузахъ показаться съ столь отличной стороны и вступить съ философами моея Академіи о какомъ нибудь важномъ философскомъ вопросѣ въ состязаніе. По щастію Діонисій, который самъ себя съ охотою слушалъ и имѣлъ даръ обширности въ высокой мѣрѣ, проговорилъ весьма долго, чтобы дать нашему мужу время прохладиться отъ малинькаго изумленія, произшедшаго отъ толь неожидаемаго запроса. Медленіе сіе привело его въ состояніе отвѣчать

чать безъ трепета, что онъ весьма рано позванъ изъ слушалища мудрыхъ къ судебному Аѳинскому мѣсту и запутанъ былъ въ правленіе народа, который, какъ извѣстно, не мало доставляетъ обыкновенно дѣлъ своимъ верьховнымъ начальникамъ республики, и по тому не имѣлъ довольнаго времяни возпользоваться наставленіями своихъ учителей. Однако онъ, естьли угодно сіе Діонисію, изъ вниманія къ нему готовъ показать опытъ, сколько мало заслуживаетъ онъ похвалу, приписываемую ему изъ благоволительнаго предразсужденія. И такъ Діонисій кликнулъ Филиста (не извѣстно, по случаю ли, или уже прежде уговореноь) для предложенія вопроса, за который и противу котораго съ обѣихъ сторонъ надлежало состязаться. Министръ подумавъ нѣсколько времяни и въ надѣяніи привесть

Агатона въ разстройку, который начиналъ становиться ему страшнымъ, предложилъ слѣдующій вопросъ: „какой образъ правленія „есть свойственнѣе къ содѣланію „государства благополучнымъ, рес„публическій, или монархическій?„ Которое бы мнѣніе Агатонъ ни защищалъ, то все хитрый придворный думалъ, что онъ поставилъ ему сѣти, коихъ онъ не избѣгнетъ. Естьли онъ защищать будетъ республику, говорилъ онъ самъ себѣ, и твердо доказывать (какъ требуетъ отъ него, кажется, собственная его слава) то непонравится государю; естьли же напротивъ того возмется выхвалять монархическое правленіе, то сдѣлается ненавистнымъ народу, и Діонисій не осмѣлится ввѣрить управленія своихъ областей такому чужеземцу, который при первомъ своемъ явленіи сдѣлалъ толь худое впечатлѣніе на сердца Сираку-

ракузанцовъ. Агатонъ объявилъ, не взирая на намѣренiе Филиста, которое онъ примѣтилъ, съ неустрашимостiю, не предвозвѣщающею сему противнику никакого торжества, что онъ берется защищать правленiе монархическое. По окончанiи рѣчей философовъ, (между коими Антисѳенъ и Софистъ Протагоръ всѣ свои силы напрягали возвысить преимущества вольныхъ областей) съ противной стороны, началъ онъ тѣмъ, что доводамъ ихъ далъ больше силы, нежели бы они сами способны были сдѣлать. Вниманiе было чрезвычайное. Каждый съ нетерпѣливостiю желалъ слышать, какимъ образомъ Агатонъ опровергнетъ самъ себя, нежели какъ своихъ противниковъ. Краснорѣчiе его появилось въ такомъ свѣтѣ, который ослѣпилъ души всѣхъ слушателей. Важность минуты, которая долженствовала рѣшить

успѣхъ всего предпріятія его, величество и достоинство предмета, желаніе побѣдить, а можетъ быть и сердечное его отвращеніе къ Демократіи, придали ему столько силъ, заставили разглагольствовать его съ толикимъ возторженіемъ, что душевныя его мочи получили чрезъ то большее побужденіе, высшее напряженіе и скорѣйшее дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ понятія его были столько велики, картина его столь сильно была начертана, съ толь сильнымъ жаромъ написана, доводы его каждый самъ за себя были столько блистательны и въ сладкомъ разположеніи столько убѣдительны, рѣка его витійства, текшая сначала въ спокойномъ величествѣ, сдѣлалась наконецъ мало по малу толь сильною и стремительною, что самые тѣ, кои прежде заключили о его проигрышѣ, увидѣли себя какъ будто

бы

бы очаровательною силою принужденными отдать ему внутренно честь и приписать похвалу. Думали всѣ, что слушают Меркурія, или Аполлона. Знатоки (ибо нѣсколько присутствовало таковых, кои могли почесться такими) больше всего удивлялись тому, что он опорочил хитрости, обыкновенно Софистами употребляемыя для доставленія вида самой худшей вещи самой лучшей. Никакія цвѣты, кои своим блеском обманчивое ложных или тщетно предпринимаемых положеній долженствовали скрывать, не являлись; не было никакого искуством сысканнаго раздѣленія свѣта и тѣни; выраженіе его уподоблялось солнечному сіянію, коего оживотворяющій и почти духовный блеск сообщается предметам, не отнимая у них ничего от их собственнаго цвѣта.

Одна-

Однако должно признаться, что онъ нѣсколько жестоко поступилъ съ республиканцами. Онъ доказывалъ, или по крайней мѣрѣ казался всѣмъ слушавшимъ его доказывать, что сей родъ сообщества взялъ свое начало въ дикомъ смѣшеніи Анархіи, и что вся премудрость и прозорливость его законодателей съ слабымъ успѣхомъ старалась порядокъ и долговѣчность привести въ такое состояніе, которое (по своей природѣ) въ безпрестанномъ безпокойствѣ и внутреннемъ ржавеніи всякую минуту подвержено опасности разрушиться отъ своихъ собственыхъ силъ, а притомъ правленіе сіе столь мало способно къ покойному состоянію, что спокойствіе въ ономъ есть паче слѣдствіе крайняго развращенія и (подобно морской тишинѣ) извѣстный предвозвѣстникъ бури и паденія. Онъ утверждалъ, что поли-

политическая добродѣтель (сія освященная Паллада вольныхъ областей, къ сохраненію которой законодатели ея все щастіе свое припрягли) была по его мнѣнію ничто иное, какъ родъ невидимаго кумира, обожаемаго суевѣріемъ всѣхъ вѣковъ, и коего единое имя было свѣдомо и почитаемо. Что въ сихъ областяхъ всѣ члѣны, говорилъ онъ, кажется, сдѣлали между собою тайный договоръ обманывать другъ друга взаимно пустымъ призракомъ справедливости, умѣренности, некорыстолюбія, любви къ отечеству и къ общему благу; и что подъ личиною сего политическаго лицемѣрства, подъ достопочтеннымъ названіемъ всѣхъ сихъ добродѣтелей, всѣ отдаются безъ стыда порокамъ и чрезмѣрностямъ, наипротивнѣйшимъ самымъ симъ добродѣтелямъ. Онъ мнилъ, что премножество особливыхъ обстоятель-

тельствѣ, кои въ нѣсколько тысячь лѣтъ едва бы единожды могли найтись вмѣстѣ въ какомъ нибудь углу земнаго шара, къ тому потребно было, дабы сохранить республику въ благополучной посредственности, безъ которой она никакъ не можетъ быть постоянна. И оттудато произходитъ, поколику случай сей столько рѣдокъ и зависитъ отъ столь многихъ случайныхъ причинъ, что большая часть республикъ или была слишкомъ слаба обѣщать своимъ гражданамъ наималѣйшую безопасность, или старалась о величествѣ, которое потрясало государство безпрерывно внутренними безпокойствами и междуусобіями, и тому, который напослѣдокъ оставался обладателемъ боеваго мѣста, ничего не оставляло, какъ населять пустыни и застроивать опять развалины. Самая сія вольность,

на

на которую сіи области съ выключеніемъ всѣхъ другихъ дѣлали требованіе, едва находила въ Деспотическихъ государствахъ Азіи больше мѣста; ибо надлежитъ или чтобы народъ всему тому съ покорностію повиновался, что знатные и богатые для своихъ особливыхъ выгодъ и интересовъ заключали и поступали; или естьли онъ законодателя и судью самъ дѣлаетъ, то каждый честный человѣкъ находится въ опасности каждую минуту, чтобы не сдѣлаться жертвою тѣхъ, коимъ заслуги его поперегъ сердца стояли, или которые чрезъ его достоинство и достатокъ надѣялись обогатиться и увеличиться. Ни въ какой другой области меньше не позволено дѣлать употребленіе изъ своихъ способностей, ниже подумать и о важныхъ предметахъ то открыть безъ опасности, что почтено за общеполезное.

ное. Всѣ предложенія къ поправленію подъ ненавистнымъ имянемъ новости отвергаются и навлекаютъ на своихъ начальниковъ тайныя или явныя гоненія. Самыя основанія человѣческаго блаженства и то, что обходительнаго человѣка собственно отличаетъ отъ дикаго и варвара, истина и добродѣтель, художества и любви достойныя науки Музъ, въ сихъ областяхъ подозрительны, или совсѣмъ ненавистны. Онѣ тысячею во тьмѣ подкрадывающихся средствъ обезсиливаются, возпящаются въ своемъ успѣхѣ, или совсѣмъ ни ободряются, ни награждаются. — Однако при семъ извлеченіи довольно, дабы подать читателю опытъ, сколько коротко Агатонъ познакомился съ недостатками вольныхъ областей и сколь мало онъ ихъ пощадилъ при семъ случаѣ. Мы прерываемъ его тѣмъ охот-

охотнѣе, поколику сіе совсѣмъ бы противу нашего было намѣренія какому нибудь землеобитателю сдѣлать положеніе, въ которомъ онъ находится, непріятнѣе, нежели бы оно уже могло быть; или подать поводъ, чтобы недостатки нѣкоторыхъ давно разрушенныхъ Греческихъ республикъ, изъ коихъ Агатонъ почерпнулъ свою картину, могли злоупотреблены быть въ безчестіе тѣхъ, кои въ наши времяна могутъ почесться за достопочтенные вольные города и убѣжища добродѣтели, здраваго образа разсужденія, общаго блаженства и политическаго равенства подходящаго наивозможнѣйшимъ образомъ къ естественному. Вообще кажется, что сей вопросъ, о коемъ здѣсь состязалися, принадлежитъ къ важнымъ вопросамъ — Скарамуцъ, или Скапинъ лучше танцуетъ? -- и многіе другіе равной важности, на кои изко-

ни столь много времяни и труда потрачено, а не видно, вѣ чемѣ бы свѣтѣ когда нибудь чрезѣ рѣшеніе оныхѣ могѣ поправиться. Мы также умалчиваемѣ, хотя и по другой причинѣ, о похвалахѣ, приписываемыхѣ Агатономѣ монархическому правленію. Обладатели свѣта кажутся отчасти быть весьма равнодушными ко мнѣнію, которое имѣютѣ о ихѣ образѣ правленія. Есть такіе случаи, мы признаемся вѣ семѣ, гдѣ сіе терпитѣ выключеніе; но сіи случаи рѣдко встрѣчаются, естьли употребляютѣ предосторожность держать вѣ готовности вооруженнаго войска тысячь ста полвтора, сѣ помощію коихѣ весьма вѣроятно надѣяться можно возторжествовать надѣ мнѣніемѣ всѣхѣ миролюбивыхѣ народовѣ вѣ цѣломѣ свѣтѣ. Самыя сіи сто пятьдесятѣ тысячь не живое ли и очевидное доказательство, дѣлающее всѣ прочія излишними, что

такое государство благополучно? И так довольно, что сія рѣчь, въ которой Агатонъ всѣ недостатки развращенныхъ вольныхъ областей и всѣ преимущества правоправящихъ Монархіи въ двухъ противныхъ картинахъ представилъ, имѣла щастіе, получить отъ всѣхъ голоса, всѣхъ слушателей увѣрить, и оратору привлечь удивленіе, которое могло удовольствовать гордость тщеславнаго Софиста. Каждый былъ очарованъ такимъ мужемъ, который столь рѣдкія дарованія соединялъ съ толь благороднымъ и чистымъ образомъ разсужденія и съ толь человѣколюбивыми чувствованіями. Ибо Агатонъ выхвалялъ не тиранство, но правленіе отца благовозпитывающаго дѣтей своихъ и старающагося о содѣланіи ихъ благополучными. Какое бы блаженство, говорили между собою, какіе бы злашые дни узрѣла Сицилія, естьли бы

такой мужъ былъ правителемъ въ государствѣ. Онъ не забылъ при началѣ своея рѣчи предупредить подозрѣніе, что онъ Республику поноситъ не изъ отмщенія, а Монархію возвышаетъ не изъ ласкательства и тайныхъ намѣреній. Онъ далъ при семъ случаѣ знать, что онъ возпріялъ перебраться въ Тарентъ для препровожденія тамъ дней своихъ въ спокойной *мрачности* особенной жизни, которую онъ по своей склонности всѣмъ прочимъ предпочитаетъ, и для упражненія въ изысканіи истины и въ изправленіи своего собственнаго сердца. Каждый хулилъ или сожалѣлъ о семъ предпріятіи, и желалъ, чтобы Діонисій все употребилъ для отвлеченія его отъ такого намѣренія. Никогда склонность государская съ желаніями своего народа столько не бывала равногласна, какъ въ сей разъ. Высокое мнѣніе, которое онъ возымѣлъ о ли-

лицѣ нашего ироя, вошло отъ сего разговора на самый высочайшій степень. Сколь мало ни было постояннаго въ свойствѣ сего государя, однако и тутъ онъ имѣлъ такія минуты, въ кои онъ желалъ, чтобы меньшаго стояло отрицанія быть добрымъ государемъ. Краснорѣчіе Агатона похитило его, какъ и прочихъ слушателей, съ собою; онъ почувствовалъ красоту своея картины, и забылъ при ономъ, что самая сія картина заключаетъ нѣкоторый родъ сатиры на его самого. Онъ предположилъ изполнить то, что Агатонъ молчаливымъ образомъ обѣщалъ о его правленіи; а для облегченія должностей, налагаемыхъ на него симъ предпріятіемъ, хотѣлъ онъ ихъ чрезъ самого того же употребить въ дѣйство, который о нихъ такъ хорошо могъ говорить. Гдѣ могъ онъ сыскать годнѣйшее орудіе сдѣлать Сиракузанцамъ милымъ свое

 пра-

правленіе? Гдѣ другаго мужа, который бы столь многія пріятныя свойства соединялъ съ толь многими полезными?

Діонисій, привыкшій взирать на все только съ одной стороны и всего, что онъ ни пожелаетъ, желать съ стремленіемъ и нетерпѣливостію, обыкновенно полагалъ между своими вознамѣреніями и ихъ изполненіемъ времяни сколько возможно меньше. И такъ онъ препоручилъ Аристиппу сдѣлать предложенія своему другу. Сей извинялся своимъ отвращеніемъ къ трудолюбивой жизни, да при томъ и назначилъ день своего отъѣзда. Діонисій тѣмъ еще больше сталъ къ нему приступать; и хотя Агатонъ еще все отрицался, однако такъ скромно сіе дѣлалъ, что можно было надѣяться, что онъ побудится остаться. Въ самомъ дѣлѣ намѣреніе его состояло только въ томъ, чтобы изпытать прежде склон-

склонность столь мало надежнаго государя, нежели вступить въ обязательства, могущія имѣть для щастія другихъ и для его собственнаго спокойствія толь дурныя или хорошія слѣдствія.

Наконецъ когда онъ чаялъ причину имѣть почитать высокопочитаніе, которое онъ вдохнулъ въ Діонисія, за нѣчто большее, нежели за своенравный припадокъ, склонился на его прозьбу; но не иначе, какъ по положеніи твердомъ нѣкоторыхъ между собою условій. Онъ объяснился, что онъ только въ свойствѣ своего друга останется при его Дворѣ столь долго, доколѣ его Діонисій будетъ признавать за такого и за благо разсудитъ имѣть нужду въ его услугахъ. При томъ также не хотѣлъ допустить оковать себя, но удержать при себѣ вольность выѣхать, какъ скоро увидитъ, что его пребываніе ни къ чему не полезно.

Единое награжденіе, котораго онъ почитаетъ за власть требовать себѣ за свои услуги, состоитъ въ слѣдующемъ: чтобы Діонисій слѣдовалъ его совѣтамъ, доколѣ онъ въ состояніи будетъ показывать, что они споспѣшествуютъ благу государства и безопасности, славѣ и купно особенному благоденствію государя. Наконецъ онъ выпросилъ еще себѣ, чтобы Діонисій никогда не принималъ противу его никакихъ тайныхъ внушеній или доносительствъ, не открывши оныхъ ему чистосердечно и не выслушавъ на оныя у него отвѣта.

Государь тѣмъ менѣе размышлялъ подписать всѣ сіи договоры, когда онъ вознамѣрился его имѣть, хотя бы ему то стояло половины его государства. И такъ Агатонъ переселился въ жилище приготовленное нарочно для него въ чертогахъ Царскихъ. Діонисій объяснился публично, что можно во всѣхъ дѣлахъ обращать-

ся къ другу его Агатону, власт-
но какъ къ нему самому. Вдругъ возревновали тогда всѣ придворные оказывать новому любимцу свою преданность, и Сиракузы противувзирали съ радостнымъ ожиданіемъ возвращенію Сатурновыхъ времянъ.

Глава одиннатцатая.

Мы прерываемъ здѣсь наше повѣствованіе на нѣсколько минутъ дабы дать читателю время разсудить о томъ, что онъ можетъ сказать самъ себѣ въ сію минуту за или противу нашего ироя. Можетъ быть нѣкоторые находятъ въ ревности, съ которою онъ говорилъ противу республикъ, такое огорченіе, которое его довольно дѣлаетъ несправедливымъ наказывать неблагодарность собственныхъ своихъ согражданъ во всѣхъ прочихъ вольныхъ городахъ. Другіе можетъ быть весь его поступокъ при Дворѣ Царя Діонисія искуснаго благоразумія, кото-

рое не въ его замыкается свойствѣ и придаетъ ему ложный цвѣтъ, обвинятъ. Мы уже нѣсколько разъ объяснялись, что мы приняли на себя въ семъ твореніи должности исторіописателя, а не похваляющаго и защищающаго оратора. Однако между тѣмъ остается и намъ позволеннымъ разсуждать столько же свободно по нашему усмотрѣнію, какъ и читатели по своему, о дѣйствіяхъ такого мужа, котораго жизнь выдаемъ мы хотя не за совершенный образецъ, однако за преизполненный ученія примѣръ. Мы уже упомянули, что несправедливо бы было говоренное Агатономъ противу республикъ его времяни почитать за обиду такихъ вольныхъ областей, которыя подъ втеченіемъ благосклонныхъ обстоятельствъ безопасны будучи своимъ положеніемъ отъ внѣшней зависти и отъ чрезвычайныхъ увеличительныхъ мыслей, мудрыми законами и (что

всего

всего еще больше) силою обыкновенія могутъ находиться въ блаженной посредственности, а недостатки едва и по имяни знаютъ, кои Агатонъ въ республикахъ, ему современныхъ, почиталъ за неизцѣлимыя.

Вообще имѣютъ причину думать, что Агатонъ говорилъ, какъ думалъ, и довольно то есть къ оправданію своея честности. Для чего начинать намъ о сей сомнѣваться? Все его поведеніе въ то время, какъ онъ имѣлъ сердце тиранна въ своихъ рукахъ, доказало, что онъ никакими не зараженъ былъ намѣреніями, кои бы его побудили льстить ему противу своего убѣжденія. Это правда, что онъ съ самой тоя минуты, какъ переступилъ чрезъ порогъ въ палаты Діонисія, имѣлъ намѣренія при всемъ, что онъ ни дѣлалъ; а можетъ быть и никакихъ не имѣлъ. Естьли намѣренія его были благородны и благо-

благотворительны (и такія онѣ дѣйствительно были), то чего больше по крайней строгости можемъ мы требовать? И такъ кажется никто не имѣетъ причины упрекать ему осторожностію, съ которою ему на новомъ и скользскомъ пути, на который онъ имѣлъ вступить, долженствовало устроить всѣ свои дѣйствія, естьли бы онѣ послужили средствомъ къ достиженію его намѣреній. Мы признаемся, что въ поведеніи его видно было нѣкоторое удержаніе и тонкость, кои не совсѣмъ казались быть въ прежнемъ его свойствѣ. Но сіе само по себѣ не заслуживаетъ никакого похуленія. Сіе еще не рѣшено, что сія непремѣнность чувствованій, сія единообразность поведенія, коими столько честныхъ людей слишкомъ хвалятся, есть столь великая добродѣтель, какъ они можетъ быть себѣ воображаютъ. Хотя самолюбіе ласкаетъ намъ

весьма охотно, чтобы мы, такъ, какъ мы есмы, были лучше; но оно не рѣдко дѣлаетъ неправедно льстя намъ такимъ образомъ. Не возможно, чтобы когда все окрестъ насъ перемѣняется, мы одни оставались неперемѣнными; и хотя бы сіе и не невозможно, то бы по крайней мѣрѣ часто было непристойно. Другія времяна требуютъ другихъ обычаевъ, другія обстоятельства другаго опредѣленія и обращенія нашего поведенія. Въ нравоучительныхъ романахъ находимъ мы конечно ироевъ, кои всегда остаются во всемъ одинакими — и для того всякой похвалы достойны. Да и какъ сему иначе быть, когда они на своемъ дватцатомъ году имѣютъ премудрости и добродѣтели въ толикомъ же степенѣ совершенства, до котораго Сократъ и Епаминондъ достигли едва по многихъ изправленіяхъ самихъ себя на шестидесятомъ? Но въ жизни на-

находимЪ мы сіе иначе? ТѢмЪ хуже для тѢхЪ, кои вЪ сердцѢ жизни пребываютЪ всегда подобны сами себѢ! — РѢчь идетЪ не о дуракахЪ и порочныхЪ; - но и самые честные и лучшіе люди имѢютЪ всегда еще больше подлежащаго кЪ изправленію вЪ своихЪ понятіяхЪ, разсужденіяхЪ, чувствованіяхЪ, вЪ самомЪ томЪ, вЪ чемЪ они превозходны, вЪ своемЪ сердцѢ, вЪ своей добродѢтели. Да и опытЪ научаетЪ, что мы рѢдко достигаемЪ новой перемѢны насЪ самихЪ, или примѢтнаго изправленія нашего прежняго внутренняго состоянія не преходя чрезЪ родЪ посредственнаго состоянія, которое отбрасываетЪ ложный цвѢтЪ на наши дѣйствія и затмѢваетЪ на нѢсколько времяни нашЪ истинный видЪ. Мы почти вЪ различныхЪ положеніяхЪ видѢли нашего ироя; вЪ каждомЪ чрезЪ втеченіе обстоятельствЪ, поступилЪ онЪ нѢсколько иначе, не-

нежели онъ есть дѣйствительно. Въ Делфахъ показывалъ себя сущимъ разсудительнымъ возторжественникомъ; а въ послѣдствіи усмотрѣно, что онъ умѣлъ весьма хорошо поступать. Мы думали, что онъ по уничиженіи прекрасной Данаи останется нечувствительнымъ къ прелестямъ; но Данае, сдѣлавъ изъ него страстнаго любовника, доказала, что мы обманулись. Но не долго продолжится, что новая мнимая Даная, которая думая, что разсмотрѣла слабую его сторону, найдетъ себя столько же обманутою. Агатонъ показывался въ различныхъ эпохахъ своея жизни, поочередно Платоническимъ и патріотическимъ сумазбродомъ, ироемъ, Стоикомъ, сластолюбцемъ; а дѣйствительно изъ всего сего ничемъ не былъ, хотя онъ мало по малу и проходилъ по всѣмъ симъ степенямъ и въ каждомъ занималъ нѣчто отъ собственнаго цвѣта оного

наго. Мы находимся еще не при концѣ его теченія; при томъ и тогда еще не можетъ совсѣмъ кончиться рѣчь о его свойствѣ, о томъ, что онъ дѣйствительно былъ, въ чемъ онъ подъ всѣми сими видами оставался одинаковымъ, и что наконецъ, по отторженіи отъ того всего посторонняго, останется. И такъ не столько спѣша о немъ разсуждать, какъ обыкновенно дѣлается каждую минуту въ ежедневной жизни, намѣрены мы продолжать разсматривать его безпристрастно; постараемся изпытать истинныя побужденія всѣхъ его дѣйствій, сколько намъ возможно будетъ, точнѣе, не опуская никакого тайнаго его сердца движенія, которое намъ доставить можетъ на сіе такъ, какъ ключь ко отомкнутію, и удержимъ разсужденіе наше о всемъ его нравоучительномъ свойствѣ толь долго, пока — мы его не научимся знать хорошо.

АГАТОНЪ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Глава первая.

О главныхъ и государственныхъ дѣйствіяхъ. Поведеніе Агатона при Дворѣ Діонисія.

Хулятъ въ Шакеспеарѣ, — одномъ изъ всѣхъ стихотворцовъ по Гомерѣ, который зналъ людей всѣхъ лучше, который описалъ Царя и нищаго, Юлія Цесаря и Якова Фалстафа, какими они долженствовали быть съ сими истинными и сильными чертами, кои открываютъ великаго учителя и глубокаго наблюдателя, — хулятъ его въ томъ, что сочиненьецы его никакого, или по крайней мѣрѣ только весьма по-

грѣшностное, безправильное и весьма безразсудное имѣютъ начертаніе; что комическое и трагическое въ оныхъ смѣшано между собою страннымъ образомъ, и часто самое то лицо, которое трогательнымъ языкомъ природы выманило слезы на глаза, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того нѣкоторыми забавными шутками, или двузнаменательными выраженіями его чувствованій естьли не заставляетъ смѣяться, то прохлаждаетъ такъ, что весьма трудно бываетъ пріити паки въ надлежащее состояніе. -- Сіе въ немъ хулятъ, и не думаютъ о томъ, что творенія его чрезъ то самое представляютъ естественнѣйшую картину человѣческой жизни.

Теченіе жизни большей части людей и (естьли намъ можно сказать) самаго великаго государствен-

ственнаго тѣла, будучи разсуждаемо какъ нравоучительное существо, уподобляется главнымъ и государственнымъ дѣйствіямъ, кои прежде находились во владѣніи театровъ, въ столь многихъ пунктахъ, что почти можно было подумать, что изобрѣтатели сего послѣдняго были благоразумнѣе, нежели обыкновенно думаютъ, и желали, естьли точно не имѣли намѣренія человѣческую жизнь сдѣлать смѣшною, по крайней мѣрѣ столько же подражать природѣ, сколько Греки старались ее украсить. Дабы теперь ничего не сказать о случайномъ сходствѣ, что въ сихъ степеняхъ, такъ, какъ въ жизни, весьма часто самыя важнѣйшія роли играются самыми худыми актерами, что можетъ быть подобнѣе, какъ оба сіи рода главныхъ и государственныхъ дѣйствій между собою обыкновенно бываютъ въ положеніи,

въ раздѣленіи и соединеніи явленій, въ узлѣ и въ обнаруженіи? Коль рѣдко спрашиваютъ творцы одного и другаго сами себя, для чего они то или сіе прямо такимъ, а не другимъ образомъ дѣлали! Коль часто нападаютъ они на насъ такими приключеніями, къ коимъ мы ни мало не предуготовились! Коль часто видимъ мы, какъ лица приходятъ и опять уходятъ, а не понимаемъ, для чего онѣ приходили и для чего онѣ опять изчезли! Коль много въ обоемъ оставляется случаю! Коль часто видимъ мы, что большія дѣйствія производятся самыми бѣднѣйшими причинами! Коль часто постоянное и важное производится легкомысленнымъ образомъ, а ничего не значащее съ смѣшною важностію! И естьли наконецъ въ обоемъ все столь плачевно запутано и между собою перебито, что о возможности

сти разпутанія начинаешъ сомнѣваться; то коль благополучно видимъ мы, когда какимъ нибудь подъ молніею и громомъ изъ бумажныхъ облаковъ выходящимъ божкомъ, или бодрымъ шпажнымъ ударомъ узолъ хотя не вдругъ развязывается, однако надсѣкается и конецъ находится, и зрители могутъ плескать руками, или свистать, какъ угодно, или — смѣютъ. Коль важную впрочемъ нашъ благородный Иванъ Вурстъ въ комическихъ трагедіяхъ, о коихъ мы говоримъ, игралъ роль, находится можетъ быть еще у многихъ изъ нашихъ читателей въ свѣжей памяти. Коль многаго стояло труда изтребить сіе любимое свойство театра верьхнихъ Нѣмецкихъ провинцій! — Однако же пусть онъ всегда останется на театрѣ, только бы нигдѣ, кромѣ ихъ, терпимъ не былъ, который можетъ быть для вѣчной до-

достопамятности вкуса нашихъ предковъ, кажется, сохранится на театрѣ главнаго города Нѣмецкаго государства. Но не видано ли, что иныя великія явленія на театрѣ свѣта введены во всѣхъ мѣстахъ Ганс-Вурстомъ, -- или, что еще нѣсколько досаднѣе, чрезъ Ганс-Вурста! Сколько часто великіе люди раждались быть Ангелами защитниками престола, благотворителями цѣлыхъ народовъ и столѣтій, вся ихъ премудрость и храбрость долженствовала дѣлаться суетною отъ маленкой шутливой насмѣшки такихъ людей, которые, не нося также красной фуфайки и желтой изподницы своего начальника, доказываютъ всемъ своимъ поведеніемъ, что они гордятся носить на себѣ его свойство: Сколь часто произходитъ въ обоихъ родахъ трагико-комическихъ самое запутаніе по тому непорочно,

что

что Ганс - Вурстъ какимъ нибудь глупымъ или бездѣльнымъ сочиненіемъ своего труда благоразумныхъ людей, прежде, нежели они достанутъ оное, портитъ ихъ игру! -- Manum de tabula! -- Но естьли сіе сравненіе, какъ мы осмѣливаемся думать, имѣетъ свое основаніе; то мы можемъ сожалѣть конечно о мудромъ и честномъ мужѣ, котораго судьба его къ тому приговорила быть запутану въ управленіе публичныхъ дѣлъ подъ худымъ, или -- что еще досаднѣе - подъ слабымъ государемъ. Что ему поможетъ поступать съ проницаніями и бодростію по лучшимъ правиламъ и слѣдовать начертанію приличнѣйшему правосудію и справедливости, естьли наипрезрительнѣйшее несѣкомое двора, естьли невольникъ, сводчикъ, Бакхидіонка, или что нибудь еще худшее, какой нибудь ханжа, коего вся заслуга

состоитъ въ гибкости, притворствѣ и хитрости, имѣютъ въ своей силѣ предупредить, разстроить, или совсѣмъ разрушить мѣры благоразумнаго и постояннаго мужа? Однако между тѣмъ, естьли онъ единожды отважилъ на столь опасное чудо, не остается ему никакого другаго средства къ успокоенію самого себя и для оправданія на всѣ случаи своего поступка предъ безпристрастнымъ судомъ мудрости и потомства, какъ — начертать себѣ, прежде наложенія руки на твореніе, правильный всего своего поведенія планъ. Хотя вся премудрость такого начертанія не можетъ ему для слѣдствія оказать защищенія; однако остается ему утѣшительная мысль, что онъ все то сдѣлалъ, что его безъ случаевъ, коихъ онъ или не могъ предвидѣть, или не могъ уничтожить, долженствовало увѣрить въ благополучномъ послѣдствіи.

Итакъ сїе было первымъ попеченїемъ нашего ироя, когда онъ обязался при Царѣ Дїонисїѣ играть лицо совѣтника и довѣреннаго. Онъ увидѣлъ затрудненїя, кои ему надлежало преодолѣть для содѣланїя такого начертанїя, которое бы ему могло служить руководителемъ по лабиринту Двора и публичной жизни. Но онъ мнилъ, что гораздо лучше слѣдовать недостаточному плану, нежели не имѣть никакого. И въ самомъ дѣлѣ способность приводить свои идеи, о чемъ бы то ни было, въ систему сдѣлалась ему столько естественною, что онѣ, такъ сказать, сами собою дѣлали нѣкоторое начертанїе, которое может быть не имѣло другаго недостатка, кромѣ сего, что Агатонъ еще не совершенно могъ думать толикое худо о тѣхъ людяхъ, кое заслуживали тѣ, съ которыми надлежало ему имѣть

 дѣло.

дѣло. Однако онъ не думалъ больше столь высоко о человѣческой природѣ, какъ прежде; или, сказать точнѣе, онъ безконечную разность между метафизическимъ человѣкомъ, котораго себѣ какъ во снѣ представляешъ въ разсудительномъ уединеніи, -- естественнымъ человѣкомъ въ грубой простотѣ и невинности, какимъ образомъ онъ выступаетъ изъ рукъ *общей матери существъ*, -- и вычищеннымъ человѣкомъ, какъ образуютъ его сообщество, законы, употребленія и обычаи, необходимости, зависимость, безпрестанная вражда его желаній съ его невозможностію, его особенной выгоды съ особенными выгодами прочихъ, произходящая оттуда необходимость притворства и всегдашняго прикрыванія своихъ истинныхъ намѣреній, и тысячу другихъ физическихъ и нравственныхъ причинъ превращать въ без-

чи-

численные обманчивые виды, — онЪ говорю я, по всѣмЪ имЪ уже сдѣланнымЪ опытамЪ, уже весьма изрядно научился узнавать сіе различіе людей отЪ того, что они долженствовали быть, дабы основать ему начертаніе свое на понятіяхЪ Платона. ОнЪ уже больше не былЪ тѣмЪ молодымЪ возторженникомЪ, который себѣ воображалЪ, что ему столько же легко будетЪ изполнить великое намѣреніе, какЪ и предпріять. Аѳиняне вылѣчили его на всегда отЪ предразсужденія, что добродѣтели надлежитЪ употребить только свои собственныя силы для побѣжденія своихЪ сопротивниковЪ. ОнЪ научился, сколь мало ожидать можно отЪ другихЪ, сколь мало должно надѣяться на содѣйствіе ихЪ, и (что всего было для него важнѣе) сколь мало надлежитЪ самому полагаться на самаго себя. ОнЪ научился, сколь

много

много должно приноравливаться къ обстоятельствамъ. Онъ зналъ, что наисовершеннѣйшее начертаніе само по себѣ часто бываетъ въ случаяхъ наинедостаточнѣйшимъ; что то, что худо, не можетъ вдругъ перемѣниться въ хорошее; что въ нравственномъ свѣтѣ, такъ, какъ въ вещественномъ, ничто не движется въ прямой линіи; и что рѣдко безъ многихъ закорючекъ и обращеній можно достигнуть до хорошаго намѣренія; однимъ словомъ, что жизнь уподобляется кораблю, на которомъ кормщикъ обязанъ направлять теченіе свое по вѣтру и погодѣ, гдѣ не проходитъ ни единой минуты, чтобы онъ не находился въ опасности быть задержанъ противными рѣками, или назадъ быть отнесенъ, и гдѣ все отъ того зависитъ, чтобы подвергаясь тысящѣ опасностей и отклоняясь тысящу разъ отъ

сво-

своего предположеннаго направленія противу своея воли, прибыть наконецъ сколь возможно во всякой сохранности къ означенному мѣсту. По симъ всеобщимъ положеніямъ опредѣлялъ онъ при всемъ, что онъ предпринималъ, степень благости, до которой онъ предположилъ достигнуть по связи всѣхъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находилъ вещи, и поступокъ свой противу различныхъ персонъ, съ коими ему надлежало имѣть дѣло, безъ всякихъ оглядковъ, непорочно по мѣрѣ своего разсужденія, что они возпрепятствуютъ его главному намѣренію, или будутъ споспѣшествовать.

По спознаніи короче Діонисія онъ не могъ о томъ помышлять, чтобы сдѣлать изъ него образецъ добраго государя. Однако онъ не безъ основанія надѣялся отнять у его пороковъ ихъ

опа-

опаснѣйшій ядъ; а добрыя его склонности, или лучше добрыя его упрямства, страсти его и самыя слабости ирой нашъ вознамѣрился употребить въ пользу общаго блага. Мнѣніе сіе о своемъ государѣ было въ самомъ дѣлѣ столько скромно, что онъ его, безъ потерянія всея надежды достичь благополучно своихъ начертаній, не могъ глубже спустить. Но по слѣдствіи оказалось, что онъ еще о немъ весьма хорошо думалъ. Діонисій въ самомъ дѣлѣ обладалъ такими свойствами, кои обѣщали много добраго; но по нещастію каждое изъ нихъ соединено было съ другимъ, которое уничтожало совсѣмъ всякое благо, которое онѣ, казалось, обѣщали при началѣ; а по долговремянномъ и важномъ изслѣдованіи свойства его вблизи находилось, что всѣ его мнимыя добродѣтели дѣйствительно

ничто иное были, какъ -- самые его пороки, кои взяты будучи въ разсужденіе съ нѣкоторой стороны, принимали на себя цвѣтъ добродѣтели. Не смотря на сіе, Агатонъ столько ослѣпился сими добрыми видами, что онъ неизправимость свойства такого рода (и слѣдственно неосновательность всѣхъ своихъ надеждъ) не прежде усмотрѣлъ, какъ уже тогда, какъ открытіе сіе не могло ему больше ни въ чемъ быть полезнымъ.

Большая слабость государская (по мнѣнію его) состояла въ склонности его къ недѣйствію и роскоши. Агатонъ первое надѣялся побѣдить тѣмъ, что старался дѣлать ему упражненія столько легкими и пріятными, сколько возможно было; а сей думалъ тѣмъ пособить, естьли онъ по крайней мѣрѣ отучитъ его отъ

тѣхъ дикихъ изступленій, коимъ онъ до того предался столь неумѣренно. Чѣмъ больше Музы участвуютъ въ нашихъ забавахъ, тѣмъ онѣ чище, благороднѣе и нравственнѣе. По сему довольно похвальному положенію старался онъ внушить въ Діонисія больше вкуса къ изящнымъ искуствамъ, нежели онъ когда нибудь до сего имѣлъ. Въ скоромъ времяни были украшены чертоги его, увеселительные домы и сады творепіями самыхъ славныхъ живописцовъ и рѣщиковъ Греческихъ; Агатонъ привлекъ въ Сиракузы наиславнѣйшихъ учителей во всѣхъ родахъ; онъ построилъ великолѣпную для слушанія залу по плану тоя, на которую Периклъ източилъ публичное Грековъ сокровище; и Діонисій нашелъ столько удовольствія въ разныхъ родахъ зрѣлищъ, коими онъ, подъ надзираніемъ своего любимца, почти ежедневно увесе-

лял-

ялся, что онъ (по своему обыкновенію), казалось, на нѣсколько времяни потерялъ весь вкусъ въ другихъ забавахъ. Но между тѣмъ оставалась другая страсть, одного владычества которой надъ нимъ довольно уже было для уничтоженія всѣхъ добрыхъ намѣреній новаго его друга.

Въ то время прекрасная Бакхидіонъ обладала сердцемъ тиранна; однако уже весьма примѣтно было, что безмѣрная любовь, которую она вдохнула въ него, весьма много потеряла прежней своея надъ нимъ силы. Можетъ быть не трудно бы Агатону было предускорить нѣсколькими недѣлями дѣйствіе естественнаго его непостоянства и отвратить его отъ сея дѣвицы; но были причины, которыя казались ему довольно важными удержаться отъ сего. Супруга Діонисія по неща-

стію никакъ была не способна къ подкрѣпленію покушенія удержать его въ честныхъ границахъ супружеской любви. Сей государь не могъ жить безъ любовныхъ дѣлъ; а власть, которую наложницы его имѣли надъ его сердцемъ, дѣлала то, что было весьма опасно перемѣнить его непостоянство. Бакжидіонъ была одна изъ сихъ добрыхъ, веселыхъ и вертопрашныхъ твореній, въ воображеніи коихъ всѣ предметы кажутся смѣющимися, кои ни о чемъ другомъ въ свѣтѣ не стараются, какъ препровождать съ веселіемъ бытіе свое отъ одной минуты до другой, не занимая никогда мыслей своихъ ни честолюбіемъ, ни стяжаніемъ богатствъ, и не оказывая ни малѣйшаго безпокойства о будущемъ. Она сверьхъ всего любила удовольствіе. Всегда разположена къ подаянію и къ принятію онаго, казалось, что оно произра-

израстало подЪ ея стопами; оно блистало изЪ глазЪ ея, и дышало изЪ устЪ ея. Она не помышляя, чтобы уважать себя страстію кЪ себѣ государскою, употребляла (изЪ механической склонности кЪ смѣющимся и довольнымЪ лицамЪ) власть свою надЪ его сердцемЪ уже весьма часто на оказаніе благодѣянія такимЪ людямЪ, кои сіе заслуживали, или были онаго не достойны (ибо вЪ разсужденіи сего она не входила вЪ разсмотрѣніе). АгатонЪ опасался по причинѣ, что ея мѣсто удобно могла заступить другая, которая бы покусилась сдѣлать гораздо худшее изЪ своихЪ прелестей употребленіе. И такЪ онЪ почиталЪ за ненедостойное своего характера порядочнымЪ образомЪ, но не давая примѣтить, будто бы онЪ имѣлЪ кЪ ней нѣкоторое особливое вниманіе, склонность государскую кЪ ней больше подкрѣ-

 плять,

плять, нежели оную изглаживать. Онъ доставлялъ ей случаи, обнаруживать свои увеселительныя дарованія въ такомъ разнообразіи, которое придавало ей всегда прелести новизны. Онъ умѣлъ оное такъ устроивать, что обязалъ Діонисія часто, но не на долго отлучаться, дабы возпрепятствовать насытиться скоро удовольствіемъ, которое, казалось, находилъ онъ въ *объятіяхъ* прелестной танцовщицы. Онъ дошелъ наконецъ до того, что онъ при случаѣ разговора, въ коемъ заходила рѣчь о весьма строгихъ положеніяхъ Платона въ разсужденіи сея матеріи, безъ всякаго усомнѣнія говаривалъ, что это весьма несправедливо захотѣть вграничивать такого государя, который съ надлежащею строгостію старается о изполненіи своихъ важныхъ и существенныхъ должностей, въ его особенныхъ забавахъ

вахъ въ гораздо тѣснѣйшіе пристойной умѣренности предѣлы. Все, о чемъ онъ при семъ (хотя въ простыхъ выраженіяхъ) ни объяснился, казалось, имѣло знаменованіе молчаливаго согласованія на слабость государя къ прекрасной Бакхидіонѣ, а въ самомъ-то дѣлѣ точно такія были и его мысли.

Мы весьма сомнѣваемся, чтобы правота намѣренія его могла когда нибудь оправдать столь опасное подтвержденіе. Однако то подлинно, что Діонисій, который до сего отъ стыда и изъ почтенія къ добродѣтели нашего ироя старался скрывать отъ него слабую свою сторону, съ самаго сего часа сдѣлался меньше воздержателенъ, и можетъ быть по неправильному, но весьма общему предразсужденію, что добродѣтель должна быть явною непріятельницею всѣхъ боговъ веселія,

 при-

принялъ на нашего ироя нѣкоторое подозрѣніе, понизившее его на нѣсколько степеней въ его сердцѣ, а съ нимъ самимъ поставлены были въ помянутой линіи и прочіе обитатели земные; такое подозрѣніе, которое хотя всегда одинаковымъ поведеніемъ Агатона скоро опять замолкло, однако не такъ-то совсѣмъ было уничтожено, чтобы онаго тайное втеченіе не облегчило входа въ послѣдствіи прежнимъ обвиненіямъ Агатоновыхъ непріятелей въ сердце такого государя, который безъ того столько склоненъ былъ почитать добродѣтель за умоизступленіе, или лучше за искусство прикрывать свои пороки.

Однако между тѣмъ Агатонъ своимъ потворствомъ любимымъ порокамъ государя выигралъ столько надъ нимъ власти, что онъ тѣмъ удобнѣе побудился участво-

вать больше обыкновеннаго въ дѣлахъ, касающихся до правленія; и сіе-то самое безъ сомнѣнія было то, что Агатонъ почиталъ за довольное награжденіе за укоризну, которую онъ своею поблажкою строгихъ положеній государю навлекъ на себя со стороны нѣкоторыхъ строгихъ нравоучителей, кои, отдалясь отъ смятенія и замѣшательства свѣта, въ которомъ они живутъ, довольно имѣютъ празднаго времяни осуждать по своему произволенію въ прочихъ людяхъ всѣ ошибки, коихъ бы они, будучи на мѣстѣ ихъ, можетъ быть еще больше и гораздо хуже надѣлали.

Кромѣ прекрасной Бакхидіоны, Филистъ, по милости, коею онъ наслаждался у Діонисія, былъ наизнатнѣйшая особа между всѣми тѣми, съ коими Агатонъ въ своемъ новомъ мѣстѣ больше или

 мень-

меньше долженъ былъ сообщаться. Сей мужъ играетъ въ сей части нашей повѣсти такое лицо, которое безъ сомнѣнія можетъ возбудить любопытство научиться знать его покороче. Сверьхъ того сія есть изъ первыхъ должностей повѣствователя, разсыпать сколько ему возможно ложный блескъ, который щастіе и снизхожденіе великихъ людей весьма часто простираютъ на никчемугодныя твари. Весьма нужно показать потомству, что сей Палласъ (на прикладъ), котораго толикіе Римскаго Сената указы, столь многія статуи и множественныя опредѣленныя почести, и толикія публичныя достопамятности возвѣщаютъ сему же самому потомству, яко о благотворителѣ человѣческаго рода и аки бы о полубогѣ, — что сей Палласъ ни лучше, ни больше былъ, какъ безстыдный порочный невольникъ.

никъ. И естьли Филистъ въ сравненіи съ Палласомъ, или Тигеллиномъ, кажется только карломъ противу великана; то сіе происходитъ въ самомъ дѣлѣ единственно отъ неизмѣрной разности между Римскою Имперіею во время ея крайнѣйшаго величества и малою областію, въ которой обладалъ Діонисій. Подобно тѣмъ злымъ духамъ, коимъ нравится дѣлать всякое зло, имъ чинить позволенное, и которые бы съ охотою переворотили всю природу, естьли бы сильнѣйшая ихъ власть не предписала границъ ихъ злобѣ, и Филистъ сдѣлался бы вторымъ Палласомъ, естьли бы онъ имѣлъ щастіе возрости въ переднихъ Императора Клавдія. Опыты, оказанные имъ въ его маленькой сферѣ, того, что бы онъ сдѣлалъ на большемъ театрѣ, не позволяютъ намъ о томъ сомнѣваться. Природный невольникъ, сдѣлавшійся

по томъ однимъ изъ отпущенниковъ стараго Діонисія, отличился еще тогда между своими сотоварищами прехитрою своею головою и прегибкимъ умоначертаніемъ и уклонностію; однако всѣми сими добрыми качествами не заслужилъ у своего государя никакого особливаго преимущества. Филистъ печалился по справедливости хотя о не необыкновенномъ упрямствѣ щастія; но онъ умѣлъ самъ себѣ помочь. Щастливѣйшіе предшественники показали ему дорогу возходить безъ труда и безъ заслугъ на сей высокій степень, къ которому ему нѣкоторый родъ честолюбія, которое въ нѣкоторыхъ душахъ соединяется съ наискареднѣйшею подлостію, внушилъ необузданное желаніе. Мы уже примѣтили, что младшій Діонисій содержанъ былъ отцемъ своимъ необыкновенно жестоко. Филистъ былъ единъ, который имѣлъ

до

довольную прозорливость примѣтить великую выгоду, кою онъ могъ получить изъ сего обстоятельства. Онъ нашелъ средство дѣлать ночи младаго Діонисія гораздо пріятнѣе, нежели были его дни. Надобно ли было сего больше, чтобы отъ молодаго человѣка безъ возпитанія и безъ правилъ почитаться такимъ благодѣтелемъ, котораго бы добрыхъ заслугъ онъ никогда довольно не могъ наградить? Филистъ былъ тѣмъ не доволенъ. Чтобы сдѣлаться достойнѣе всякой признательности молодаго Принца и наслаждаться безопаснѣе и скорѣе благодѣяніями, которыхъ онъ надѣялся, онъ вымыслилъ употребить небольшой оборотъ. Злобная колика, отъ которой онъ одинъ имѣлъ рецептъ, ускорила конецъ старшаго тиранна. Филистъ былъ первый, который принесъ радостную вѣсть своему

ему молодому обладателю, и тогда-то узрѣлъ онъ себя вдругъ въ тайнѣйшей довѣренности у государя, а вскорѣ послѣ того и правителемъ государства. Сихъ малыхъ похвалъ довольно для подація намъ истиннаго понятія о нравоучительномъ свойствѣ сего достойнаго Министра; также мы и не удивимся, естьли видимъ, что онъ дѣлалъ самыя ненавистнѣйшія злодѣянія, къ какимъ только человѣкъ склоненъ. Но коль тонкому бы надлежало быть тому физіогному, который бы могъ сіи похвалы читать въ его глазахъ? Это правда, Агатонъ думалъ о немъ сначала не слишкомъ преимущественно; но не имѣя особливыхъ наставленій о его лицѣ, или не бывши самъ Филистомъ, какъ могъ онъ себѣ представить, чтобы Филистъ могъ быть то, что онъ былъ дѣйствительно? Не многіе знали

внут-

внутренность сего человѣка; да и самое сіе небольшое число его знавшихъ были сами изрядные придворные для скорѣйшаго измѣненія прежнему своему благодѣтелю, нежели низверженіе его было извѣстно и они могли знать, что они чрезъ то выиграютъ; а что касается до Аристиппа, который вѣдалъ до основанія истинное его свойство, то онъ предположилъ себѣ быть только простымъ зрителемъ. И такъ Агатонъ тѣмъ удобнѣе могъ быть обманутъ, когда Филистъ изтощилъ все свое притворительное искуство для сниканія къ себѣ его вниманія. Къ великому его неудовольствію не могъ онъ со всемъ своимъ знаніемъ, которое онъ (по обыкновенному, хотя весьма обманчивому, предразсужденію придворныхъ людей) о людяхъ имѣть думалъ, изыскать слабую сторону нашего ироя. И такъ

ему

ему не оставалось никакого другаго пути, какъ великимъ старанiемъ о дѣлахъ и точнымъ исполненiемъ своихъ должностей рекомендоваться у новаго любимца въ достоинство употребительнаго, а добродѣтелями, которыя онъ столько же удобно умѣлъ принимать, какъ легко надѣть маскарадное платье, притти наконецъ и въ почтенiе честнаго мужа. Но какъ къ симъ свойствамъ, которыя Агатонъ думалъ въ немъ найти, присоединилось еще вниманiе, которое Дiонисiй къ нему имѣлъ, и разсужденiе, что для государства меньше безопасно отставить столь честолюбиваго Министра, нежели приводить его мнимымъ удержанiемъ его власти въ тѣснѣйшiе предѣлы; оттуда произошло, что тѣ, кои паденiе Филиста почитали за несомнѣнное возвышенiе Агатона, нашли себя въ своемъ мнѣнiи обманутыми.

ии. Власть его казалась скорѣе умножаться по пожалованіи его въ Президенты надъ всѣми судебными мѣстами, между коими Агатонъ раздѣлялъ ту власть, которая прежде зависѣла отъ произвольнаго выбора государскихъ любимцевъ. А въ самомъ дѣлѣ онъ почти чрезъ то приведенъ былъ въ невозможность дѣлать зло, сколько бы онъ впрочемъ ни покушался; ибо онъ вѣдалъ, что при всѣхъ его дѣйствіяхъ надзираютъ столько глазъ, что онъ обязанъ отдавать обо всемъ точный отчетъ и ничего не предпринимать безъ вѣдома государя, или (что долгое время все равно было) безъ согласія его докладчика Агатона, которому, казалось, Діонисій всю свою власть препоручилъ.

Мы бы конечно могли очень много хорошаго сказать о управленіи государства Агатономъ, есть-

естьли бы мы хотѣли вступить въ подробное повѣствованіе всѣхъ полезныхъ разпоряженій и учрежденій, которыя онъ въ разсужденіи государственной экономіи, наращенія и управленія публичныхъ доходовъ, полиціи, земледѣлія и торговли, и (что въ глазахъ его было всего существеннѣе) всеобщихъ нравовъ и возпитанія юношества, отчасти дѣйствительно началъ дѣлать, а отчасти сдѣлалъ *бы*, естьли *бы* его до того допустило время. Но все сіе не касается до начертанія настоящаго творенія; да и въ самомъ дѣлѣ не видимъ ли мы, къ чему бы могло быть такое изслѣдованіе полезно въ такое время, въ которое наука правленія, кажется, возпріяла такой оборотъ, который мѣры и примѣръ нашего ироя столько же дѣлаетъ безполезнымъ, какъ и проэкты Аббата Сентъ-Піерра? Образъ, какъ упо-

употреблялъ прежде Агатонъ власть свою и достатокъ въ Аѳинахъ, можетъ читателямъ нашимъ подать и о томъ довольное понятіе, какимъ образомъ онъ употреблялъ почти неограниченную власть и царскій достатокъ.

Только единаго обстоятельства не можемъ мы пропустить, поколику оно имѣетъ ощутительное втеченіе въ слѣдующія нашего ироя приключенія. Діонисій во время прибытія Агатонова къ его Двору находился запутаннымъ въ войну съ Карѳагенцами, кои, подкрѣпляемы различными маленькими республиками Южной и Западной части Сициліи, подъ видомъ защищенія ихъ противу весьма великой силы Сиракузской, хотѣли междуусобное несогласіе Сицилянцовъ, какъ благопріятствующій случай, обратить въ свою пользу и подвергнуть сей для

ихъ купечественныхъ намѣреній безконечно выгодное положеніе имѣющій островъ совсѣмъ своей власти. Нѣкоторыя изъ сихъ малыхъ республикъ были обладаемы такъ называемыми тираннами, которые всѣ почти уже пометались въ объятія Карѳагенцовъ. Другіе сохраняли еще по сіе время нѣкоторый родъ вольности, и колебались между страхомъ быть побѣжденными Діонисіемъ и недовѣріемъ на намѣренія своихъ мнимыхъ защитниковъ въ равновѣсіи, которое каждую минуту угрожало склоненіемъ на сторону послѣднихъ. Тимократъ, которому Діонисій ввѣрилъ верьховное начальство надъ своими войсками въ сію войну, снискалъ чрезъ нѣкоторыя выгоды, полученныя надъ непріятелями, часто дешево покупаемую славу добраго генерала. Но помышляя болѣе при семъ случаѣ о собираніи лавровъ

ровъ и богатствъ, нежели стараясь о истинныхъ выгодахъ своего государя, болѣе онъ разширилъ огонь внутреннихъ безпокойствъ въ Сициліи, нежели утушилъ, и своимъ поведеніемъ сдѣлался у тѣхъ, кои еще не склонились ни на которую сторону, столько ненавистнымъ, что они намѣрены были объявить себя за Карѳагенцовъ противу Сиракузъ. Въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ Агатонъ думалъ, что краснорѣчіе его большую можетъ оказать услугу Діонисію, нежели вся знатная морская и сухопутная сила, находившаяся у Тимократа въ повелѣніяхъ. Онъ почиталъ за выгоднѣйшее Сицилію успокоить, нежели завоевать; онъ думалъ, что лучше побудить ее къ нѣкоторому роду добродѣтельной сдачи Сиракузамъ, нежели допустить ее подвергнуться опасностямъ и пагубнымъ слѣдствіямъ

ямъ такой, которая (сколько бы она щастлива ни была для Діонисія) ему ничего больше не доставитъ, какъ слабую и сомнительную выгоду умножить своихъ подданныхъ нѣкоторымъ числомъ принужденныхъ и недовольнахъ народовъ, на вѣрность коихъ ни единой минуты не можно положиться. Діонисій не могъ отказать въ пріятіи доводовъ, коими Агатонъ подкрѣплялъ свое намѣреніе и ласкалъ его надеждою вожделѣннаго успѣха. Вообще стояло ему равно, какимъ бы средствомъ онъ ни достигъ спокойнаго обладанія высочайшей власти въ Сициліи, естьли онъ только достигъ; и хотя онъ довольно былъ малъ, чтобы столько же много загордиться нѣсколько рѣшительными побѣдами своего полководца, какъ будто бы онъ самъ одерживалъ; однако съ другой стороны купно довольно

былъ

былъ слабъ и трусливъ почувствовать себя склоннымъ къ несславнѣйшему миру, какъ скоро съ нѣкоторымъ вниманіемъ размышлялъ о коловратности военнаго щастія. И такъ благороднѣйшія побудительныя причины нашего ироя нашли удобно къ нему входъ; или правильнѣе сказать: Агатонъ приписывалъ удобосклонность государскую впечатлѣнію на его духъ собственныхъ своихъ представленій, не примѣтя, что истинная оной причина находилась въ его скаредномъ естественномъ малодушіи. И такъ онъ удалился тайно (ибо весьма нужно было, чтобы Тимократъ ни мало не сомнѣвался о его намѣреніи) въ тѣ города, кои намѣрились подкрѣпить сторону Карѳагены. Ему удалось уничтожить противныя предразсужденія, коими онъ нашелъ всѣхъ сердца объятыми противу несно-

снаго мучительства Діонисіева. Онъ убѣдилъ столь совершенно всѣхъ сихъ многоразличныхъ народовъ въ сей важной истинѣ, что особенный интересъ каждой части точно нераздѣленъ отъ всеобщаго блага цѣлой Сициліи, и сдѣлалъ имъ столь лестную картину о благополучномъ состояніи сего острова, естьли бы всѣ части онаго союзомъ довѣренности и дружества соединились съ Сиракузами, какъ всеобщимъ средоточіемъ, что онъ больше получилъ, нежели надѣялся, да можетъ и больше, нежели желалъ. Онъ хотѣлъ только сдѣлать ихъ союзниками, а немного не доставало, что они, въ первомъ возхищеніи избыточествующей къ нему склонности, безъ всякаго договора не сдѣлались подданными такого государя, коего Министръ столько ихъ очаровалъ.

Пере-

Перемѣна, которая чрезъ то возпослѣдовала въ публичныхъ дѣлахъ, привела войну столь скоро къ окончанію, что Тимократъ не имѣлъ больше случая рѣшительнымъ дѣйствіемъ (которое однако могло быть выиграно или проиграно) собирать новыхъ лавровъ. Можно себѣ представить, снискалъ ли Агатонъ себѣ чрезъ сіе средство почтеніе и дружбу такого человѣка, котораго великое его щастіе и союзъ съ государемъ дѣлали важною особою въ обществѣ, и какими глазами взиралъ Тимократъ на радостныя движенія народовъ сопровождающихъ ироя нашего при его возвращеніи въ Сиракузы, знаки высопочитанія, съ коимъ онъ принимался государемъ, и чрезвычайную довѣренность, въ которой онъ утвердился симъ миролюбивымъ завоеваніемъ. Будучи принужденъ, сколько возможно, свое негодова-

ніе и ненависть свою къ толь побѣдоносному сопернику заключать въ себѣ самомъ, тѣмъ нетерпѣливѣе караулилъ случаи работать тайно о его паденіи; а случаи сіи, какъ можно себѣ безъ сомнѣнія вообразить, не рѣдки при Дворѣ, а особливо при Дворѣ такого государя, каковъ Діонисій.

Глава вторая.

Примѣры, что не все то, что блеститъ, есть золото.

Естьли Агатонъ во время управленія государствомъ, которое невступно продолжалось два года, снискалъ совершеннѣйшую довѣренность своего государя и пріобрѣлъ къ себѣ истинную любовь отъ всея области, коею онъ управлялъ, и естьли чрезъ то возвысился на высочайшій степень

пень славы, чести и мнимаго благополучія, которыя не заслужа обыкновенно дѣлаются предметомъ удивленія всѣхъ малыхъ и зависти всѣхъ равно злобныхъ душъ; то должно намъ признаться, что сія упрямая и слѣпая сила, которую называютъ щастіемъ, или случаемъ, самое малѣйшее въ томъ имѣла участіе. Заслуги, въ толь короткое время оказанныя государю и государству, успокоеніе Сициліи, величество и слава Сиракузъ твердо основанныя, украшеніе сея столицы, изправленіе градосмотрительства, оживленіе наукъ, купечества и всякаго рукомесла, и всеобщая любовь и привер-женность, которыя онъ умѣлъ возродить къ правленію до прибытія его опостылѣвшему; всѣ сіи благополучныя дѣйствія суть неоспоримымъ свидѣтельствомъ премудрости управленія его. Некорыстолюбіе его и правильность безпороч-

наго поведенія его въ разсужденіи всѣхъ разлили впрочемъ столь лучезарный свѣтъ на столь важныя и множественныя его заслуги, что тайные его непріятели, отчаясь возмочь ускорить немилость его столь скоро, какъ имъ желалось относительно къ тайнымъ своимъ намѣреніямъ, едва дерзали надѣяться на неизвѣстные и сомнительные случаи, могущіе имъ попасться при какомъ нибудь особливомъ *обстоятельствѣ*, коихъ они сами не могли предвидѣть.

Но какъ могъ такой мужъ, который поступалъ столько безпорочно и каждому доказывалъ дѣйствія своего благодѣянія, имѣть непріятелей? – такъ можетъ быть станутъ разсуждать тѣ, кои при случаѣ забыть кажутся, что мудрый человѣкъ необходимо долженъ имѣть всѣхъ дураковъ, а честный неизбѣжно

всѣхъ

всѣхъ нечестныхъ, естьли не явными, то по крайней мѣрѣ конечно всегдашними тайными непріятелями. Истина сія столько основана на природѣ самыхъ вещей и подтверждена опытомъ всѣхъ времянъ, что мы бы съ лучшимъ основаніемъ могли спросить: какъ не имѣть человѣку столь благородно поступавшему у себя непріятелей? Сіе не могло иначе быть, какъ что тотъ, коего всегдашнее попеченіе клонилось туда, дабы сдѣлать государя своего добродѣтельнымъ, или по крайней мѣрѣ пороки его обратить на добро, необходимо долженствовалъ навлечь на себя сердечную ненависть тѣхъ придворныхъ, кои (какъ Монтескіэ весьма несправедливо утверждаетъ о всѣхъ придворныхъ) ничего такъ не страшатся, какъ добродѣтели государской, и не знаютъ никакого вѣрнѣйшаго основанія своимъ надеждамъ, какъ его

его слабости. КакЪ знатнымЪ вельможамЪ СиракузскимЪ не почитать Агатона за единственное препятствіе своихЪ намѣреній и начертаній? ОнЪ, на примѣрЪ, требовалЪ, чтобы заслуга предшествовала всегда мздовоздаянію. А придворные напротивЪ того знали кратчайшій и покойнѣйшій путь, такой путь, по которому во всѣ времяна (выключая правленія АнтониновЪ) никчемугоднѣйшіе люди содѣлывали при ДворахЪ свое щастіе, -- ползающее ласкательство, слѣпое угожденіе страстямЪ государей и ихЪ любимцевЪ, нечувствительность ко всѣмЪ движеніямЪ совѣсти и человѣчества, глухота на гласы всѣхЪ должностей, неустрашимое безстыдство приписывать себѣ дарованія и заслуги, коихЪ никогда не имѣлЪ, проворная готовность кЪ содѣланію всякаго ненавистнѣйшаго злодѣйства, которое можетЪ

жетъ быть степенемъ къ нашему возвышенію, — и сей-то путь заградилъ имъ вдругъ Агатонъ. Они видѣли, доколѣ мужъ сей занимать будетъ мѣсто любимца у Діонисія, то нѣтъ возможности людямъ состояніемъ имъ подобнымъ дойти когда нибудь до удовлетворенія своему честолюбію. И такъ они его ненавидѣли; и мы увѣриться можемъ, что безъ всякаго тайнаго заговора, тлѣлся противу его въ сердцахъ всѣхъ сихъ придворныхъ нѣкоторый родъ единоумышленія. Но изъ всего сего еще ничто не выходило наружу. Личина, коею они почли за нужное прикрываться, столько уподоблялась естественному лицу, что самъ Агатонъ оною обманулся, и поступалъ съ Филистами, Тимократами и всѣми приверженными къ нимъ твореніями такъ, какъ будто бы почтеніе, ими ему оказываемое, и похвалы, разточаемыя на всѣ его пред-

предпріятія мѣрЪ, произходили отЪ чистаго сердца. Сіи честные люди сугубое предЪ нимЪ имѣли преимущество; ибо АгатонЪ, который ихЪ ни мало не подозрѣвалЪ, никогда не помышлялЪ строго за ними наблюдать. Они напротивЪ того, убѣждены будучи вЪ своей собственной злости, тѣмЪ осторожнѣе закутывали отЪ него истинные свои помыслы вЪ непроницательное *притворство. Увѣрясь, что всякій человѣкЪ необходимо долженЪ имѣть слабую* сторону, прилагали всевозможное стараніе сыскать и у Агатона, и подвергали его всѣмЪ родамЪ покушеній, такЪ, чтобы онЪ никакого вЪ ономЪ не взялЪ на нихЪ подозрѣнія. НаконецЪ увидя, что они нашли его равнодушна ко всему, или вооруженна противу нѣжнѣйшихЪ испытаній, коимЪ они сами обыкли подлежать, рѣшились ожидать, пока вывернется благопрі-

пріятствующій случай. Однако они покушались усыплять его очаровательнымъ изпареніемъ тончайшаго ласкательства, которое онъ тѣмъ удобнѣе могъ почитать за истинное дружество, когда оно имѣло всѣ онаго виды. Въ такой землѣ, при такомъ Дворѣ, гдѣ не было ни единаго человѣка, который бы не получилъ отъ него важныхъ услугъ, естественно слѣдовало бы почитать всякаго своимъ другомъ. Сіе намѣреніе удалось имъ, и должно признаться, что они чрезъ то уже весьма много передъ нимъ выиграли.

Впрочемъ не можемъ мы (къ славѣ ли то, или къ безчестію послужитъ нашего ироя) не признаться, что въ такое время, когда слава его взошла на высочайшій степень, когда Діонисій осыпалъ его доказательствами безпредѣльнаго благоволенія, когда онъ

онъ всею Сициліею почитался за Ангела покровителя, когда наконецъ онъ казался наслаждаться рѣдкимъ щастіемъ и имѣть только удивляющихся ему и друзей, а изъ непріятелей ни единаго; что въ толь ослѣпительномъ состояніи благоденствія госпожи Сиракузскія находились единыя, кои довольно ясно давали знать, что онѣ не очень благосклонно о немъ думали. Въ самомъ дѣлѣ съ такимъ станомъ, какъ его, одаренъ всемъ тѣмъ въ толико чрезвычайномъ степени, что можетъ плѣнять взоры и сердца, было весьма естественно, что онъ долженствовалъ привлечь на себя вниманіе красавицъ. Госпожи Сиракузанскія имѣли столько же острыя глаза, какъ и въ Смирнѣ, а при томъ столько же нѣжныя сердца, или въ недостаткѣ перваго, по меньшей мѣрѣ нѣчто такое, котораго движенія обык-

обыкновенно принимаются за истинную нѣжность сердечную; а коимъ наконецъ и въ семъ недоставало (естьли иначе находились такія), то имѣли по крайней мѣрѣ тщеславіе хотѣть казаться таковыми и не могли взирать съ безпристрастіемъ на упорную нечувствительность такого человѣка, коего побѣжденіе побѣдительницѣ его, казалось, чрезъ то самое обѣщало награжденіе первой ея пола красавицы. Въ глазахъ всѣхъ почти красавицъ любимецъ Монарха кажется всегда Адонисомъ. И такъ не естественно ли было желаніе сдѣлать чувствительнымъ Адониса, который еще сверьхъ того былъ любимецъ царскій и въ самомъ дѣлѣ (опричь имяни и нѣкакой повязки около главы) былъ еще больше, нежели самъ Монархъ? Можно положиться на искуство Сициліянскихъ красавицъ, что онѣ ничего не за-

будутъ изъ нужныхъ успѣховъ, дабы ему не оставить ни самой тѣни пристойнаго извиненія въ своей холодности. Да и чемъ бы въ самомъ дѣлѣ могла она извиниться? Мы еще примолвимъ, что человѣкъ обремяненный попеченіемъ о дѣлахъ всего государства не имѣлъ столько празднаго времяни, какъ молодый, у котораго нѣтъ ничего важнѣе, какъ показать лицо свое раза два на днѣ въ передней, а остальное время мыкаться изъ одной бесѣды въ другую и жеманиться предъ красавицами. Но какъ бы кто упражненъ ни былъ, однако всегда оставляетъ часы для самаго себя и для своего удовольствія. И хотя Агатонъ дѣлалъ себѣ должность свою нѣсколько труднѣе, нежели она бываетъ обыкновенно въ наши времяна, въ которыя найдено таинство поступать съ труднѣйшими и важнѣйшими дѣлами

ми съ нѣкоторою, грубымъ родоначальникамъ нашимъ несвѣдомою, легкостiю — можетъ быть не такъ хорошо, однако безъ сомнѣнiя прiятнѣе. — Однако вѣроятно, что онъ имѣлъ такiя часы. Втеченiе его въ правленiе государства, казалось, столь малаго стояло ему труда, духъ его столько былъ воленъ, онъ столько блисталъ живностiю и забавами въ бесѣдахъ и на праздникахъ, при коихъ его Дiонисiй всегда почти желалъ имѣть около себя, что отмѣнность его поступка противу дамъ Сиракузскихъ долженствовала быть приписуема естественно совсѣмъ другой причинѣ, нежели величеству и множеству его упражненiй. И такъ надлежало для точнѣйшаго объ ономъ уразумѣнiя возымѣть прибѣжище къ другимъ положенiямъ. Сначала всѣ красавицы другъ друга подозрѣвали взаимно быть тайною при-

причиною сея холодности; и доколѣ продолжалось сіе подозрѣніе, то надлежало смотрѣть съ какими глазами добрыя дамы одна за другою присматривали. — Ничто не избѣгало безпокойныхъ и ревнивыхъ ихъ взоровъ; но часто въ самую ту минуту, когда онѣ уже думали, что сдѣлали открытіе, и когда уже воображали, что угадали свою соперницу, то новое открытіе уничтожало опять первое, и наконецъ нашлось, что онѣ другъ друга взаимно напрасно клепали. Агатонъ былъ противу всѣхъ равно учтивъ, а не любилъ ни которой. Трудно было догадаться, чтобы онъ былъ зараженъ прелестями какого нибудь отсутствующаго лица; ибо что бы его побудило хранить предметъ своея любви отъ себя въ отдаленности? И такъ напослѣдокъ никакихъ другихъ не оставалось догадокъ, кромѣ

тѣхъ,

тѣхъ, кои нашему ирою и тѣмъ и другимъ образомъ не дѣлали особливую честь и не уменьшали справедливой досады, которую при столь мало естественномъ и во всякомъ разсужденіи столь ненавистномъ явленіи надлежало чувствовать.

Читатели наши, кои еще не могли забыть, что Агатонъ былъ въ Смирнѣ, попадутъ скоро на такую мысль, какой конечно не представится духу Сиракузанскихъ дамъ. Сирѣчь, можетъ быть у сихъ недоставало въ привлекательныхъ силахъ для содѣланія прочнаго впечатлѣнія на такое сердце, которое послѣ Данаи (какую картину сіе единое имя представляетъ!) не скоро могло найти другой предметъ достойный возбудить его любопытство. Но естьли извѣстія, коимъ мы послѣдуемъ въ сей повѣти, за-

служиваютъ вѣру, то столь мало для помянутыхъ дамъ ласкательствующая догадка не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Не должно сомнѣваться, чтобы Сиракузы не имѣли такихъ красавицъ, кои бы столько же хорошо, какъ и Данае, могли служить Поликтетамъ образцомъ; и сіи красавицы имѣли еще къ тому такія преимущества, кои довольно возвышали естественныя ихъ пріятности; нѣкоторыя имѣли *остроту*, другія слишкомъ одарены были нѣжностію, а иныя по крайней мѣрѣ обладали нарочитою частію того благороднаго безстудства, которое иногда гораздо скорѣе доводитъ до цѣли, нежели всесовершеннѣйшія прелести, естьли онѣ, сокрыты будучи подъ завѣсою скромности, кажется, измѣняютъ въ самихъ себѣ вредному недовѣрію. И такъ сіе не могло быть тѣмъ, что дѣлало Агатона

столь-

столько воздержнымъ. -- Изрядно. Такъ можетъ быть онъ употреблялъ какое нибудь Сократическое таинство, и въ сокрытыхъ объятіяхъ какой нибудь милой Ципассисы нашелъ легчайшее средство въ свѣтѣ дать себѣ видъ Ксенократа? О! и это не то; по крайней мѣрѣ повѣствованія наши не упоминаютъ о семъ ничего. И такъ, дабы не задерживать читателя тщетными догадками, мы признаемся, что истинная причина холодности нашего ироя была нѣчто столь естественное и столь простое, что (какъ бы скоро мы сіе открыли) Шагъ Багамъ самъ вообразилъ бы себѣ, что онъ естьли не самое сіе, то по крайней бы мѣрѣ почти нѣчто весьма близкое ожидалъ.

Купецъ, препроводившій ироя нашего въ Сиракузы, былъ одинъ изъ тѣхъ, коимъ онъ ввѣрилъ

портретъ своея Псиши на тотъ конецъ, чтобы съ тѣмъ лучшимъ успѣхомъ можно было ее во всѣхъ отыскивать мѣстахъ. Агатонъ взпомнилъ о семъ обстоятельствѣ не прежде, какъ онъ нѣкогда увидѣлъ образъ сей нечаянно въ кабинетѣ своего друга. Все то, что бы онъ почувствовалъ, естьли бы то была сама Псише, чувствовалъ онъ въ сію минуту. Возпоминанія первой его любви такъ чрезъ *то снова* оживотворились, что онъ (сколько ни слаба была его надежда увидѣть еще когда нибудь подлинникъ сего дражайшаго образа) подкрѣпился вновь въ своемъ намѣреніи пребывать вѣрнымъ ея возпоминанію. И такъ Сиракузанскія дамы имѣли дѣйствительно соперницу. Но какъ можно было имъ угадать, что сіи нѣжные вздохи, которымъ сердце его дало свободное теченіе, и коихъ каждая изъ нихъ желала

быть

быть предметомъ, въ полуночное безмолвіе изпускаемы были къ живописной обладательницѣ?

Глава третія.

Клеонисса.

Между всѣми дамами, кои находили себя обиженными нечувствительностію нашего ироя, не могла ни единая спориться съ прекрасною Клеониссою въ цѣнѣ наиблестящихъ преимуществъ. Совершенно правильная красота (съ позволенія тѣхъ, кои при томъ могутъ интересоваться предпочитать прелести свои самой Венерѣ) между всѣми свойствами, которыя можетъ имѣть дама, есть то, которое дѣлаетъ наиобщее, быстрѣйшее и сильнѣйшее впечатлѣніе, и оно имѣетъ для добродѣтельныхъ лицъ еще сіе неоцѣненное преимущество, что оно

желаніе быть любиму обладательницею столь рѣдкаго преимущества въ тужъ минуту чрезъ нѣкоторый родъ механическаго почтенія, противу котораго едва бы могъ защититься наипредерзскій Сатиръ, отстращиваетъ. Клеонисса обладала симъ совершенствомъ въ такомъ степенѣ, который наихладнѣйшимъ знатокамъ изящнаго ничего не оставлялъ похулить. Не возможно было взирать на нее безъ удивленія. Но необыкновенное воздержаніе, которое она приняла, величественное, которое она своему виду, взорамъ своимъ и всѣмъ своимъ движеніямъ умѣла дать, съ славою строгой добродѣтели, которую она себѣ чрезъ то пріобрѣла, подкрѣпило столько означенное естественное дѣйствіе ея красоты, что никто не хотѣлъ отважиться на опасность сдѣлаться Иксіономъ сея новой Юноны.

По-

Посредственность ея произхожденія и какъ состояніе, такъ и осторожность ревниваго ея мужа, содержали ее во время перваго ея юношества въ толь великомъ отдаленіи отъ свѣта, что она совсѣмъ была новымъ явленіемъ, какъ Филистъ (который ее не извѣстно гдѣ досталъ и нашелъ средство добрымъ порядкомъ сдѣлать ее вдовою) представилъ ее какъ свою супругу ко Двору Принцессъ, подъ коимъ имянемъ заключались мать, супруга и сестры Діонисія. Столько же мало разположенъ, какъ и его предшественникъ, къ раздѣленію съ другимъ женъ съ толь особливыми преимуществами, употребилъ всю осторожность, какую только всегда употребить можетъ скупый обладатель драгоцѣннаго сокровища для сохраненія его отъ хитрѣйшаго подъиска. Но добродѣтель сея госпожи и

господствующая склонность, оказываемая Діонисіемъ въ первыя лѣта его правленія къ тому классу красавицъ, который не дѣлаетъ столько затрудненій, а можетъ быть и нѣкоторая охолодѣлость, которая обыкновенно по протеченіи двухъ или трехъ лѣтъ наслажденія, а иногда и гораздо ранѣе, непримѣтно пріобрѣтаетъ нечувствительно сердце самой тоя, которая обладаетъ наивеличайшими красотами, — *такъ усмирили* его ревность, что онъ въ послѣдующее время ни мало не усомнѣвался отпускать ее на посиденки къ Принцессамъ столь часто, сколько имъ угодно было. Мы не будемъ изслѣдовать, была ли Клеонисса тогда дѣйствительно столько добродѣтельна, какъ, казалось, доказывала суровость ея поступка противу мущинъ и строгія правила, по которымъ она собственный свой судила полъ. Доволь-

вольно, что Принцессы и самЪ ея супругЪ совершенно вЪ томЪ были убѣждены, и что еще никто изЪ придворныхЪ не осмѣливался искушать столь достопочтенную добродѣтель.

ВЪ то время, какЪ ПлатонЪ при ДворѢ Діонисія вЪ великомЪ находился почтеніи, то Клеонисса была одна изЪ усерднѣйшихЪ почитательницЪ сего мудреца и та, которая научилась говорить о высокой фразеологіи его метафизики сЪ великою свободностію. ИзЪ желанія ли то отличиться какЪ своимЪ духомЪ, такЪ и фигурою, отЪ прочихЪ своего пола, или произошло сіе по другой какай нибудь побудительной причинѣ, того мы не знаемЪ. Но то намЪ извѣстно, что она сыскивала всякіе случаи сЪ жадностію внимать божественному Платону. Также показывала она отмѣнное вы-

высокопочитаніе къ его лицу, несомнѣнную вѣру мнѣніямъ его о красотѣ и любви и ко всѣмъ прочимъ частямъ его философской системы; однимъ словомъ, въ короткое время сдѣлалась подобною и душею и тѣломъ Платоническомъ понятію. Не весьма ли естественно было со стороны мудраго загордиться такою ученицею? Онъ взиралъ на нее окомъ художника, который самъ *себѣ нравится за твореніе рукъ своихъ*. *Клеонисса*, казалось, усовершила торжество его философіи. Это правда, что отъ него только зависѣло при случаяхъ дѣлать нѣкоторыя примѣчанія въ прекрасныхъ ея глазахъ, которыя бы его, безъ пространной чреды заключеній, могли привести на надѣяніе, что не невозможно бы было богиню сію сдѣлать ласковою и обходительною. Но добрый Платонъ, которому щиталось тогда слишкомъ

шестьде-

шестьдесятъ лѣтъ, не дѣлалъ больше подобныхъ сему наблюденій. И такъ Клеонисса оставалась въ достоинствѣ живаго доказательства Платоническаго ученія, „что внѣшняя красота есть „отраженіе (reflectio) смыслящей „красоты духа „ Предразсужденіе къ ея добродѣтели находилось въ равновѣсіи со впечатлѣніемъ, которое прелести ея могли сдѣлать; и она имѣла удовольствіе совершеннѣйшее равнодушіе, хранимое къ ней Діонисіемъ, приписывать премудрости своего поведенія и снискивать чрезъ то себѣ новое у Принцессъ почтеніе.

Но -- о чудная перемѣна! и какъ изрядно можно приложить то Солоново изрѣченіе къ добродѣтели ироинь, „Что никого не „должно почитать прежде его „кончины благополучнымъ! „ -- Клеонисса увидѣла Агатона и --

пре-

престала быть въ сiю минуту Клеониссою. -- Однако нѣтъ; сiе не есть прямое выраженiе, хотя оно кажется быть по Платонову употребленiю языка. Лучше сказать, она доказала, что Принцессы, и она сама, и ея супругъ, и вся селенная (не выключая и божественнаго Платона) весьма обманулись, почетши прекрасную Клеониссу за нѣчто другое, нежели она была дѣйствительно и какою она долженствовала показаться съ первыхъ минутъ всякому человѣку (напримѣръ Аристиппу) судящему о ней безъ предразсужденiя и безъ предубѣжденiя.

Удивляться толико естественному случаю было бы, по нашему разсужденiю, великимъ грѣхомъ противу никогда довольно не возхвалимаго NIL ADMIRARI, въ которомъ (по мнѣнiю опытныхъ зна-

знатоковъ человѣческихъ вещей) собственное таинство философскихъ Адептовъ лежитъ сокровенно. Прекрасная Клеонисса была — женщина. И такъ она имѣла свое участіе въ тѣхъ слабостяхъ, кои природа сдѣлала собственными ея полу, въ слабостяхъ, безъ которыхъ сія половина человѣческаго рода не была бы ни столько способна къ своему опредѣленію въ семъ подлунномъ свѣтѣ, ни въ самомъ дѣлѣ толикой любви достойна, въ какой она находится. Ибо наконецъ, сколько бы мало оставалось заслуги самой ихъ добродѣтели, естьли бы она самыми сими слабостями не охранялась, не очищалась и не сохранялись въ движеніи!

Какъ бы то ни было, госпожа сія, какъ скоро узрѣла нашего ироя, то почувствовала нѣчто такое, что могло обезпокоивать

добродѣтель обыкновенной смертной. Но есть добродѣтели столь сильнаго свойства, что ничто не въ силахъ ихъ поколебать; а добродѣтель Клеониссы была изъ числа сихъ. Она отдалась впечатлѣніямъ, кои безъ содѣйствія ея воли дѣлались на нее, со всякою неустрашимостію, которую обыкновенно придаетъ знаемость нашея силы. Совершенство предмета оправдало чрезвычайное высокопочитаніе, которое она къ нему оказывала. Великія души суть всѣхъ свойственнѣе къ отданію взаимной справедливости. Самолюбіе ихъ столько въ семъ находитъ свои выгоды, что оно пристрастность другъ къ другу весьма далеко можетъ простирать, не опасаясь быть подозрѣваемымъ въ особливыхъ намѣреніяхъ. Столь безчестное подозрѣніе не могло и безъ того пасть на величественную и добродѣтельную Клеониссу. Однако

нако между тѣмъ ничего не было естественнѣе ея ожиданія, что она въ нашемъ ироѣ возбудитъ самой сей, естьли еще не высшій степень удивленія, который она къ нему ощущала. Ожиданіе сіе превратилось (столько же естественно) въ нѣкоторое съ унылостію удивленіе, когда она увидѣла себя въ томъ обманутою. И что могло иное возродиться изъ подобнаго удивленія, какъ сильное желаніе доставить своему, равнодушіемъ его крайне озлобленному, самолюбію полное удовольствіе? И естьли бы она сама сохранила обыкновенное свое равнодушіе, то бы она по праву могла ожидать, что столь тонкій знатокъ умѣлъ бы возчувствовать ея достоинство и отличить Клеониссу отъ прочихъ меньшихъ звѣздъ, коимъ позволено только блистать въ время ея отсутствія. И такъ сколько она долженство-

вала почитать себя обиженною, когда она съ симъ благороднымъ возторгомъ, съ которымъ преимущественныя души умѣютъ полагать себя свыше небольшихъ сомнѣній обыкновенныхъ людей, полетѣла ему напротивъ и доказательства своего симпатическаго почтенія столь долго удерживать не удостоила, пока она не увѣрилась о его? Но какъ сіе зависѣло отъ ея самолюбія, опредѣлять *величество озлобленія* по чувствованію ея собственнаго достоинства; то было лице, которое она принять противу ироя нашего предположила, самое жесточайшее, какое только всегда возродиться можетъ въ сердцѣ обиженной красавицы. Она хотѣла употребить на то всю силу всѣхъ своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ прелестей, подкрѣпясь всѣми хитростями самаго тончайшаго волокитства (което столь все-

общіе

общій духЪ, какЪ ея, по крайней мѣрѣ долженЪ обладать теоріею), чтобы повергнуть своего неблагодарнаго кЪ своимЪ ногамЪ; она вознамѣрилась содержать его долгое время между страхомЪ и надеждою; ввергнуть его вЪ плачевное состояніе изнуряться любовію и желаніемЪ, какЪ другаго Селадона; наслаждаться зрѣлищемЪ его вздоховЪ, слезЪ, жалобЪ, возклицаній; забавляться долгое время всѣми другими безуміями влюбленнаго дурачества — и наконецЪ заставить его вдругЪ возчувствовать все бремя хладнѣйшаго презрѣнія. Сколь благоразумно было сіе мщеніе, столь ревностно и сЪ толикимЪ имуществомЪ произведены были вЪ дѣйство кЪ тому приуготовленія; и надлежитЪ признаться, что естьли бы успѣхЪ намѣреннаго зависѣлЪ единственно отЪ хорошаго изполненія, то бы прекрасная Клео-

нисса могла надѣяться совершеннѣйшаго торжества, какое только когда нибудь одержано было надъ непокорностію упрямаго сердца. Но естьли бы Агатонъ попался въ сѣти, кои ему ставила сія госпожа, то способна ли бы она была простирать мщеніе свое столь далеко, какъ она сама себѣ обѣщалась? -- есть такая задача, которой рѣшеніе можетъ быть ее самое, естьли бы пришло къ случаю, въ немалое погрузило замѣшательство. Но Агатонъ не допустилъ сего столь далеко. Онъ подалъ въ семъ случаѣ новый опытъ, что одна Данае способна только была къ изысканію слабой стороны его сердца. Клеонисса изтощила почти уже половину своихъ хитростей, пока онъ примѣтилъ, что производится противу его умыселъ; а какъ скоро онъ сіе узрѣлъ, то холодность его по размѣрности усугубляемыхъ

сю домогательствѣ, возрасла до такого степеня, или (яснѣе сказать) разстановка, произведенная ея ухищреніями съ мнимою возвышенностію ея образа разсужденія и съ величествомъ ея добродѣтели, сдѣлала вѣ немъ столь худое дѣйствіе, что прекрасная Клеонисса увидѣла наконецъ себя принужденною надежду торжества, которою тщеславіе ея ласкалось, совсѣмъ пресѣчь. Неистовство ея, вѣ которое она чрезъ то впала, превратилось вѣ совершенную ненависть; но она умѣла движенія сея страсти столь искусно скрыть, что ни Дворъ, ни самъ Агатонъ не могли примѣтить, съ какою нетерпѣливостію искала она случая заставить его возчувствовать дѣйствія оной.

Глава четвертая.

Придпорная комедія.

Въ такомъ состояніи находились дѣла, какъ Діонисій, наскуча спокойнымъ наслажденіемъ всегда прелестной Бакхидіоны и ея танцовъ, въ первый разъ помыслилъ сдѣлать наблюденіе, что Клеонисса прекрасна. Едва разсмотрѣлъ онъ ее съ нѣкоторымъ примѣчаніемъ, то показалось ему, что онъ никогда ничего не видывалъ столь прекраснаго; и теперь-то началъ онъ удивляться, откуда произходило, что онъ ранѣе не сдѣлалъ сего разсмотрѣнія. Наконецъ взпомнилъ онъ, что дама сія всегда отличалась строгою добродѣтелію и явнымъ вкусомъ къ метафизическимъ познаніямъ; и тогда-то онъ не сомнѣвался болѣе, что сему обстоятельству быть надлежало, что ему препятствовало прежде отдать красотѣ

ея справедливость. Нѣкоторый родъ механическаго почтенія къ добродѣтели, произходящій отъ его естественной нечувствительности и трудности ее побѣдить, можетъ быть удержалъ бы его и сей разъ въ предѣлахъ простаго удивленія, естьли бы одно изъ сихъ маленькихъ произшествій, бываемыхъ столь часто причиною наивеличайшихъ приключеній, не перемѣнило естественную его нечувствительность вдругъ въ стремительнѣйшую страсть. Но какъ сіе приключеніе оставалось всегда неизвѣстною повѣстью, то мы и не можемъ заподлинно сказать, было ли оно можетъ быть изъ рода тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ новѣйшія времяна подали случай сестрѣ славнаго Герцога Малборугскаго положить первое основаніе чрезвычайному щастію, до котораго достигла ея фамилія. По крайней мѣрѣ сіе из-

вѣстно, что отъ сего тайнаго приключенія страсть и намѣренія государя обнаружились столь малосомнительнымъ образомъ, что добродѣтель прекрасной Клеониссы подвергнулась жестокому сомнѣнію, какимъ бы образомъ то, чѣмъ она должна была сама себѣ, соединить съ должностями къ своему государю. Діонисій былъ столько принудителенъ и столько неосторожен ъ! — А она, которая въ каждой другой женщинѣ зрѣла соперницу и при каждомъ шагѣ присматриваема была тысячею ревнивыхъ глазъ, готовыхъ малѣйшую ея проступку столь многими же свидѣтелями открыть всему свѣту, — сколько ей осторожности надлежало хранить! съ одной стороны зрѣла у ногъ своихъ сильнаго государя, пылающаго наиживѣйшею любовію, съ нетерпѣливостію желающаго посвятить всю свою безпредѣльную власть

и блескъ діадемы за наималѣйшее къ нему оказаніе благосклонности; съ другой же сіяющая слава добродѣтели, которую еще никто изъ смертныхъ не осмѣливался подозрѣвать, довѣренность Принцессѣ, почтеніе своего мужа! Надлежитъ признаться, что тысяча другихъ ея пола на ея мѣстѣ не умѣла бы пособить двумъ на столь разныя стороны влекущимъ силамъ. Но Клеонисса, хотя она въ первый разъ находилась въ семъ затрудненіи, знала сіе такъ изрядно, что ей все начертаніе ея поступка противу тиранна, которому она долженствовала слѣдовать, едва стояло единой въ безсоницѣ препровожденной ночи. Она съ перваго взгляда увидѣла, сколь важны были выгоды, кои она могла въ сихъ обстоятельствахъ получить отъ своея добродѣтели. Для удержанія необузданнаго государя въ сво-

своихъ оковахъ навсегда и для сохраненія дружества Принцессъ и своея славы, она судила, что надежнѣйшее средство было благоразумное употребленіе всѣхъ ея прелестей. И такъ она противополагала постоянно его объясненіямъ, обѣщаніямъ, прозьбамъ, угроженіямъ (ибо на хитрѣйшія подыски онъ былъ ни нѣженъ, ни довольно пронырливъ), добродѣтель, которая его необходимо своею непреклонностію долженствовала бы утомить, естьли бы она изъ сострраданія въ то же время не почла за приличное облегчить нѣсколько мученіе его сими маленькими снизхожденіями, кои долженствовали во основаніи казаться Діонисію нѣкоторымъ родомъ благосклонности, однако такъ, чтобы такой любовникъ, какъ онъ, не могъ себѣ представить, что добродѣтель любовницы его претерпѣваетъ отъ того не-

небольшой ущербЪ. НѢжная чувствительность ея сердца, безпрестанное насиліе, которое она обязана была причинять себѢ, чтобЪ противиться столь любви достойному государю, тайныя признанія своея слабости, которая вЪ самое то же время, когда она, казалось, упорствовала ему сЪ большею силою, вырывалась противу ея воли изЪ прекрасныхЪ ея грудей — о добродѢтельная Клеонисса! какая изрядная была ты актриса! — и что долженствовалЪ быть Діонисій, когда онЪ, при толикихЪ видахЪ, потерялЪ наконецЪ надежду сдѢлаться когда нибудь благополучнымЪ?

Однако не взирая на всякую осторожность, сЪ которою поступала Клеонисса, страсть государская и непобѢдимая добродѢтель его богини была — такая тайна, о которой зналЪ весь

ДворЪ,

Дворъ, хотя не давалъ примѣтить, что онъ имѣетъ глаза и уши. Она простерла предосторожность свою до того, что съ самой тоя минуты, какъ скоро не могла болѣе сомнѣваться о его къ себѣ страсти, сдѣлала собственныхъ сестеръ государя своими довѣренными. Сіи открыли все его супругѣ, а супруга его матери. Принцессы (кои о прежнихъ его изступленіяхъ всегда воздыхали тщетно, а особливо крайнее имѣли отвращеніе къ бѣдной Бакхидіонѣ безъ всякой другой причины, а въ удовлетвореніе единственно своему упрямству) весьма обрадовались, что склонность его устремилась наконецъ на добродѣтельный предметъ. Отмѣнное благоразуміе прекрасной Клеониссы питало ихъ надеждою, что ей удастся непримѣтно поставить его на истинный путь. Она сообщала имъ каждый разъ

вѣрное извѣстіе о всемъ происходившемъ между ею и ея любовникомъ, -- или по крайней мѣрѣ о всемъ томъ, что Принцессы почитали за нужное знать. Всѣ мѣры, какимъ образомъ поступать ей противу его, были постановляемы въ кабинетѣ Королевы; и сія добрая дама (которая имѣла нещастіе чувствовать живѣе холодность своего супруга, нежели надлежало ей для своего спокойствія) прилагала всевозможныя движенія подкрѣплять старанія добродѣтельной Клеониссы. Все сіе составляло нѣкоторый родъ тайнаго умышленія, которое по мнѣнію ихъ никѣмъ не было свѣдомо и ввергнуло весь Дворъ во внутреннее движеніе. Одинъ Филистъ, который больше всѣхъ имѣлъ причины быть внимательнымъ, ничего не зналъ о всемъ томъ, что извѣстно было всему свѣту, или по крайней мѣрѣ дока-

казывалъ во всемъ своемъ поведеніи столь рѣдкую безопасность, что мы бы (естьли бы намъ была не извѣстна чрезвычайная довѣренность, которую онъ имѣлъ причину полагать на добродѣтель своея супруги) почти неизбѣжно долженствовали подозрѣвать, будто онъ могъ имѣть при семъ поведеніи извѣстныя намѣренія, кои не сдѣлали бы свойству его никакой особливой чести.

Какъ бы то ни было, Діонисій продолжалъ осаду съ крайнѣйшимъ упорствомъ и съ надеждою, которую храбрѣйшее сопротивленіе мудрой Клеониссы дѣлало еще всегда сомнительною. Любовь, казалось, еще не много выигрывала надъ ея добродѣтелію; однако сія начинала мало по малу ослабѣвать отъ ея величества и давать знать, — что она не совсѣмъ несклонна вступить при довольной без-

безопасности въ тайное сношеніе, естьли только оно имѣетъ предметомъ единую любовь душъ. Принцессы съ совершеннѣйшею довѣренностію на непорочныя прелести своея пріятельницы ожидали обнаруженія сея комедіи; а Филистъ былъ столько снизходителенъ и безпримѣрно нечувствителенъ, какъ Агатонъ, къ нещастію для его и для Сициліи, по ревности, которая въ придворномъ человѣкѣ толикаго проницанія едва извинительна, вздумалъ благополучный успѣхъ различныхъ намѣреній, при которыхъ Діонисій, Клеонисса, Принцессы, -- а можетъ быть и Филистъ -- думали быть уже столько близко, прерывать безвремяннымъ своимъ посредствіемъ.

Глава пятая.

Погрѣшности учиненныя Агатономъ противу градомудрія. Слѣдствія онаго.

Довѣренность, въ которой обыкновенно жилъ Діонисій съ своими любимцами, и естественная необходимость влюбленнаго имѣть кого нибудь такого, кому онъ можетъ открывать свое страданіе, или свое блаженство, не позволили ему сдѣлать Агатону тайну изъ своея новой любви. Сначала простиралъ сей угодность до того, что прослушивалъ цѣлые часы подробности, часто скучныя, нѣжныхъ мученій наислабѣйшаго любовника, какого никогда не бывало. Агатонъ не охуждая прямо его выбора (ибо какого дѣйствія могъ онъ отъ того надѣяться), довольствовался представленіемъ ему препятствій, которыя противуположитъ ему

дама столь строгой и систематической добродѣтели. Онъ ему начерталъ всѣ сіи трудности съ такою силою, что ласкалъ себя отвратить его чрезъ то отъ такого намѣренія, которое по видимому по крайней мѣрѣ долженствовало отвлечь его въ ужасную продолжительность, способную его отвратить. Но какъ онъ увидѣлъ, что Діонисій вмѣсто того, чтобы сопротивленіемъ скучать, день отъ дня болѣе почерпалъ надежды наконецъ утомить сію строгую добродѣтель упорно повторяемыми нападеніями; то думалъ, что онъ не досадитъ прекрасной Клеониссѣ, подозрѣвая ее въ хитромъ поведеніи, которое умѣло въ самое то время, когда она казалась лишать его всей его надежды, страсть царскую ободрять. Чѣмъ пристальнѣе разсматривалъ Агатонъ сію даму, тѣмъ болѣе открывалъ онъ об-

 сто-

стоятельствъ, подкрѣпляющихъ его въ семъ подозрѣніи; и какъ естественно его негодованіе противу величественныхъ добродѣтелей и ей стало видно, то онъ теперь почиталъ себя совершенно убѣжденнымъ, что мудрая и по наружности только добродѣтельная Клеонисса, была ни больше, ни меньше, какъ истинная обманщица, которая хитрымъ сопротивленіемъ хотѣла вмѣстѣ сохранить славу непобѣдимости и тѣмъ крѣпче легкомысленнаго Діонисія запутать въ свои сѣти.

Съ сего времяни началъ ирой нашъ почитать ковъ сей за важный и ставить себя обязаннымъ, какъ по должности государю, къ которому онъ при всѣхъ его слабостяхъ чувствовалъ нѣкоторый родъ склонности, такъ и по ревности о благосостояніи государства, противиться съ уси-

усиліемъ такому дружеству, которое какъ для одного, такъ и для другаго, могло имѣть весьма худыя слѣдствія. Бакхидіонъ казалась ему со стороны сердца — или правильнѣе сказать, по причинѣ своего благополучнаго тѣлосложенія — не смотря на всеобщее и справедливое предразсужденіе къ ея состоянію, быть въ сравненіи съ сею добродѣтельною госпожею весьма милою особою. И какъ она въ безпокойствѣ, въ которое ее всегда возрастающая холодность государская начала погружать, взяла къ нему свое прибѣжище, то нашъ ирой вступился за нее, тѣмъ менѣе разсудя съ нѣкоторою гораздо большею ревностію, нежели можетъ быть позволяло достоинство его свойства. Діонисій больше ее не любилъ; однако онъ присвоялъ еще себѣ всегда на нее такія права, которыя по ея мнѣнію могла

только вперять въ него одна любовь. Прекрасная Бакхидіонъ примѣтила, что она только должна заступать мѣсто въ его объятіяхъ во время своея соперницы; и хотя она была простая токмо танцовщица, однако она почитала себя способною къ такому чину. И такъ она предпріяла съ своея стороны сдѣлать также жестокое и попытать, не больше ли она выиграетъ суровымъ и упругимъ поступкомъ, смѣшаннымъ съ надлежащимъ пріемомъ кокетства, нежели нѣжными жалобами и сугубо изтощаемою ласкою. Хитрость сія имѣла столь изрядный успѣхъ, что Агатонъ (который почиталъ себя очень рано увѣреннымъ въ побѣдѣ) думалъ, что онъ нашелъ благополучную минуту признаться откровенно Діонисію, сколь мало онъ имѣетъ вниманія ко мнимой добродѣтели прекрасной Клеониссы. Но слѣдствія

тайнаго разговора, который они вели между собою о сей матеріи, не отвѣчали ожиданію нашего ироя. Все вредное, что ни могъ говорить Агатонъ государю о его новой богинѣ, весьма высоко доказывало, что она не столь заслуживаетъ почтенія, какъ онъ думалъ; но сіе не уменьшило его желаній. Тѣмъ лучше для его намѣреній, когда она была не столько добродѣтельна! Хотя онъ сей благодарной мысли и не показалъ своему любимцу; но Клеонисса тѣмъ яснѣе оную и скорѣе примѣтила. Діонисій едва успѣлъ узнать, что добродѣтель дамы есть только одно пугало, то поспѣшилъ сколько возможно употребить въ свою пользу сіе открытіе, и ввергнулъ ее въ удивленіе такимъ поступкомъ, который съ прежнимъ его обращеніемъ, а еще больше съ величествомъ ея свойства, сдѣлалъ весьма оскорбительную

ную разпрю. Хотя онъ думалъ, что дѣйствовалъ въ семъ съ великою скромностію, когда онъ ей признавался не прямо, какія ему о добродѣтели ея внушены понятія; но дѣйствія его говорили о семъ такъ ясно, что она не могла сомнѣваться о томъ, чтобы кто нибудь не оказалъ ей худой услуги предъ государемъ. Обстоятельство сіе ввергнуло ее въ немалую разстройку, какимъ бы образомъ можно было ей согласить то, чѣмъ она должна была своему оскорбленному достоинству, съ опасеніемъ обезнадежить совсѣмъ слишкомъ жестокою строгостію толикой важности любовника. Но столь плодовитый въ способахъ духъ, какъ ея, умѣетъ вывернуться изъ самаго труднѣйшаго положенія. Однимъ-словомъ, Діонисій пошелъ отъ нее убѣдительнѣе, нежели когда нибудь, что она была сама добродѣтель.

Она имѣла таинство увѣрить его, что одна сила сего сострастія, привлекшая въ первой разъ душу ся взаимно къ его, могла быть способна заставить нѣкогда изполнить надежды, въ коихъ она ему ни позволяла, ниже совсѣмъ возбраняла. Съ сего времяни страсть государя и довѣренность Клеониссы возрастали со дня на день. Прекрасная Бакхидіонъ точно была отторгнута; и Агатонъ могъ бы читать на глазахъ своего государя, естьли бы онъ изъ устъ его не услышалъ, коликою надеждою ласкается Государь скоро собрать послѣдніе вздохи умирающей добродѣтели на губахъ нѣжной и еще слабо только противящейся Клеониссы.

Теперь думалъ онъ, что была самая пора сдѣлать такой шагъ который бы могъ только оправданъ быть крайнею необходимо-

 стію,

стію, но по его мнѣнію надежнѣйшимъ средствомъ былъ окончать сей опасный ковъ еще заблаговремянно. И такъ онъ послалъ просить къ себѣ Филиста, и открылъ ему, со всею довѣренностію честнаго человѣка, который думаетъ, что онъ разговариваетъ съ честнымъ человѣкомъ, близкую опасность, которой подвергается его честь и добродѣтель его супруги. Конечно не открылъ онъ благородному Филисту ничего такого, какъ — о чемъ уже въ самомъ дѣлѣ сей давно зналъ. Однако притворный Филистъ впалъ тѣмъ не менѣе въ изумленіе; впрочемъ отблагодарилъ ему въ наичувствительнѣйшихъ выраженіяхъ за столь несомнѣнный знакъ его дружбы, и увѣрилъ, что онъ подумаетъ о надежнѣйшемъ средствѣ привести жену свою (о которой онъ впрочемъ имѣетъ самое лучшее на свѣтѣ мнѣніе) противу

всѣхъ

всѣхъ искушеній любви боговъ въ безопасность.

Необходимо нужно приводить намъ на память при всякомъ случаѣ сіе важное правило: „ что „ надлежитъ обязывать людей по „ ихъ образу, какими они быть „ желаютъ, а не по нашему. „ Агатонъ думалъ оказать знатнѣйшую Филисту услугу, но не мало бы удивился тѣмъ рѣчамъ, кои сей достойный Министръ произнесъ къ нему, какъ скоро остался наединѣ. Въ самомъ дѣлѣ надлежало отъ сего притти въ неистовство, увидя отъ толь безвремянной ревности о его чести вдругъ лишеннымъ всѣхъ выгодъ его прежней неосторожности. Однако онъ, не сдѣлавшись въ глазахъ Агатона измѣнникомъ своея собственной чести, не могъ иначе сдѣлать; ему надлежало играть ревниваго. Комедія получила чрезъ

то на нѣсколько дней весьма трагическій образъ. Отъ коликаго бы труда могли сберечь себя главныя лица сея издѣвки, естьли бы они, снявши личины, захотѣли показаться другъ другу въ своемъ естественномъ видѣ? Но сіи свѣтскіе люди суть столь точные наблюдатели благопристойности! — И не должно ли намъ ихъ въ семъ похвалить? Они по крайней мѣрѣ доказываютъ тѣмъ, что они стыдятся своего *истиннаго вида*; а обязанность быть чѣмъ нибудь получше, нежели они суть, признаютъ они тайно. И такъ Клеонисса оправдалась предъ своимъ супругомъ, сославшись на Принцессъ, какъ истинныхъ свидѣтелей безпорочной невинности своего поведенія. Никогда не слыхано выше и выразительнѣе того краснорѣчія, которое Клеонисса употребила въ своей рѣчи для опроверженія несправедливости его подозрѣ-

зрѣнія. Наконецъ добрый мужъ не зналъ иначе пособить себѣ, какъ назвать того друга, который подалъ ему случай къ сему маленькому припадку ревнивости, которую онъ призналъ за совершенно несправедливую и наказанія достойную. Неистовство свирѣпѣющаго моря, -- ко отмщенію побужденнаго овода, -- или львицы, у коей похищены ея дѣти, суть только слабые образы въ сравненіи съ тою яростію, коею Клеониссино добродѣтельное сердце возпалилось при единомъ названіи имяни Агатона. Ничто въ самомъ дѣлѣ не могло съ оною сравниться, кромѣ удовольствія, коимъ мысль ее упоевала, что она наконецъ имѣетъ въ своей власти давно желанное отмщеніе неблагодарному презрителю ея прелестей. Она поступала съ Діонисіемъ (которому она за несносную обиду, претерпѣнную

отъ

отъ своего мужа отдала отчетъ) съ толь малымъ почтеніемъ и съ толикимъ величествомъ, гнѣвъ ея продолжался столь долго, что наконецъ государь, для утишенія ее, открылъ ей, сколь мало должна она быть обязана Агатону за мнѣніе, которое онъ имѣетъ о ея добродѣтели. „Теперь, говорила она, обнаружилась вся тайна. И въ самомъ дѣлѣ, примолвила хитрая Клеонисса, я бы весьма была *проста*, *когда бы требовала* изправленія такого человѣка, отъ мщенія котораго я имѣла естественно всего опасаться.„ Естьли Діонисій при сихъ словахъ изумился, то можно себѣ вообразить, какой онъ сдѣлалъ видъ, когда она ему къ своему принужденному оправданію обстоятельно открыла, что ненависть къ ней Агатона единственно произошла отъ того, что она не сочла за хорошее отвѣчать любви

бви его, которую онъ нѣсколько разъ осмѣливался предлагать. По истиннѣ, сіе по строгости было несправедливо, но будучи доведена до того, чтобы себя самое защищать, то удобно можно понять, что ей лучше свалить вину на щетъ такой особы, которая ей была ненавистна, нежели на самое себя. Однако сколько извѣстно, то она достигла чрезъ то своего намѣренія лучше желаемаго. Діонисій впалъ въ толь сильное возторженіе ревности къ своему недостойному любимцу — (сей столь недостойный любви Діонисіевой мужъ былъ Агатонъ!) — что Клеонисса, опасаясь неугоднаго себѣ объясненія, за коимъ могло послѣдовать нечаянное разрушеніе, увидѣла себя обязанною употребить всю свою власть, которую она имѣла надъ духомъ тиранна, для успокоенія и удержанія его. Она доказывала ему не-

необходимость поступать осторожно съ такимъ человѣкомъ, который по нещастію былъ идолъ государства. Діонисій почувствовалъ всю силу сего убѣжденія и возненавидѣлъ Агатона еще тѣмъ сильнѣе. Принцессы вмѣшались также въ сіе дѣло. Онѣ поставили нашему ирою въ великое преступленіе, что онъ, вмѣсто того, чтобы употреблять всю свою возможность на удерживаніе государя отъ его неумѣренныхъ страстей, взялъ подъ свое покровительство такую тварь, какова Бакхидіонъ, съ толикою ревностію. Не убоялись приписать сію великую ревность какой нибудь тайной побудительной причинѣ, и Филистъ представилъ немедленно свидѣтелей, которые открыли въ кабинетѣ государя разныя обстоятельства, кои, казалось, бросали сомнительный свѣтъ на воздержаніе нашего ироя и на вѣрность

ность нашея Бакхидіоны. Министрѣ сей конечно нашелѣ намѣренія своего государя на свою добродѣтельную супругу столь чистыми и неповинными, что было бы непристойно и смѣшно ревновать кѣ дружбѣ, которою онѣ ее удостоилѣ. Ежедневное приращеніе царской милости оправдало и наградило столь благородное снизхожденіе. Тимократѣ нашелѣ при сихѣ обстоятельствахѣ случай также войти вѣ прежнюю довѣренность; и оба соединились теперь сѣ торжествующею Клеониссою ускорить тѣмѣ ревностнѣе паденіе нашего ироя, чѣмѣ больше увѣряли вѣ своей кѣ нему дружбѣ.

Глава шестая.

Достопримѣчательный разговорѣ между Агатономѣ и Аристиппомѣ. Вознамѣренія перваго сѣ доподами за и про.

Мы видѣли вѣ двухѣ предыдущихѣ главахѣ примѣчанія достойный примѣрѣ (и дай Богѣ, чтобы сіи примѣры не представлялись намѣ столь часто вѣ самой жизни), сколь удобно дать видѣ добродѣтели порочнѣйшему свойству и безсовѣстной достойной ненависти душѣ. Агатонѣ тогда же узналѣ, что столько же легко намарать чистѣйшую добродѣтель ненавистными цвѣтами. Онѣ уже сіе изпыталѣ вѣ Аѳинахѣ. Но при сравненіи дѣйствительнаго своего нещастія сѣ прошедшимѣ случаемѣ казались ему его Аѳинскіе непріятели вѣ разсужденіи сихѣ презрительныхѣ тварей, коимѣ онѣ видѣлѣ себя по-

посвященнымъ, столь мудрыми, сколько ему представлялись они прежде виновными. Конечно живность настоящаго чувствованія уменьшила нѣсколько разсужденіе его о семъ пунктѣ. Ибо въ самомъ дѣлѣ кажется вся разность между республическою и придворною ложностію состоятъ въ томъ, что въ республикахъ принуждено необходимо принимать весьма наружный образъ добродѣтельныхъ обычаевъ; когда напротивъ того при Дворахъ довольно сдѣлано, естьли порокамъ, кои дѣлаютъ царскій примѣръ благороднымъ, или помощію которыхъ споспѣшествуется его намѣреніямъ, даются добродѣтельныя имяна. Но въ основаніи не гнуснѣе ли слышать восхищающагося, ласкающаго, покорнаго и въ тоже время прикрашивающаго бездѣльника, когда онъ совершенно въ совѣсти своей вѣдаетъ, что онъ никогда никакой

не имѣлъ чести, или въ сію минуту намѣренъ, естьли онъ ее имѣлъ, потерять ее, — говорящаго о должностяхъ за свою честь, какъ видѣть постояннаго, важнаго и задумчиваго бездѣльника, который, подъ покровительствомъ своея трезвости, уединенности и точнаго наблюденія всѣхъ наружныхъ обрядовъ вѣры и законовъ, есть непримиримый непріятель всѣхъ тѣхъ, кои иначе думаютъ, нежели онъ, или не хотятъ пособлять всѣмъ его намѣреніямъ, и ни мало не размышляетъ, какъ скоро согласіе его требуетъ, хорошее дѣло замять, или худое всею своею важностію подкрѣпить. Безпристрастно разсудить, то сей есть еще худшій человѣкъ; ибо онъ собственной льстецъ, когда тотъ только комедіантъ, который не требуетъ, чтобы его дѣйствительно почитали за такого, какимъ онъ себя представляетъ, но

но совершенно доволенъ, когда со-играющіе и зрители дѣлаютъ только то, а нимало не приходитъ ему на мысль безпокоиться о томъ, въ правду ли они такъ поступаютъ, или нѣтъ. Агатонъ имѣлъ теперь довольно празднаго времяни на подобныя сему размышленія; ибо довѣренность его и втеченіе очевидно умалялись, хотя по наружности все казалось быть на той же ногѣ, какъ и прежде. Діонисій и весь Дворъ ласкалъ ему такъ, какъ больше быть не льзя. Клеонисса сама, казалось, почла бы сама себя недостойною, естьли бы дала примѣтить на себѣ хотя нѣкоторую нечувствительность. Но тѣмъ больше дѣлано было ему неудовольствія тайными и сокровенными путями. Онъ долженъ былъ взирать, какимъ образомъ мало по малу подъ тысячею ложныхъ и никчемугодныхъ подлоговъ от-

рѣшали и уничтожали лучшія его разпоряженія, почитая ихъ за худо вымышленныя, излишнія, или за вредныя; а на мѣсто ихъ вводили другія, совсѣмъ противныя тѣмъ, кои онъ почиталъ за необходимо нужныя для общаго блага -- прилѣжно отдаляли небольшее число чиновниковъ съ дѣйствительными заслугами его производства -- толковали въ худую сторону его намѣренія, о всѣхъ его дѣйствіяхъ судили ложно по своему произволенію, и всѣ его преимущества и оказанныя заслуги обращены были въ смѣхъ. Въ самое то время, когда дарованія его и добродѣтели превозносили похвалами до небесъ, поступали съ нимъ также, какъ будто бы онъ не имѣлъ ни того, ни другаго. Изъ намѣреній политическихъ (какъ то обыкновенно называютъ) хотя еще удерживали видъ, будто поступаютъ въ силу

лу помянутыхъ постановленій, коимъ онъ слѣдовалъ во время своего правленія; но въ самомъ дѣлѣ при всякомъ открывшемся случаѣ чинилось прямо совсѣмъ противное тому, что бы онъ сдѣлалъ. Однимъ словомъ, всѣ пороки скоро начали опять господствовать при Дворѣ гораздо мучительнѣе, нежели когда нибудь.

Здѣсь-то было время сдѣлать стоящимъ заключеніе, на которомъ онъ согласился по своему договору съ Діонисіемъ, -- что ему вольно удалиться, когда онъ не могъ болѣе сомнѣваться, что услуги его при Дворѣ сего государя сдѣлались безполезными. Такойже былъ данъ совѣтъ и философомъ Аристиппомъ, который ему одинъ изъ его придворныхъ друзей остался вѣрнымъ. „Тебѣ бы надлежало (сказалъ онъ ему въ дружескомъ разговорѣ, кото-

рый они имѣли между собою о настоящемъ теченіи дѣлъ) тебѣ бы надлежало или никогда не обязываться съ Діонисіемъ, или на такомъ мѣстѣ, которое ты заступилъ единожды, надлежало тебѣ свои нравоучительныя понятія — или по крайней мѣрѣ свои дѣйствія — приноравливать къ обстоятельствамъ. На семъ зрѣлищѣ притворства, обмана, кововъ, лести и вѣроломства, гдѣ *добродѣтели и должности суть только* шелехи, а всѣ лица личины; однимъ словомъ, при такомъ Дворѣ, гдѣ не знаютъ никакого другаго правила, кромѣ согласія; гдѣ все градомудріе состоитъ въ лучшемъ, сколько возможно, соединеніи каждаго обстоятельства съ нашими собственными намѣреніями. Впрочемъ можетъ быть надлежитъ рѣшить сей вопросъ: хорошо ли ты сдѣлалъ, что для малозначащей самой въ себѣ причины

чины размолвился съ Діонисіемъ? Я признаюсь, что на глаза философа танцовщица Бакхидіонъ несравненно драгоцѣннѣе, нежели сія высоковыйная Клеонисса, которая со всею своею метафизикою и добродѣтелію ни больше, ни меньше, какъ лицемѣрная, властоискательная и злобная баба. Бакхидіонъ не сдѣлала никакого вреда обществу; Клеонисса безконечное причинитъ зло.,, — Точно для сея самой причины (перебилъ его Агатонъ) заступился я за первую и почелъ за должность итти противу послѣдней. — ,, Но (отвѣчалъ Аристиппъ) удобно было предвидѣть Клеониссину побѣду.,, — Очень изрядно; но честный человѣкъ, любезный Аристиппъ, не объявляетъ себя за ту сторону, которая побѣдитъ, но за ту, которая имѣетъ право, или по крайней мѣрѣ меньше несправедлива. — ,, О Агатонъ,

коль трудно для праводушнаго человѣка, желающаго при Дворѣ жить, избѣгнуть всѣхъ стремнинъ, его окружающихъ! Но, скажи мнѣ, не жаль ли, что столько блага, тобою до сего сдѣланнаго и имѣющаго чрезъ тебя сбыться, должно для того погибнуть, по тому, что ты не хотѣлъ понимать женщины, которая тебѣ столь ясно давала знать, что она только — хотѣла быть любимою? *Но можетъ быть ошибку сію можнобы было изправить*, естьлибы ты только былъ довольно снизходительнымъ и споспѣшествовалъ намѣреніямъ ея на Діонисія. А естьли ты и сего не хотѣлъ, то какая тебѣ была нужда итти противу ее? Какой бы изъ того возпослѣдовалъ вредъ, естьли бы ты остался безпристрастнымъ? Маленькая Бакхидіонъ больше бы не стала танцовать, а Клеонисса имѣла бы честь засту-

ступить ея мѣсто, пока бы онъ ею столькоже не наскучилъ, какъ и многими другими. Вотъ бы и все тутъ было. Да положимъ, чтобы ты долженствовалъ дѣлить съ нею честь управлять Монархомъ, то бы ты всегда удерживалъ по крайней мѣрѣ совершенное равновѣсіе; да и тутъ бы тебѣ оставалось довольно власти на содѣланіе многаго блага. По видимому живши съ нею въ добромъ наружномъ согласіи, мѣсто твое и довѣренность съ государемъ доставили бы тебѣ тысячи случаевъ отдалить ее опять наилегчайшимъ образомъ на свѣтѣ, какъ бы скоро ея оказанія милости потеряли прелесть новости. Но я тебя весьма изрядно знаю, Агатонъ. Ты не такъ созданъ, чтобы ты пустился въ притворство, козни и придворныя хитрости. Сердце твое весьма благородно и (естьли смѣю сказать) си-

ла воображенія твоего весьма горяча, чтобы тебя когда нибудь приучить къ тому роду благоразумія, безъ котораго не возможно содержаться долго въ милости великихъ людей. Обо всемъ семъ почти я могъ говорить тебѣ и прежде, когда я помогалъ тебя уговаривать обязаться при Дворѣ Діонисія. Но я судилъ, что гораздо лучше увѣриться тебѣ о томъ собственнымъ своимъ опытомъ. И такъ удались теперь назадъ, пока буря, которой вижу я подъятіе, на тебя не прорвалась. Діонисій не заслуживаетъ такого друга, каковъ ты. Сколько бы ты обманулся, естьли бы ты когда нибудь повѣрилъ, что онъ тебя почитаетъ! Отъ чего бы вселилась въ него такая способность? Въ самое то время, когда онъ весьма сильно тобою былъ плѣненъ, любилъ онъ тебя такъ, какъ любитъ своихъ обезьянъ

янѣ и своихъ попугаевъ, — по тому, что ты подобно имъ забавлялъ его. Милость его могла бы столько же удобно пасть и на другаго новопришелца, который бы на гусляхъ игралъ еще искуснѣе тебя. Нѣтъ, Агатонъ, ты не сдѣланъ жить съ такими людьми. Удаляйся назадъ. Ты для своея чести довольно учинилъ. Дурачество новаго правленія оправдаетъ лучше всего премудрость твоего. Твои дѣйствія, добродѣтели твои, и весь народъ, имѣющій сожалѣть о потеряніи тебя, будетъ обратно желать твоихъ времянъ и благословитъ возпоминаніе твое, защитятъ тебя гораздо лучше противу клеветы и безумнаго охужденія Двора, наполненнаго дураками и скаредными невольниками, коихъ ненависть принесетъ тебѣ больше чести, нежели ихъ благосклонность. Ты находишся въ такихъ обстоятельствахъ, что мо-

можешъ наслаждаться съ достоинствомъ сладостями особенной и независимой жизни. Тарентинскіе друзья твои примутъ тебя съ разпростертыми объятіями. Я тебѣ повторяю, Агатонъ: оставь государя достойнаго своихъ невольниковъ, а невольниковъ достойныхъ такого государя; и помышляй только о томъ, какимъ образомъ тебѣ самому наслаждаться жизнію, когда ты искусился, сколь трудно, сколь опасно и вообще сколь безполезно работать для щастія другихъ.

Такъ говорилъ Аристиппъ; и Агатонъ сдѣлалъ бы безъ сомнѣнія весьма изрядно, естьли бы послѣдовалъ столь хорошему совѣту. Но какъ возможно, чтобы тотъ, который самъ играетъ главную роль въ піесѣ, разсуждалъ о ней столь постоянно, какъ простый зритель? Агатонъ

взи-

взиралЪ на дѣла совсѣмЪ изЪ другой точки зрѣнія. ОнЪ разсуждалЪ о себѣ, какЪ о такомЪ человѣкѣ, который самЪ на себя наложилЪ обязательство споспѣшествовать благосостоянію Сициліи. Для чего пришелЪ я вЪ Сиракузы? — говорилЪ онЪ самЪ кЪ себѣ — и сЪ какими намѣреніями принялЪ я чинЪ друга и совѣтника у сего тиранна? СдѣлалЪ ли я то, чтобЪ быть невольникомЪ его страстей, и служить орудіемЪ самоизвольнаго правленія? Или я не имѣлЪ великое и честное намѣреніе? Обязался ли бы я когда нибудь ему служить, естьли бы онЪ меня не обнадежилЪ, что добродѣтель наконецЪ получитЪ верьхЪ надЪ его пороками? ОнЪ меня обманулЪ. Опыты, чинимые надЪ его свойствомЪ и его разположеніемЪ, убѣждаютЪ меня о его неисправимости. Но благородно ли мною будетЪ поступлено оставить народЪ, коего благо-

годенствіе было предметомъ моихъ попеченій; такой народъ, который почитаетъ меня яко своего благотворителя, отдамъ ли я подло своенравію жестокаго сластолюбца и жадности его льстецовъ и невольниковъ? Какія должности имѣю я противу его, коихъ бы его неблагодарный подлый поступокъ противу меня не пресѣкъ и не уничтожилъ? Или есть ли я еще имѣю противу его должности, то не суть ли тѣ безконечно святѣе, которые привергаютъ меня къ такой землѣ, коя по моему выбору и по услугамъ, мною ей оказаннымъ, сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ? — И такъ кто есть сей Діонисій? Какое имѣетъ онъ право на всевысочайшую власть, которую онъ себѣ присвояетъ? Кому иному, кромѣ Агатона, обязанъ одинъ благодарностію за единое право, на которое онъ съ нѣкоторымъ

видомъ можетъ сослаться? Съ котораго времяни сдѣлался онъ изъ отвратительнаго во всей селенной тиранна государемъ, какъ не съ того, когда я ему правдивымъ и благотворительнымъ правленіемъ снискалъ любовь народную? Онъ заставилъ меня работать; онъ скрывалъ свои пороки подъ сѣнію моихъ добродѣтелей, присвоялъ себѣ мои заслуги и наслаждался плодами трудовъ моихъ, неблагодарной! -- и теперь, думая быть себя довольно сильнымъ обойтися безъ меня, отдается паки своему собственному характеру и начинаетъ уничтоженіемъ всякаго блага, содѣланнаго мною его имянемъ, Равно, какъ бы онъ стыдился бывъ столько времяни самъ себѣ неподобенъ какъ будто бы онъ не успѣетъ извѣстить весь свѣтъ, что это былъ Агатонъ, а не Діонисій, показавшій Сициліянцамъ зарю лучшихъ времянъ и обнаде-

жившій ихъ прохлажденіемъ отъ беззаконій чреды худыхъ правителей. -- И такъ что бы я былъ, естьли бы я захотѣлъ ихъ оставить въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ они имѣютъ во мнѣ больше нужды, нежели когда нибудь? Нѣтъ; Діонисій подалъ довольно доказательствъ, что онъ неизправимъ, что онъ поблаженіемъ своимъ порокамъ подкрѣпляется только въ смѣшныхъ *воображеніяхъ*, какъ *будто* бы обязаны онымъ почтеніемъ. Время сдѣлать конецъ сей комедіи и показать сему маленькому театральному царю мѣсто, къ коему опредѣляютъ его личныя его свойства!

Читатели наши могутъ примѣтить изъ сего опыта тайныхъ разговоровъ, кои Агатонъ имѣлъ самъ съ собою, коль далеко еще онъ отъ того былъ, чтобы сдѣлать-

латься обладателемъ сего рода душевнаго возторженія, бывшаго до сего източникомъ какъ его недостатковъ, такъ и всѣхъ его изящныхъ дѣйствій. Мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться о его искренности къ самому себѣ. И по сему мы можемъ принять за безопасное, что онъ почиталъ себя обязаннымъ предпріять возбудить противу Діонисія возмущеніе по столько же точно похвальнымъ возбужденіямъ, каковы были тѣ, кои пятьнатцать лѣтъ позже ободрили одного изъ благороднѣйшихъ смертныхъ, жившихъ нѣкогда, Тимолеона Коринѳскаго, къ предпріятію возвращенія своей Сициліи прежней ея вольности. Однако тѣмъ не менѣе вѣроятно, что полное возчувствованіе личной несправедливости, ему причиненной, негодованіе на неблагодарность Діонисія и досада видѣть себя принесен-

сеннымъ въ жертву презрительному любодѣятельству не мало способствовали къ возпламененію сего ироическаго огня, пылающаго теперь въ его душѣ. Въ основаніи онъ никакихъ не имѣлъ къ Сициліянцамъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, кои возникли изъ его договора съ Діонисіемъ, и посредствомъ самаго сего договора престали онѣ, какъ скоро услуги его сдѣлались государю непріятными. Сиракузы никакъ не были его отечество. Діонисій тайнымъ всего государства согласіемъ, по силѣ котораго взошелъ онъ по смерти отца своего на престолъ, снискалъ нѣкоторый родъ права на корону. Самъ Агатонъ не пошелъ бы къ нему въ службу, естьли бы онъ не почелъ его за законнаго государя. Помянутыя причины, побудившія его тогда предпочитать монархію республикѣ и по онымъ противиться до сего намѣреніямъ

Діо-

Діона, состояли еще во всей своей силѣ. Весьма сомнительно было, приведетъ ли возмущеніе Сициліянцовъ противу Діонисія дѣйствительно въ благополучнѣйшее состояніе, или подастъ имъ только другаго, можетъ быть еще худшаго, обладателя, когда они уже столь многими изпытали опытами, что они не сдѣланы для наслажденія вольностію. Впрочемъ Діонисій имѣлъ довольно силы затруднить низверженіе свое; и пагубныя слѣдствія междуусобной войны были единыя извѣстныя слѣдствія, кои можно было предвидѣть при столь сомнительномъ предпріятіи. Всѣ сіи разсужденія сдѣлали бы немалую тяжесть на вѣсовой чашкѣ холоднаго и безпристрастнаго размышленія, а можетъ быть и пребыли бы въ равновѣсіи съ противоположенными побужденіями. Но Агатонъ на сію минуту былъ ни холоденъ, ни без-

пристрастенъ; онъ былъ человѣкъ, -- коего самолюбіе ранено было въ наичувствительнѣйшей его части. Страсть, въ которую его низвергнуть сіе долженствовало, дала предметамъ другой цвѣтъ. Діонисій, на коего пороки взиралъ онъ прежде дружелюбными очами, какъ на слабости, представился ему теперь въ гадкомъ видѣ мучителя. Чѣмъ лучше онъ прежде думалъ о Филистѣ, тѣмъ гнуснѣе казалось ему теперь свойство сего Министра, когда онъ его нашелъ единождьı лживымъ и подлымъ; не было ничего столь безчестнаго и постыднаго, къ чему бы онъ не почелъ такого человѣка способнымъ. Прелестные образы блаженства Сициліи подъ благотворительнымъ правленіемъ получили чрезъ унылость видѣть ее предъ своими глазами уничтоженною тѣмъ большую власть надъ

силою

силою воображенія его. Ему несносно было допустить такихъ людей -- кои только для того были его непріятели, по тому, что они были непріятели всякаго блага, непріятели добродѣтели и общаго благоденствія — одержать таковую побѣду. Онъ почиталъ сіе за публичную должность противиться ихъ предпріятіямъ; и мѣсто, которымъ онъ почти чрезъ два года управлялъ въ Сициліи, не позволяло ему ни минуты сомнѣваться, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ не былъ онъ призванъ особенно къ изполненію сея великой должности. Всѣ сіи разсужденія, кромѣ своея собственной силы, имѣли еще на сторонѣ его сердце и его силу воображенія. И такъ не должны ли онѣ были необходимо все перевѣсить и на все отважить, что бы ни могло противуположить благоразуміе.

Глава седмая.

Агатонъ замѣшипается пъ умыселъ противу тиранна.

Какъ скоро Агатонъ предпріялъ свое намѣреніе, то работалъ о изполненіи онаго. Діонъ (который тогда находился въ Аѳинахъ) имѣлъ знатную часть послѣдователей себѣ въ Сициліи, посредствомъ коихъ дѣлалъ онъ до сего всевозможныя движенія на изходатайствованіе у государя возвращенія; и по сему онъ преимущественно обратился къ Агатону, какъ скоро извѣстился, въ какой онъ находится довѣренности у Діонисія. Но Агатонъ не думалъ тогда столь хорошо о свойствѣ Діона, какъ Аѳинская Академія. Добродѣтель, смѣшанная съ гордостію, непокорностію и твердостію, казалась ему естьли не подозрительною, то по крайней мѣрѣ меньше любви достой-

стойною. Онъ опасался съ нѣкоторою правдовидностію, что свойство сего Принца не оставитъ его никогда въ покоѣ, и что онъ (не взирая на свои республическія положенія) столько же мало будетъ свойственenъ къ раздѣленію верьховной власти съ кѣмъ нибудь въ государствѣ, какъ и жить въ ономъ сопричаствуя въ правленіи. И такъ онъ, вмѣсто споспѣшествованія возвращенію его, совсѣмъ ничего не дѣлалъ, чтобы опровергать крайнѣйшее отвращеніе, оказываемое Діонисіемъ къ сему Принцу. Симъ поступкомъ навлекъ онъ на себя со стороны друзей Діона нѣкоторое неудовольствіе. Они столько же раздражились тѣмъ, что онъ не дѣлалъ ничего въ пользу сего Принца, какъ бы онъ дѣйствительно работалъ все противъ его. Но съ тѣхъ поръ, какъ собственный его опытъ оправдалъ всякое зло, кото-

торое могли Діонисіевы непріятели думать о тираннѣ, превратилось совсѣмъ и мнѣніе его противу Діона. Сей Принцъ, обладавшій неоспоримо великими свойствами, представился ему теперь подъ образомъ правдиваго мужа, въ которомъ продолжительный видъ общей бѣдности подъ безчестнѣйшимъ правленіемъ и всегда тщетное стараніе противиться стремительной рѣкѣ развращенія возбудило наконецъ придержательное справедливое негодованіе, которое, невзирая на видъ холеричной досады, въ основаніи есть плодъ наиблагороднѣйшаго человѣколюбія. И такъ онъ заключилъ дѣлать съ нимъ общую вещь. Онъ открылся друзьямъ Діона, кои, обрадуясь доступу до такого человѣка, который своими дарованіями и своею милостію у народа противную сторону силенъ былъ перевѣсить, открыли ему взаимно

но все состоянie Дioновыхъ дѣлъ, число его единомышленниковъ и тайныя приуготовленiя, сдѣланныя уже въ ожиданiи какого нибудь благосклоннаго случая къ возвращенiю его въ Сицилiю. И такъ Агатонъ въ короткое время изъ друга и перваго Министра Дioнисiева сдѣлался главою противу него въ заговорѣ, въ коемъ имѣли участie всѣ тѣ, кои, изъ благородныхъ или корыстолюбивыхъ побудительныхъ причинъ, были недовольны настоящимъ правленiемъ. Онъ начерталъ планъ для произвожденiя всего дѣла; а чрезъ сie средство получилъ онъ случай вести тайную съ Дioномъ переписку, помощiю которой лучшее мнѣнie, кое они другъ объ другѣ начали имѣть, часъ отъ часу подкрѣплялось. Дворъ, погрузившись въ веселости и роскошное забвенie всѣхъ опасностей, благопрiятствовалъ успѣху тайнаго пред-

предпріятія безпечностію, которая казалась столь мало естественною, что единомышленники чрезЪ то обезпокоились. Они удвоили свою недремлемость, и (что вЪ подобномЪ предпріятіи всего удивительнѣе, хотя однако весьма обыкновенно) не смотря на множественное число знавшихЪ о тайнѣ, все казалось такЪ тихо, что можетЪ быть никто бы ни малѣйшаго не возымѣлЪ подозрѣнія, естьли бы нѣкоторыя обстоятельства вЪ недовѣрчивомЪ Филистѣ не возбудили наконецЪ вниманія. СЪ одной стороны находилЪ онЪ совсѣмЪ невѣроятнымЪ, чтобы АгатонЪ взиралЪ на свое паденіе столь равнодушно, сколько онЪ поступать казался; сЪ другой приходили кЪ нему извѣстія о нѣкоторыхЪ вооруженіяхЪ, чинимыхЪ ДіономЪ и его друзьями, кои предвѣщали конечно весьма важное намѣреніе. Мысль, что

Агатонъ и Діонъ могутъ ли имѣть между собою согласіе и станутъ ли умышлять вкупѣ о какой нибудь тайной цѣли? была здѣсь весьма естественна, чтобы не представляться Филисту, и весьма страшна, чтобы не крайне его обезпокоивать. Съ сея минуты Агатонъ и всѣ тѣ, коихъ почитали за Діоновыхъ друзей, были весьма строго наблюдаемы тысячею невидимыхъ глазъ. Наконецъ пощастливило Филисту поимать невольника прибывшаго изъ Аѳинъ съ письмами къ Агатону. Изъ сихъ писемъ (содержавшихъ причины, для чего Діонъ намѣренное высаживаніе войскъ въ Сициліи не такъ скоро, какъ между ими уговоренось, могъ произвести въ дѣйство) ясно видно было, что Агатонъ и прочіе Діоновы друзья участвовали въ самовластномъ возвращеніи сего Принца въ свое отечество. Но

о заговорѣ противу правленія и особы тиранна, естьли выключить нѣкоторыя неопредѣленныя и двузнаменательныя выраженія, скрывавшія въ себѣ повидимому нѣкую тайну, ничего въ ономъ не замыкалось. Открытіе сіе произвело великія движенія въ кабинетѣ Діонисія. Тотчасъ догадались, что великія поданы причины къ неудовольствію и къ опасенію отъ онаго злѣйшаго. Но для сего же самаго Филистъ почелъ за полезнѣйшее поступить съ симъ дѣломъ, какъ съ дѣломъ государственнымъ, съ сокровеннѣйшею тайною. Агатонъ подъ предлогомъ разныхъ преступленій, учиненныхъ во время своего управленія государствомъ, взятъ былъ подъ караулъ, безъ извѣщенія обществу чего нибудь опредѣленнаго, а всего меньше о истинной причинѣ. За лучшее найдено Діоновыхъ друзей (коихъ въ стра-

хѣ представляли себѣ быть многочисленнѣе, нежели ихъ дѣйствительно было) разстроить, нежели довести до какого нибудь отчаяннаго дѣйствія; и между тѣмъ, довольствуясь наиточнѣйшимъ за оными наблюденіемъ, получили время привести государство вѣ положеніе способное къ отраженію всякаго рода нападенія со стороны единомышленниковъ.

Мы уже привыкли видѣть ироя нашего гораздо большимъ въ противномъ щастіи, нежели когда оно усклаблялось ему. Его величество души не оставило его въ семъ обстоятельствѣ. Приуготовясь ко всякому злу, которое враги его могли ему нанести, предпріялъ не уступать имъ торжества, чтобы они уничижили Агатона до чего нибудь такого, что бы его не достойно было. Онъ совсѣмъ отрекся отвѣчать Филисту

сту и Тимократу, назначеннымъ для изслѣдованія его преступленія. Онъ требовалъ въ своихъ защищеніяхъ выслушанъ быть самимъ государемъ, ссылаясь на договоръ, заключенный между ими при вступленіи его ко Двору Діонисія; но мучитель не имѣлъ бодрости выдержать тайный разговоръ съ своимъ прежнимъ любимцемъ. Все было изпытуемо для потрясенія его твердости жестокою встрѣчею и угрозами; да и сама прекрасная Клеонисса подала бы свой голосъ къ наистрожайшему приговору, естьли бы боязливость тиранна и благоразуміе его Министра допустили послѣдовать ея вдохновеніямъ. И такъ она принуждена была питаться надеждою, что какъ скоро сбудутъ съ шеи Діона симъ или другимъ образомъ, сдѣлаютъ его публичною жертвою ея жаждущей мщеніемъ добродѣтели. Между

тѣмъ

тѣмъ друзья Агатоновы находились для него тѣмъ въ большемъ безпокойствѣ, вѣдая довольно злость его непріятелей, а притомъ зная и то, что они внушатъ тиранну самое злобнѣйшее противу него, а сей будучи довольно слабъ, тотчасъ дастся имъ въ обманъ; ибо невозможность противиться своимъ любимцамъ дѣлаетъ часто роскошныхъ государей противу ихъ естественной склонности жестокими. И такъ они тайно, не отваживая на бунтъ, коего слѣдствіе не небезопасно, употребляли все, что могло споспѣшествовать спасенію Агатона. Діонъ при семъ случаѣ подалъ опытъ своего великодушія, обязавшись дружественнымъ писаніемъ къ Діонисію разпустить всѣ набранныя свои войска и ожидать своего обратнаго возвращенія, яко единой милости отъ до-

доброй воли государя, только съ тѣмъ договоромъ, чтобы даровать вольность Агатону, коего преступленіе единственно только состоитъ въ усердствованіи ему возвращенія въ свою отчизну. Сколь ни благороденъ былъ сей поступокъ и сколь дешево ни предлагалось Діонисію примиреніе съ Діономъ, однако сіе очень бы мало пособило Агатону, естьли бы друзья его въ Италіи не поспѣшили предложить мучителю еще побудительнѣйшую причину. Около же самаго сего времяни прибыли Тарентинскіе послы, и просили именемъ Архита и республики о дарованіи вольности его другу. Въ случаѣ отказа послы имѣли повелѣніе объяснить, что республика найдетъ себя принужденною подкрѣплять всею своею мочію сторону Діона, естьли Діонисій захочетъ долѣе укоснять содѣй-

ствіемъ

ствіемъ совершеннаго правосудія, какъ сему Принцу, такъ и Агатону. Діонисій зналъ довольно свойство Архита и не сомнѣвался о важности сего угроженія, которое ему долженствовало не иначе показаться, какъ страшнымъ. И такъ онъ заключилъ, что лучшимъ средствомъ извлечься изъ сего нѣжнаго обстоятельства было согласиться на выпущеніе Агатона съ увѣреніемъ Тарентскихъ пословъ, что онъ не устраняется примиренія съ своимъ шуриномъ. Но ирой нашъ объяснился, что онъ не хочетъ принять своего освобожденія ни за милость тиранна, ниже обязанъ быть благодарностію заступленію своихъ друзей. Онъ требовалъ, чтобы преступленія, за кои онъ ввверженъ въ темницу, были доказаны и въ присутствіи Діонисія, Тарентинскихъ пословъ и вельможныхъ

ныхъ Сиракузскихъ боляръ публично разысканы, оправданіе его выслушано, и по законамъ положенъ былъ ему приговоръ. Онъ могъ съ утѣшеніемъ требовать столь торжественнаго слѣдствія, будучи совершенно увѣренъ, что его злобнѣйшіе сопостаты, кромѣ послѣднихъ его сопряженій съ Діономъ, кои онъ впрочемъ удобно могъ оправдать, не могли бы сыскать никакого преступленія и вины, которая бы имѣла наималѣйшій видъ истины. Но Клеониссы, Филисты, и самъ тираннъ (который при всемъ дѣлѣ семъ былъ въ великомъ недоумѣніи) не смѣли сего допустить; но какъ Тарентинцы съ другой стороны не хотѣли имъ давать времяни дѣло вдоль отсрочивать, то наконецъ увидѣли себя принужденными объявить публично, что сильное подозрѣніе на Агатона

тона въ заговорѣ противу его, въ кое онъ запутался, было единственно причиною взятья его подъ караулъ. Они увѣряли въ то же время, что ни на минуту не станутъ откладывать возвращеніе ему вольности, какъ скоро онъ, подъ поручительствомъ Тарентинцовъ, торжественнымъ обѣщаніемъ никоимъ образомъ впредь не предпринимать ничего противу Діонисія, очиститъ себя отъ сего подозрѣнія. Удобосклонность и готовность, съ коею Тарентинскіе послы приняли сіе предложеніе, доказали, что единственно Архиту нужно было освобожденіе Агатона; и мы откроемъ въ послѣдствіи причину, для чего сей глава, не непосредственно запутавшійся въ сіе дѣло республики, вступился съ толь чрезвычайною ревностію за сей пунктъ. Но Агатонъ, не желавшій за свою

вольность обязанъ быть никакому низкому поступку, не могъ долго быть уговоренъ къ поданію отъ себя объясненія, которое могло почесться за нѣкоторый родъ признанія, что онъ отрицается отъ той стороны, которую онъ принялъ. Однако сіе, по обстоятельствамъ въ самомъ дѣлѣ наихитрѣйшее, размышленіе долженствовало наконецъ уступить основательному разсужденію, что онъ отриновеніемъ столь правдообразнаго договора ввергнетъ самого себя въ опасность, не доставивъ чрезъ то никакой выгоды своей сторонѣ; ибо Діонисій гораздо бы скорѣе согласился исторгнуть его изъ числа живыхъ тайно, нежели позволить, чтобы онъ, съ толь множественными новыми побужденіями къ отмщенію, получилъ вольность въ заговоръ Діона вдохнуть паки новую жизнь и соеди-

ниться съ симъ Принцемъ на его низложеніе. Пріятныя изображенія, начертаваемыя ему Тарентинцами облагополучной жизни, ожидающей его въ спокойномъ лонѣ ихъ отечества и посредѣ ихъ друзей, совершили наконецъ дѣйствіе, которое насильственное состояніе безпокойства, попеченій и сильныхъ страстей, въ коихъ онъ нѣсколько времяни жилъ, долженствовало сдѣлать на такой духъ, какъ его, и возродили въ немъ въ то же время всякое отвращеніе къ публичной жизни, кою онъ по своемъ изгнаніи изъ Аѳинъ опять принялъ, и оживотворили въ немъ склонность къ разсудительной жизни, которой онъ всѣ пріятности вкушалъ въ Дельфахъ. И такъ онъ наконецъ согласился къ такому поступку, который ему друзьями Діоновыми причтенъ былъ въ трусливое отторженіе отъ

добраго дѣла; однако всякій благоразумный признается, что сіе въ самомъ дѣлѣ оставалось единымъ средствомъ въ таковыхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ онъ дѣйствительно находился. Отъ сколь бы злыхъ часовъ пощадилъ онъ самъ себя и отъ сколькихъ бы стараній и попеченій избавилъ своихъ друзей, естьли бы онъ послѣдовалъ совѣту мудраго Аристиппа двумя мѣсяцами ранѣе.

Одно изъ надежнѣйшихъ и рѣдкихъ доказательствъ добродѣтели министра есть, когда онъ беднѣе, или по крайней мѣрѣ не богатѣе, возвращается въ свою уединенную хижину, нежели онъ былъ взходя на театръ публичной жизни. Эпаминонды, Валсинггамы, Томасы Моры и Тессины суть конечно во всѣ времяна рѣдки. Но

естьли есть нѣчто такое, что можетъ принудить самаго задеревенелаго отвергателя добродѣтели, самаго, на примѣръ, Гиппіаса, признать дѣйствительность добродѣтели и противу его воли учинить присягу ея божеству; то это конечно примѣры подобныхъ людей. А естьли Гиппіасы захотятъ нѣкогда удостоиться другаго возраженія, то они могутъ ѣхать въ Аркеро; -- и когда они единый взоръ подъ небомъ, на которое (по выраженію мудраго старца) само божество взираетъ съ удовольствіемъ, естьли они увидятъ достопочтеннаго старика, который тамъ, доволенъ благородною и зависти достойною бѣдностію Фабриція и Цинцинната, единаго награжденія за долговременную, славодостойную, Богу, своему королю и своему отечеству посвященную жизнь въ тихомъ

комъ признанiи самого себя, и (коль часто усматриваетъ онъ своего Телемаха) въ надеждѣ, что онъ не совсѣмъ напрасно работалъ, -- находитъ, -- и -- забытъ, -- да можетъ быть и гонимъ -- неблагодарнымъ времянемъ, закутавшись спокойно въ свою добродѣтель, утѣшается сладкимъ ожиданiемъ лучшаго безсмертiя - -- когда бы они его увидѣли, сего по истинѣ великаго мужа, и естьли сiе зрѣлище не произведетъ надъ ними того, чего всѣ бесѣды Платона и Сенеки не могли сдѣлать; -- изрядно, тогда-то могутъ они думать, что хотятъ, и дѣлать, что могутъ дѣлать изъ наказанiя; они столько же мало заслуживаютъ возраженiе, сколь возможно ихъ изправленiе. -- А ты, возлюбленный и достославный старый мужъ! прими сей хотя тлѣнный монументъ

ментъ отъ того, котораго перо никогда не было оскверняемо наемною или корыстолюбивою похвалою великихъ сего свѣта. Я не надѣюсь отъ тебя ни награды, ни выгоды. -- Ты можетъ быть никогда не будешъ сего читать. Мое намѣреніе чистотою подобно твоей добродѣтели. Прими сей слабый знакъ искренняго почитанія отъ того, который мало почитанія достойнаго видалъ подъ солнцемъ. -- Единственно сіи и благодарность за тихія слезы радости, которыя у него (въ такомъ возрастѣ, въ коемъ глаза его къ сей чистѣйшей роскоши человѣчества еще были не запечатаны) выманило изъ глазъ чтеніе твоихъ добродѣтелію дышущихъ писемъ, сіи единственно чувствованія довели его при семъ случаѣ до того; онъ не могъ рѣшиться сердцу своему причинить

нить насиліе — и не прошу ни укого, имѣющаго читать книгу сію, извиненія въ семъ отступленіи.

Агатонъ, упражненъ будучи единственно попеченіемъ о благоденствіи Сициліи и стараніемъ о содѣланіи другихъ благополучными, самаго себя столь совершенно забылъ, что онъ не богаче бы вышелъ изъ Сиракузъ, какъ онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, естьли бы ему, по щастію, скоро по возвышеніи его въ такое достоинство, которое ему во всѣхъ Греческихъ областяхъ придавало немалое почтеніе, не досталась часть изъ своего отцовскаго наслѣдства. Аѳиняне принуждены были тогда также завести дружество съ царемъ Діонисіемъ по нѣкоторымъ купеческимъ намѣреніямъ. И потому почли они за

лучшее прежде сниканія посредствія Агатонова поднести ему чрезъ своихъ пословъ, отправленныхъ въ Сиракузы для сего дѣла, народный указъ, по силѣ котораго пресѣкалася его ссылка, уничтожалося все спорное дѣло, чрезъ которое онъ лишился прежде своего родительскаго наслѣдства, и незаконный владѣлецъ послѣдняго осуждался къ возвращенію ему всего. Хотя Агатонъ, будучи великодушенъ, взялъ изъ онаго только половину, и сія была не столько знатна, чтобы довольно стало ея для нуждъ Алцибіада или Гиппіаса; но все больше, нежели потребно мудрому, чтобъ жить вольно и спокойно; а сего и довольно было для Агатона. Ирой нашъ, будучи опять на волѣ, не больше замѣшкался въ Сиракузахъ, какъ сколько ему надобно было времяни на прощаніе съ своими

друзь-

друзьями. Діонисій, который (какъ намъ извѣстно) имѣлъ честолюбіе дѣлать все съ великимъ приуготовленіемъ, хотѣлъ, чтобы онъ простился съ нимъ въ присутствіи всего его Двора. Онъ осыпалъ его при семъ случаѣ похвалами и ласками, и воображалъ, что онъ представитъ весьма тонкаго политика, естьли притворится, что онъ не охотно соглашается на отпущеніе его, и будто они разлучаются другъ съ другомъ какъ самые добрые друзья. Агатонъ имѣлъ удовольствіе пособить играть сіе послѣднее явленіе комедіи. И такимъ образомъ удалился онъ въ провожаніи Тарентинскихъ пословъ, судимъ каждымъ, многими хулимъ, а не знаемъ никѣмъ изъ самыхъ тѣхъ, кои милостиво ѡ немъ думали, но сожалѣемъ всѣми честными людьми, желавшими его возвраще-

нія изъ такого города и изъ такой земли, въ которой онъ имѣлъ удовольствіе оставить послѣ себя многіе монументы своего славы достойнаго правленія, и изъ которой онъ ничего съ собою не вывезъ, кромѣ чреды опытовъ, подкрѣпившихъ его въ намѣреніи — не дѣлать больше никакихъ другихъ сего рода.

Конецъ третіей части.

